

РОЖДАЕМОСТЬ

Сборник статей

Д

И

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЦСУ СССР

Отдел демографии

РОЖДАЕМОСТЬ

(Проблемы изучения)

*

Под редакцией Л. Е. ДАРСКОГО

МОСКВА
„СТАТИСТИКА“ 1976

312
P62

P $\frac{10805-036}{008(01)-76}$ 37-76

© Издательство «Статистика», 1976

Л. Е. ДАРСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАКТОРОВ РОЖДАЕМОСТИ

Рождаемость в СССР в настоящее время предстает перед исследователем как сложный и противоречивый процесс, непосредственно связанный с социальным и экономическим развитием нашего общества. Еще совсем недавно первоочередной задачей было исследование ее уровня и тенденций в рамках традиционной демографической науки. В настоящее время данные двух последних переписей населения в сочетании с материалами текущего учета рождений и значительным числом специальных обследований дают весьма четкое представление о тенденциях развития рождаемости на разных территориях страны, ее динамике и дифференциации. Анализ этих материалов посвящено множество специальных работ. Картина развития рождаемости в нашей стране, которую мы можем себе представить по этим работам, достаточно полная, и нет недостатка в гипотезах о сущности причинно-следственных зависимостей, лежащих в основе выявленных статистических связей и закономерностей. Но общая теория, которая могла бы объяснить выявленные закономерности, не разработана в должной мере.

Социальная обусловленность рождаемости в настоящее время никем не оспаривается. Многолетние исследования факторов рождаемости доказали это достаточно полно, однако на вопрос о том, как именно «условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов...»¹, пока нет четкого ответа.

Неразработанность теоретических основ тормозит развитие науки, затрудняет и ослабляет возможности

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 476.

ее практического применения. Без адекватной теории невозможно ни составление научно обоснованного прогноза рождаемости, ни проведение эффективной демографической политики.

Перед демографом, который берется за изучение рождаемости, прежде всего встает проблема адекватного отражения процесса с помощью количественных характеристик. Эта проблема достаточно хорошо разработана в рамках демографической науки. Когда рождаемость рассматривается как результат взаимодействия социальных, экономических и культурных факторов или как объект целенаправленного воздействия, ее количественной характеристикой служит число детей в семье. Но число детей в семье не может быть непосредственно измерено, пока семья не закончила своего формирования; поэтому во всех случаях, когда речь идет о рождаемости в определенный момент, оно может быть измерено только косвенно. Невозможность прямого измерения ни результатов действия тех или иных факторов в данный момент, ни результатов политики должна всегда учитываться. Косвенные измерители отражают действительность лишь в той мере, в какой применяемая модель адекватна реальности.

Лишь после того как проблема измерения решена и создана система количественных характеристик, отражающих процесс рождаемости, можно ставить во всей полноте вопрос об исследовании факторов, воздействующих на процесс, и движущих силах, его поддерживающих.

Часто приходится слышать, что демографические процессы имеют естественно-биологическую основу. Вопрос этот не такой простой.

Созданный эволюцией механизм размножения достаточно сложен. Он основан на мощном половом инстинкте. У млекопитающих удовлетворение половой потребности приводит к проникновению мужских гамет в половые пути самки. Если к этому моменту женские гаметы созрели и готовы к слиянию, происходит оплодотворение. При этом у большинства видов существует физиологический механизм, жестко связывающий половую потребность с возможностью оплодотворения: созревание яйцеклетки происходит периодически и в те же периоды включается и мощная половая потребность; удовлетворение половой потребности приводит к оплодотворению.

У приматов яйцеклетки созревают примерно раз в месяц, т. е. зачатие возможно 12—13 раз в год, но половая потребность уже не связана жестко с возможностью зачатия, она существует постоянно. Таким образом создается предпосылка для весьма высокой вероятности зачатия.

В период после рождения детеныши высших приматов беспомощны и требуют опеки и ухода со стороны взрослых. Это обеспечивается имеющей биологическую природу потребностью опеки, или, как ее называют, инстинктом материнства. Последнее название не вполне точно, так как эта потребность не зависит от пола и от того, рожден ли данный детеныш от данной особи; потребность опеки проявляется всякий раз, как только детеныш попадает в непосредственный контакт с взрослой особью. Эти биологические механизмы для воспроизводства потомства возникли в результате естественного отбора.

Биологические механизмы размножения у человека и высших обезьян идентичны и основаны на двух потребностях — половой и опеки. Обе эти потребности у человека чрезвычайно сильно развиты, особенно потребность опеки, под влиянием группового отбора в процессе антропосоциогенеза². В процессе социогенеза эти потребности подверглись разносторонней регламентации, они приобрели социальный характер, так как не могут быть удовлетворены оптимальным образом вне социального взаимодействия, появились социально санкционированные формы их удовлетворения. При этом следует заметить, что различные нормы возникали вовсе не на основе рационалистических соображений, которые сейчас им иногда приписываются. Так, табу на инцест широко распространено даже в тех племенах, в которых отсутствует осознанное представление о причинно-следственной связи между половым актом и рождением. Поэтому попытки объявить запрет инцеста осознанием его генетической вредности попросту наивны. Закрепление некоторых объективно полезных норм есть результат группового культурного отбора.

Неолитическая революция, т. е. смена присваивающей экономики аграрной экономикой, создала предпо-

² См.: Эфраимсон В. П. Родословная альтруизма. — «Новый мир», 1971, № 10.

сылки для первой демографической революции. В воспроизводстве населения произошли значительные качественные сдвиги. Вместе с увеличением плотности населения образовались большие популяции, в которых, в отличие от малочисленных, стохастический элемент воспроизводства населения практически не играет роли. Прекратился процесс группового отбора. Была осознана причинно-следственная связь между половым актом и последующей беременностью и т. п.

Одновременно сформировался социальный институт семьи, в котором дети занимают определенное место. При этом дети не только поддерживают непрерывность семьи, но и выполняют в семье вполне определенные функции, т. е. деторождение стало не просто естественным следствием удовлетворения половой потребности, а средством удовлетворения целого ряда потребностей социального характера. Ситуация, при которой дети удовлетворяют некоторые потребности родителей, детерминирована социальным организмом. Это явление принципиально новое и свойственное только человеку. Социальная зависимость образа жизни взрослых людей от числа имеющихся у них детей — это основной механизм социального регулирования воспроизводства населения.

В течение многих веков зависимость образа жизни семьи от числа детей была очень тесной. Семья являлась универсальным институтом, удовлетворяющим множество разнообразных потребностей, ее благополучие во многом зависело от числа детей. Такая зависимость не была безусловной, т. е. не во всех случаях наибольшее число детей было предпочтительным: известно распространение детоубийства, абортов, воздержания от половых сношений и т. п. Но в большинстве случаев культурные нормы и социальные структуры способствовали высокому уровню рождаемости. Именно благодаря такому положению обеспечивалось расширенное воспроизводство населения в течение большей части истории человечества, несмотря на высокую смертность. При этом далеко не всегда стремление к многодетности было осознано на индивидуальном уровне, оно существовало преимущественно на уровне общественного сознания; но осознание этого стремления не носило рационалистического характера, а чаще всего принимало мифологическую или религиозную окраску. Так, большинство религиозных систем, возникших в ту эпоху, поддерживало многодет-

ность, этим же отличается большинство народных обычаев и традиций.

Репродуктивное поведение семьи определялось стремлением к возможно большему числу рождений в надежде на то, что из родившихся детей выживет большинство. Эта надежда, не подкрепленная ни объективными условиями, ни субъективной активностью, оправдывалась весьма редко. Семья с большим числом детей не только считалась желанной, но и объективно была предпочтительной и с экономической, и с социальной точек зрения. Сознательное репродуктивное поведение было весьма однородным и играло очень незначительную роль в определении числа детей в конкретной семье. Устойчивое среднее число детей в семье определялось взаимодействием уровней смертности и плодовитости, которые по отношению к каждой отдельной семье проявляли себя как случайные силы, не управляемые и не допускавшие управления процессом на микроуровне.

Все изложенное выше большей частью общеизвестно, но, к сожалению, упускается из виду при рассуждениях о рождаемости и ее факторах. Чаще всего рождаемость рассматривается изолированно, вне широкого исторического контекста. В то же время только исторический подход может помочь при истолковании таких, например, явлений, как дифференциальная рождаемость или снижение уровня рождаемости в последние десятилетия.

В специальных работах, рассматривающих проблему воздействия на рождаемость социальных, экономических и культурных факторов, встречаются длинные перечни различных явлений, выбранных и сгруппированных по вкусу автора. При этом одни авторы отдают предпочтение одним факторам, другие — другим; однако общепризнанно, что все они действуют в комплексе и находятся между собой в тесной взаимосвязи.

Социальные явления, которые обычно рассматриваются как факторы рождаемости, принадлежат к самым разным категориям. Так, среди перечней встречаются указания на такие глобальные социально-экономические и культурные процессы, как урбанизация, индустриализация, повышение территориальной и социальной мобильности населения; наряду с ними рассматриваются такие конкретные характеристики, как доход семьи, ее жилищные условия, и личные характеристики людей — образование, занятие и т. д.

Смещение столь разнородных явлений в единый перечень происходит потому, что большинство исследователей не различает факторов, определяющих основную тенденцию снижения рождаемости, связанную со сменой типа воспроизводства населения, и факторов, определяющих дифференциацию уровня рождаемости в пределах одного типа.

В нашей стране до последнего времени эти явления были смешаны, различия в рождаемости между отдельными группами и в пределах каждой группы во времени проявлялись на фоне значительного снижения рождаемости, связанного с переходом к новому типу воспроизводства населения. Нам представляется, что правильное понимание проблемы факторов рождаемости возможно только при раздельном рассмотрении этих двух явлений.

Изменения рождаемости во времени можно разделить на несколько типов. Во-первых, это фундаментальные сдвиги, происходящие под влиянием глубоких и необратимых изменений социальных структур и институтов. Это те изменения, которые приводят к изменениям самого типа воспроизводства, они носят прежде всего качественный характер и изучены менее всего. Во-вторых, это сдвиги, связанные с реальными изменениями уровня рождаемости отдельных когорт, демографическая судьба которых обусловлена определенными пертурбациями — войной, экономическим кризисом и др. Эти сдвиги носят прежде всего количественный характер, они обратимы, количественная сторона этих процессов хорошо изучена благодаря методу когорт. В-третьих, это конъюнктурные колебания, связанные с изменениями календаря брачности и рождаемости, которые не отражаются на окончательной величине семьи и тем самым на уровне воспроизводства. Общая историческая закономерность заключена в том, что, по мере того как процесс рождаемости становится все более управляемым, как с технологической стороны (эффективность контрацепции), так и с социально-психологической (приемлемость контрацепции), уровень рождаемости становится все более чувствительным к колебаниям социальной и экономической конъюнктуры.

Основные проблемы изучения и прогнозирования рождаемости связаны именно со сменой типа воспроизводства населения. Смена типа, происходящая на наших глазах и весьма справедливо названная второй демографи-

ческой революцией, изучена крайне слабо и исследовалась главным образом с количественной стороны. Однако, по нашему мнению, качественные сдвиги имеют более важное значение.

Для нового типа воспроизводства характерно принципиально иное репродуктивное поведение — небольшое число рождений, более или менее тщательно спланированных во времени, и весьма высокая субъективная активность в охране здоровья детей, подкрепленная объективными условиями, обеспечивающими низкую смертность. Таким образом, субъективный фактор (т. е. сознательное репродуктивное поведение), ранее весьма незначительный, превратился в доминирующий фактор: конечная величина семьи заранее планируется и в большинстве случаев реализуется.

Надо заметить, что при этом во многих случаях средний окончательный размер семьи мало изменился, что видно из близости нетто-коэффициентов до и после изменения типа воспроизводства. Резко изменилось распределение семей по числу детей, которое при новом типе намного сильнее сконцентрировано вокруг средней, так как репродуктивные установки современных семей гораздо более однообразны, чем результаты случайных воздействий объективных факторов (плодовитости и смертности) в прошлом.

Изменение типа воспроизводства, исторически закономерное, связано со всем ходом социально-экономического и культурного развития общества. С этой точки зрения можно действительно ссылаться на индустриализацию, урбанизацию и т. п. Но как и во всем историческом развитии, ведущим явилось развитие производительных сил — изменение способов производства. Экономический, социальный и культурный прогресс общества необходимо приводит к смене типа репродуктивного поведения, и вряд ли возможно выделить роль того или иного отдельного явления как непосредственного фактора динамики рождаемости.

В разных социальных группах переход к новому типу воспроизводства происходил с различной скоростью и начинался неодновременно. Это привело к тому, что в процессе перехода появились существенные различия в уровнях рождаемости между социальными группами. Это явление фиксировалось поперечными исследованиями и получило название дифференциальной рождаемости. По

мере завершения перехода эти различия сгладились и во многих случаях исчезли совсем.

Мы уже указывали, что при новом типе воспроизводства ведущую роль в определении числа рождений в семье (которое в данном случае практически совпадает с окончательным числом детей в семье) играет субъективный фактор. Этот субъективный фактор можно понимать как непосредственную зависимость репродуктивного поведения от представлений человека или брачной пары об окончательном числе детей, которое они намерены иметь в своей семье. Такое намерение уже не просто пожелание, а руководство к определенному целенаправленному поведению, оно представляет собой самостоятельный психологический феномен, требующий глубокого и всестороннего изучения. Явление это совершенно новое — впервые в истории человек получил возможность планировать свою семью с твердым знанием того, что реализация этих планов зависит от его поведения. Объективная *возможность* целенаправленного репродуктивного поведения сочетается с его *необходимостью*, так как социальный институт семьи ставит образ жизни человека в непосредственную зависимость от числа имеющихся детей.

Репродуктивное поведение оказывается тесно связанным с поведением в других сферах жизнедеятельности, а ориентация на тот или иной размер семьи формируется в тесной взаимосвязи с другими ценностными ориентациями.

Представление о необходимости иметь детей формируется у человека в процессе социализации под влиянием всего комплекса общественного бытия и общественного сознания. Это представление, как и другие, строго индивидуально и зависит как от особенностей личности, так и от социальной среды. При этом некоторое число детей представляется данному человеку слишком маленьким, недостаточным, некоторое число — чрезмерным, слишком большим и некоторое число — наиболее желанным, т. е. наилучшим образом удовлетворяющим потребности.

Удовлетворение потребностей не равножелательно, одни потребности считаются первоочередными, другие менее важными. Каждая потребность, каждая степень ее удовлетворения имеет в глазах человека некоторую, вполне определенную, ценность. Эти ценности также

весьма индивидуальны, у каждого человека они взаимосвязаны и образуют так называемую систему ценностей, которая также вырабатывается в процессе социализации. Эта система ценностей и помогает человеку в тех случаях, когда нет возможности полностью удовлетворить все потребности, а необходимо выбрать для удовлетворения в той или иной степени некоторые из них. При современном режиме воспроизводства, когда число детей сознательно определяется семьей, потребность в детях полностью включается в эту систему. Удовлетворение каждой потребности требует от человека в процессе его жизнедеятельности некоторых затрат времени, материальных благ, труда и т. п. При этом все эти ресурсы человека ограничены и не всегда взаимозаменяемы. Исходя из собственных возможностей каждый человек стремится удовлетворить в той или иной степени определенные потребности, чтобы в соответствии со своей системой ценностей достичь максимально возможного блага. Такое решение требует от человека учета множества вариантов и предвидения результатов своей деятельности и деятельности других людей. Эта задача решается ежедневно каждым, но элемент рациональности при ее решении не очень велик, большую роль играют интуиция, традиции, даже предрассудки и т. п. Особое значение при решении этой задачи имеют социальные нормы поведения — один из самых существенных регуляторов социального поведения человека.

Нормы, регулирующие отношение общества к деторождению, не носят четкого характера, т. е. можно говорить о типе поведения, соответствующем норме и вызывающем поощрительное, одобрительное общественное мнение, и о типах поведения, существенно отклоняющихся от нормы, которые общественным мнением осуждаются. При возникновении несоответствия намерений личности и ожиданий группы личность скорее всего отказывается от определенного пути удовлетворения потребности, если предполагается негативное отношение к нему со стороны окружающих. Тем самым социальные нормы оказывают влияние на поведение личности через самоконтроль.

В сознании человека его потребности, его потенциальные возможности и социальные нормы поведения интегрируются, результатом чего является определенного рода компромисс. В рамках этого компромисса все по-

требности должны быть удовлетворены в той или иной степени в зависимости от приписанных им ценностей; в отношении числа детей это означает, что некоторое число детей представляется оптимальным исходя из всего комплекса. Это индивидуальное представление об оптимальном числе детей может соответствовать тому, которое наилучшим образом удовлетворяет потребность, может быть меньше или больше его. В нем учтены потребности других членов семьи, социальные нормы и общественное мнение, реальные и потенциальные возможности семьи.

На реализацию индивидуального оптимума числа детей оказывают влияние многие факторы, и прежде всего особенности, присущие самому процессу развития семьи. Поступки человека в этой сфере далеко не всегда обратимы — нельзя сначала принять в качестве оптимума, скажем, троих детей, реализовать этот оптимум, а потом изменить его на два и стремиться к реализации. Невозможно также пересматривать многократно этот оптимум и в сторону увеличения, так как рождения возможны лишь в определенный период жизни, а социальные условия жизни семьи делают их реализацию желательной в еще более узкий период времени. Вообще существует множество причин, по которым индивидуальный оптимум относительно стабилен, а его изменения у каждого человека весьма незначительны.

Реализация оптимального числа детей связана с рядом случайных факторов и поэтому не всегда может достигать цели. В более широком аспекте целенаправленная деятельность человека всегда связана с некоторой степенью неопределенности. Невозможно (независимо от личных особенностей) точно прогнозировать действия окружающих и даже свои собственные реакции, поэтому индивидуальный оптимум реализуется не каждым человеком в отдельности, а лишь в среднем некоторой совокупностью людей, внутри которой существует определенный разброс.

Человек не может еще полностью сознательно управлять своей физиологической способностью к размножению. Несмотря на значительные достижения науки, слишком высокая плодовитость, по сравнению с уровнем, необходимым для реализации желаемого числа рождений, не поддается пока эффективному контролю. Случай пониженной плодовитости, когда желанный ребенок

не может родиться в желаемые сроки, не столь редки, как это иногда кажется, особенно если учесть последствия аборт. Высокая вероятность зачатия в период, когда возникновение беременности нежелательно, — весьма распространенная ситуация, и понизить эту вероятность до нуля на определенный контролируемый период также не всегда удается.

Эти противоречия, вызванные недостаточной контролируемостью физиологических функций, и называются иногда биологическими факторами рождаемости. Они, конечно, не оказывают решающего влияния на уровень рождаемости, но игнорировать их при анализе не следует. Невозможность иметь столько детей, сколько им хотелось бы, приводит к тому, что некоторые семьи в конце концов имеют меньше детей, чем желали, а некоторые больше³. Отклонение действительного положения от желаемого особенно наглядно проявляется в условиях распространенного стремления к многодетности. Во всех странах, где распространена сознательная многодетность, есть много семей, имевших по одному — два рождения. Однако отклонения действительного числа детей от желаемого проявляются и в странах, где распространена малодетная семья. При сопоставлении данных о желаемом числе детей с реальным числом рождений видно, что, хотя среднее число детей по обоим показателям часто достаточно близко, распределение по реальному числу рождений всегда имеет бóльшую вариацию, чем по желаемому.

Опыт последних десятилетий показывает, что в странах, где репродуктивное поведение уже сейчас в большинстве семей контролируется индивидуальным сознанием, а технология контроля плодovitости относительно эффективна, окончательная величина семьи в среднем соответствует намерениям. Пока в мировой литературе еще мало данных для иллюстрации этого положения, но те, которые есть, не оставляют сомнения в его справедливости. Например, в США в 1955 г. было проведено углубленное обследование развития семьи, в котором были получены данные об ожидаемом числе детей у белых женщин. Когорты женщин, которые тогда были в

³ Несовершенство и непопулярность существующих контрацептивов часто приводит к нежелательным беременностям, а аборт (даже в условиях его легализации) не всегда приемлем по моральным или медицинским основаниям.

периоде интенсивного формирования семьи, к настоящему времени уже закончили его; о числе рождений у них мы можем судить по переписи 1970 г.

Таблица 1

Среднее число ожидаемых и рожденных детей, США,
белые женщины

Когорты (годы рождения)	Возраст		Среднее число детей			
	в 1955 г.	в 1970 г.	рожден-ных к 1955 г.	ожидае-мых еще	ожидае-мых всего	рожден-ных к 1970 г.
1926—1930	25—29	40—44	1,9	1,2	3,1	3,1
1921—1925	30—34	45—49	2,3	0,6	3,0	2,9

Источники: *Freedman R., Whelpton P. K., Campbell A. A. Family Planning, Sterility and Population Growth*. N. Y., 1959, p. 232; 1970. *Census of Population. Subject Reports. Women by Number of Children Ever Born*. Washington, 1973, p. 138.

Совпадение уровня рождаемости с предсказаниями пятнадцатилетней давности поражает. Однако далеко не все семьи выполнили свои индивидуальные намерения. В 1955 г. распределение женщин этих когорт по числу ожидаемых детей было более концентрированным, чем их распределение по числу рождений в 1970 г. Различия в распределениях как раз и показывают, что одни семьи не смогли (или не захотели) родить столько, сколько собирались, а другие родили больше. Тот факт, что эти индивидуальные отклонения от первоначальных намерений взаимопогашаются, наводит на мысль, что они носят случайный характер, а не детерминированы какими-либо факторами, общими для всех или большинства семей, действовавшими в период с 1955 по 1970 г. (см. табл. 2).

Следует обратить внимание еще на один весьма важный факт. Распределение семей по числу ожидаемых детей существенно более компактно, чем распределение по числу рожденных. Стереотипность семейных планов весьма велика; в когорте 1926—1930 гг. около 80% женщин собирались иметь от двух до четырех детей. После окончания процесса рождаемости распределение оказалось более расплывчатым; то же наблюдается и в других когортах. Увеличение расплывчатости распределения может, в известной мере, характеризовать степень эффективности регулирования процесса. Конечно, такой изме-

ритель имеет косвенный характер и не заменяет прямых исследований, но при их отсутствии может служить для иллюстрации.

Таблица 2

Распределение белых женщин США по числу детей

(процентов)

Число детей	Когорты 1926—1930 гг.		Когорты 1921—1925 гг.	
	ожидали в 1955 г.	родили к 1970 г.	ожидали в 1955 г.	родили к 1970 г.
0—1	10	16	14	20
2—4	78	66	73	64
5 и более	12	18	13	16
Всего	100	100	100	100

Приведем данные о дифференциальной рождаемости в США в группах с разным уровнем дохода. Предполагается, что в группах с более высоким доходом эффективность контроля выше, так как в США потребление различных специализированных услуг и общий уровень эффективности целенаправленной деятельности личности в значительной степени связаны с уровнем дохода. Приведенные данные, полученные в последней переписи населения 1970 г., соответствуют предположениям: в группе с большим доходом действительно распределение более концентрированное.

Таблица 3

Распределение белых замужних женщин в возрасте 45—49 лет по числу родившихся детей

Доход семьи, тыс. долл. в год	0—1 ребенок	2—4 ребенка	5 и более детей	Среднее число рожденных детей
2—4	34,6	45,8	19,7	2,80
Свыше 25	18,0	69,0	13,0	2,82

Источник. 1970. Census of Population, p. 262.

Конечно, в настоящее время трудно найти такую группу (не подобранную специально), в которой бы контроль рождаемости был вполне эффективным как со стороны

психологической, так и технологической. Однако эффективность его с обеих сторон так быстро прогрессирует, что, по-видимому, уже к концу века репродуктивное поведение станет полностью рациональным и целенаправленным, а плодовитость вполне контролируемой во многих группах населения.

Весь схематически описанный механизм формирования семьи с тем или иным числом детей и тем самым уровнем рождаемости в некоторой совокупности семей позволяет несколько иначе рассматривать явления, которые обычно упоминаются как факторы рождаемости. Не имея возможности рассмотреть весь комплекс, мы остановимся лишь на одном из них — примером такого рода может явиться жилище. Потребность в жилище в том виде, как она существует у современного человека, — также потребность социальная, которая воспитывается у человека в процессе его социализации. Характер этой потребности и ее уровень определяются социальным и экономическим развитием общества. Место потребности в жилище в системе других потребностей индивидуально и зависит от множества социально-психологических особенностей воспитания человека и его личных качеств.

Для удовлетворения своей потребности в жилище человек должен затратить определенные усилия. В нашей стране существуют различные пути удовлетворения этой потребности: получить жилье в фонде местных советов, получить его в ведомственном фонде или участвовать в кооперативном строительстве, построить собственный дом. В каждом случае усилия различны, но для повышения степени удовлетворения потребности (улучшения жилищных условий) они необходимы и, как правило, приводят к соответствующему результату. Человек идет на те или иные усилия в зависимости от той ценности, которую он придает удовлетворению потребности в жилище. Наиболее значительных материальных затрат требует кооперативное строительство, поэтому при прочих равных условиях оно привлекает тех людей, которые придадут этой потребности большую ценность.

В свете этих рассуждений ясно, что связь жилищной обеспеченности с рождаемостью не столь проста, как иногда представляется. Чтобы объяснить те статистические закономерности, которые получаются по данным исследований, необходимо знать, в какой связи находятся потребности, удовлетворяемые детьми и жилищем, как

соотносятся ценности, придаваемые удовлетворению этих потребностей. Эти вопросы практически не изучены.

Хотя жилищные условия семьи в каждом конкретном случае, безусловно, играют определенную роль при формировании индивидуального оптимума числа детей, мы не можем сказать, как именно жилищная обеспеченность связана с рождаемостью. Такое же положение и с другими потребностями: они не изучены и их связи с другими потребностями не исследовались. Сделав шаг в направлении изучения потребностей, лежащих в основе рождаемости, демография продвинулась далеко вперед, и мы с полным правом можем отбросить как наивные те представления о непосредственных зависимостях рождаемости и жилищных условий, которые формировались на уровне здравого смысла; но отбросив эти представления, мы стоим перед огромной задачей — исследовать подлинные связи между потребностями, проникнуть в механизм формирования системы ценностей и, быть может, тогда поставить вопрос об управляемости этих процессов.

Попытки проникнуть в суть проблемы приводят к предположению, что понятие «потребность в детях», встречающееся в литературе, отнюдь не элементарно и нуждается в серьезном исследовании. Теория потребностей в социологии разработана недостаточно для того, чтобы можно было просто заимствовать необходимые теоретические положения. Поэтому естественно, что демографам в данном случае приходится вторгаться в смежные области, что всегда чревато дилетантизмом. Тем не менее приходится высказать хотя некоторые предположения, без которых невозможно осмысление сущности репродуктивного поведения.

Прежде всего следует различать потребность и объект, ее удовлетворяющий, при этом естественно, что одна и та же потребность может удовлетворяться разными объектами и один объект может удовлетворять разные потребности. Не все объекты в равной степени удовлетворяют потребность, и пути удовлетворения потребности с помощью разных объектов различны, конечно, и для одного объекта может быть несколько путей. При этом, как правило, наилучшее удовлетворение какой-либо потребности возможно лишь с помощью оптимального соотношения объектов. Такое разделение потребности и объекта, удовлетворяющего потребность, целесообразно,

наверное, для всех потребностей. Оно несколько усложняет теоретические построения, и понятие потребности становится как будто более неопределенным, но усложнение теоретической схемы необходимо, так как тем самым она становится более адекватной изучаемому явлению. Потребность, понимаемая таким образом, помогает понять и роль детей как объекта, удовлетворяющего потребности.

Некоторые связи в этом направлении сейчас можно наметить. С экономической точки зрения дети в условиях докапиталистического общества удовлетворяли две потребности. Первая — это потребность в рабочих руках в семье, которая была производственной ячейкой. Подрастая, дети уже с ранних лет включались в производственный процесс под руководством родителей. Социализация происходила непосредственно в трудовом процессе. Наличие детей в семье было необходимым — надо было иметь помощников; если собственных детей не было, то брали на воспитание, усыновляли и т. д. В новых условиях семья перестала быть производственной ячейкой, роль эта перешла к специализированным производственным коллективам. Сама семья из сложной, патриархальной, превратилась в простую, нуклеарную: взрослые дети отделяются и живут самостоятельно, дети до 17—18 лет перестали быть работниками в связи с удлинением сроков обучения. Таким образом, в семье дети перестали удовлетворять потребность в рабочих руках, так как, с одной стороны, отпала сама потребность, с другой — дети перестали быть объектом, удовлетворяющим ее: трансформировались и потребность, и объект.

Вторая важная экономическая потребность, которая удовлетворялась детьми, — обеспечение родителей средствами существования после утраты ими трудоспособности. В таком обществе дети, и при том только мальчики, были единственным объектом, оптимально удовлетворявшим эту потребность.

Отсутствие взрослых детей приводило к отсутствию средств к существованию и заставляло прибегать к таким источникам, как, например, нищенство. Эта тысячелетиями существовавшая связь «потребность — объект» также трансформировалась.

В условиях нашего общества постепенное совершенствование системы пенсионного обеспечения приводит к тому, что потребность в средствах существования после

окончания трудовой деятельности все больше удовлетворяется через систему социального обеспечения. Роль социального отношения кормилец — иждивенец непрерывно падает. Постепенно общество берет на себя заботу о всех лицах, нетрудоспособных по тем или иным причинам. Так, переписи населения фиксируют непрерывный рост доли лиц, имеющих самостоятельный источник средств к существованию, среди всех не имеющих занятия.

1926 г. 1939 г. 1959 г. 1970 г.

Доля имевших самостоятельный источник средств существования среди незанятых, %	3,0	4,8	14,3	29,2
--	-----	-----	------	------

Надо учесть, что среди таких лиц не учтены получающие пенсию, но живущие в семье со значительным доходом и потому считающие себя иждивенцами. Общая численность получавших различного рода пенсии составляла в СССР в 1960 г. 21 млн., а в 1972 г. — 42 млн., т. е. институт пенсионного обеспечения постепенно охватывает все взрослое нетрудоспособное население.

Особенно это заметно при исследовании динамики контингентов старше трудоспособного возраста за длительный период. Вот как распределялись по источникам средств существования эти контингенты (мужчины 60 лет и старше и женщины 55 лет и старше) по переписям населения 1926 и 1959 г.

	1926 г.	1959 г.
Всего	100,0	100,0
из них:		
имели занятия	56,4	42,0
имели другой источник средств существования	3,8	32,6
были на иждивении отдельных лиц	39,8	25,4

Доля пожилых людей, не имевших занятия, но и не находившихся на иждивении отдельных лиц, выросла почти в 9 раз благодаря развитию института пенсий. За этим экономическим сдвигом стоит большой психологический сдвиг, он сказывается на ориентации в отношении величины семьи.

Меняется и дифференциация обеспеченности. В условиях, когда единственным источником средств существования является заработок детей, его уровень непосредственно связан с их квалификацией, занятием и т. п. Система социального обеспечения строится по принципу за-

зависимости не от заработка детей, а от прошлого заработка самого пенсионера, т. е. делает его материально незаинтересованным в занятии и доходе детей. Конечно, в настоящее время еще много пенсионеров живет вместе со своими детьми и имеет с ними совместный бюджет, но все же в тенденции пенсия становится постепенно основным, а позже и единственным источником средств существования после окончания трудовой деятельности. Таким образом, потребность осталась, но появился новый способ, лучше удовлетворяющий потребность. Новая ситуация стимулирует трудовую активность, но не стимулирует репродуктивную.

Кроме экономических потребностей, о которых мы упомянули выше, дети традиционно удовлетворяли комплекс социально-психологических потребностей, трудно поддающихся определению, но очень важных. Такие человеческие потребности, как потребность иметь объект забот и ухода, объект доминирования и воспитания, удовлетворялись детьми. Здесь тоже ситуация несколько изменилась, хотя пока и не так радикально, как в сфере экономических потребностей. Резкое повышение требований к личности привело к тому, что функция образования постепенно перешла от семьи к специализированным институтам. Это не только вывело образование детей из-под контроля родителей, но и создало ситуацию, при которой образование детей (даже еще не законченное) стало достаточно часто превышать уровень образования родителей и затруднять психологическое доминирование родителей. Углубление разделения труда и повышение требований к профессиональной подготовке привело к тому, что и профессиональное обучение перешло от семьи к специализированным институтам.

Вместе с образованием и обучением из семьи ушла и значительная часть воспитательных функций, особенно если учесть развитие средств массовой коммуникации. Социальные нормы, вкусы, привычки дети стали в большей степени усваивать вне семьи и не под ее влиянием. Развитие сети детских учреждений и различных специализированных услуг привело к тому, что значительная часть забот и ухода за детьми также ушла из семьи. Трудно сказать, что стало с соответствующими потребностями: то ли они трансформировались и удовлетворяются другими объектами, то ли они слабо развиты, имеют малую ценность и вытесняются другими — возможно и

то и другое вместе. Во всяком случае о тяготах воспитания приходится слышать намного чаще, чем о радостях воспитания.

Мы попытались лишь указать на направление необходимых исследований и никак не претендуем на изложение каких-либо законченных представлений. Основной вопрос — какие потребности люди удовлетворяют, рожая детей, — пока совершенно не исследован. Между тем без ответа на него нельзя понять, чем детерминирован складывающийся уровень рождаемости и как он изменится после того, как контроль плодовитости станет полным, а репродуктивное поведение — рациональной целенаправленной деятельностью.

ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

На протяжении длительного времени рождаемость в СССР снижается. Как следует относиться к этому процессу? Считать его позитивным или негативным, содействовать ему или препятствовать? А быть может он не имеет никакого значения для общественного развития и поэтому не дает оснований для какого-либо вмешательства?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо оценить наблюдающиеся тенденции с точки зрения соответствия их некоторым критериям, если таковые имеются. Сейчас, как справедливо отмечалось в литературе, «проблема критериев оценки демографической ситуации не разработана пока ни в теоретическом, ни в практическом отношении»¹. Ясно, однако, что такие критерии нельзя выработать, оставаясь в рамках изучения собственно демографического процесса. Поэтому необходимо взглянуть на этот процесс извне, исследовать то воздействие, которое оказывает демографическое развитие на другие сферы жизни общества, те последствия, которые порождают те или иные тенденции рождаемости. Это исследование включает в себя несколько последовательных этапов, на каждом из которых наука сталкивается со сложными проблемами. Их анализ, по существу, только начинается. Назовем вначале основные этапы изучения последствий тенденции рождаемости.

1. Идентификация последствий, выявление их с максимально возможной полнотой.

2. Упорядочение выявленных последствий, их классификация по различным признакам, изучение их объективной структуры.

¹ Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы. Киев, 1972, с. 41.

3. Количественная оценка последствий, их измерение.

4. Использование знания последствий для оценки порождающих их тенденций рождаемости.

Рассмотрим теперь более подробно те научные проблемы, которые возникают на каждом из этапов изучения последствий режима рождаемости и их использования для оценки этого режима.

Проблема идентификации последствий изменений рождаемости

На первый взгляд вопрос о том, что именно следует считать последствиями того или иного уровня рождаемости или изменений этого уровня, кажется простым. На самом деле он далеко не так прост, и, как показывает опыт, проблема идентификации последствий изменений в режиме рождаемости, возникшая очень давно, сохраняет актуальность и по сей день. Можно выделить три типа вопросов, которые возникают в рамках этой проблемы.

1. Вопрос о самом существовании явления, которое теоретически истолковывается как следствие того или иного режима рождаемости. В литературе, например, иногда упоминаются генетические последствия изменений в рождаемости. Это связывают, в частности, с так называемым «дифференцированным уменьшением частоты генов, связанных с интеллектом». Полагают, что люди с более высоким интеллектом в среднем менее плодовиты, чем люди, обладающие меньшим интеллектом, в результате чего в общем генофонде человека уменьшается частота генов, определяющих высокий интеллект. Как замечает Э. Майр, из статьи которого заимствован этот пример, «в области биологии человека вряд ли есть более спорный вопрос, чем вопрос о том, в какой мере интеллект определяется генетически и как он связан с плодовитостью»². Едва ли есть основания считать, что дифференциальная рождаемость в современном обществе есть следствие дифференциальной биологической плодовитости, находящейся в генетической связи с интеллектуальностью, и что поэтому низкая рождаемость «интеллектуалов» грозит человечеству умственным вырождением. В действительности такая пессимистическая концепция — не более чем гипотеза, к тому же весьма уяз-

² Майр Э. Человек как биологический вид. — «Природа», 1974, № 2, с. 41.

вимая с точки зрения современных представлений об исторической эволюции рождаемости. Согласно этим представлениям, люди интеллектуальных профессий просто несколько опережают многие другие группы населения с переходом к внутрисемейному регулированию рождаемости, но спустя некоторое время опережение исчезает.

Некоторые авторы связывают неблагоприятные последствия снижения рождаемости с увеличением доли первенцев во всем населении. Утверждают, что «преобладание в населении первых детей ведет к накоплению в популяции отрицательных генетических последствий, по некоторым данным даже и увеличению числа лиц с наследственными болезнями»³. Сейчас едва ли этот тезис можно считать доказанным.

То же самое можно сказать о так называемых «моральных» последствиях низкой рождаемости, например об эгоизме детей, вырастающих в одно-двухдетной семье. А. Сови цитирует слова Р. Дебре о том, что единственный ребенок — это «особое существо». «Единственный ребенок не может не считать себя центром мироздания... Ему суждено стать требовательным, как всякому избалованному существу, ему уготовили разочарования и страдания, как всякому, кто плохо приспособлен к жизни, и жалкие наслаждения, которые приносит легко объяснимый эгоизм»⁴. Опасения по поводу эгоизма, который в связи со снижением рождаемости «может среди большей части населения стать нормой поведения», высказывают и некоторые советские авторы⁵. В самой этой мысли есть много вполне очевидного, но, с другой стороны, нельзя не заметить и некоторых контраргументов, которые ставят под сомнение весь тезис. Не говоря уже о том, что на протяжении большей части человеческой истории подавляющее большинство детей выросло в малодетных семьях (но, конечно, не из-за низкой рождаемости, а из-за высокой смертности), следует заметить, что моральные качества человека воспитываются отнюдь не только в семье. В условиях нашей страны ребенок, как правило, проводит большую часть своего времени в детском коллективе, что с точки зрения воспитания альтруизма, если оно вообще определяется подобными факто-

³ Основы теории народонаселения. М., 1973, с. 33.

⁴ *Sauvy A. Théorie générale de la population, v. II, Paris, 1966, p. 184—185.*

⁵ Основы теории народонаселения, с. 32; *Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974, с. 280.*

рами, вполне может компенсировать отсутствие большого числа братьев и сестер. В данном случае, как и во многих других, на снижение рождаемости возлагается ответственность за те явления, само существование которых никем не доказано, как, впрочем, и не опровергнуто, ибо не существует никакой специальной методики их выявления, измерения и т. п.

Научная проверка гипотез, подобных упомянутым, как раз и составляет одну из главных задач изучения последствий изменений в рождаемости на том этапе их исследования, который мы называем «идентификацией последствий».

2. Вопрос о том, не есть ли то или иное наблюдаемое явление следствием изменений в режиме рождаемости, хотя его принято считать следствием каких-то других причин. «Рост доли пожилых людей во всем населении определяется увеличением продолжительности жизни»⁶. Если в предыдущем случае на снижение рождаемости необоснованно возлагалась ответственность за весьма проблематичные последствия, то в данном случае столь же необоснованно с него снимается ответственность за последствия вполне реальные. В действительности постарение населения, о котором идет речь, вызвано почти исключительно снижением рождаемости, увеличение же продолжительности жизни при определенных условиях может быть, наоборот, связано с омоложением населения. В свое время, чтобы строго доказать этот факт, понадобились довольно сложные исследования.

Можно привести и другие примеры того, как последствия снижения рождаемости или, наоборот, сохранения ее уровня неизменным не рассматриваются в таком качестве, выпадают из поля зрения исследователей. Скажем, принято считать, что вовлечение женщины в общественное производство и изменение ее социальной роли в обществе обусловлены развитием производительных сил и рядом других социально-экономических факторов. При этом часто не обращают достаточного внимания на то, что снижение рождаемости само по себе послужило одной из важнейших предпосылок освобождения женщины и ее борьбы за равноправие с мужчиной, а сохранение высокой рождаемости соответственно служит препятствием такому освобождению. Игнорирование подобных последствий изменений в режиме рождаемости приводит

⁶ Демографические проблемы занятости. М., 1969, с. 34.

к односторонней, в основном негативной, оценке снижения рождаемости.

3. Вопрос о том, есть ли то или иное явление в действительности следствие соответствующего режима рождаемости, как считают отдельные исследователи или признает общественное мнение, или на самом деле оно порождено другими причинами. Классическим вопросом такого типа может служить вопрос, поставленный Т. Мальтусом, который утверждал, что нищета народных масс есть следствие слишком высокой рождаемости у бедных. На самом деле, как известно, нищета трудящихся при капитализме, безработица и тому подобные явления порождены не высокой рождаемостью, а совершенно другими причинами — экономическими и социальными.

Теория Мальтуса давно опровергнута и отвергнута, но ошибка, связанная с тем, что на демографическую обстановку, в частности на режим рождаемости, возлагается ответственность за последствия других социальных и экономических процессов, часто повторяется и сейчас. Например, многие авторы рассматривают в качестве одного из главных последствий снижения рождаемости в СССР усиливающийся дефицит трудовых ресурсов. Полагают, что «экономические последствия современной демографической ситуации в СССР приводят к усугублению дефицита трудовых ресурсов и резкому обострению объективной необходимости повышения производительности труда»⁷. Между тем изменение демографической ситуации, в частности повышение рождаемости, могло бы, может быть, способствовать ослаблению дефицита трудовых ресурсов, если бы оно приводило к повышению доли трудоспособных контингентов во всем населении. В действительности оно приведет скорее к ее уменьшению, но в любом случае диапазон изменений доли трудоспособных контингентов не столь значителен, чтобы эти изменения могли вызвать обострение или смягчение дефицита трудовых ресурсов. Этот дефицит возникает в результате несбалансированности планов роста числа работников и роста производительности труда, и нет никаких оснований рассматривать его как следствие тех или иных тенденций в изменении режима рождаемости.

Подобным же образом можно рассмотреть гипотезу об отрицательных этических последствиях снижения рождаемости. Иногда утверждают, что снижение рождаемос-

⁷ Основы теории народонаселения, с. 31.

ти способствует формированию потребительского отношения к жизни и т. п.⁸ Применительно к современному буржуазному обществу действительно можно утверждать, что потребительское отношение к жизни получило широкое распространение, однако корни его лежат все-таки, по-видимому, в социальной, а не в демографической области. Что же касается СССР, то возможность распространения «потребительского отношения к жизни» в условиях, когда отсутствуют общественные группы, живущие на нетрудовые доходы, более чем сомнительна. Если же и наблюдаются какие-то отдельные проявления подобного отношения к жизни, что в небольших масштабах, конечно, не исключено, то едва ли это можно связать со снижением рождаемости как следствие с причиной.

Проблема классификации последствий изменений рождаемости

Коль скоро идентификация последствий сохранения или изменения режима рождаемости произведена, возникает проблема их классификации, выявления их структуры. Без этого осмысление и оценка многообразных явлений, вызываемых демографическими процессами, невозможны, недифференцированное их рассмотрение способно только породить путаницу, затуманить вопрос и осложнить его анализ.

Возможны самые различные классификации рассматриваемых последствий; мы остановимся на тех из них, которые кажутся нам основными.

1. Прежде всего необходимо разделить последствия в зависимости от места обусловивших их тенденций в историческом процессе демографического развития. Изменения в уровне рождаемости могут быть связаны как со сменой типа воспроизводства населения, так и с конъюнктурными колебаниями, наблюдающимися до или после демографической революции и не затрагивающими самого типа воспроизводства. В первом случае изменения режима рождаемости имеют устойчивый характер, они исторически обусловлены и необратимы, а потому и вызываемые ими последствия также долговременны и необратимы. К числу таких последствий принадлежит, например, постарение населения. Иногда, давая поста-

⁸ Основы теории народонаселения, с. 32.

рению населения в целом негативную оценку, говорят о необходимости повышения рождаемости с целью устранения отрицательного эффекта постарения. В действительности же в силу самой своей природы, в силу обусловленности необратимыми сдвигами в рождаемости процесс постарения также необратим, общество в этом случае (и в других подобных) должно направить свои усилия не на то, чтобы устранить последствие, которое оценивается как негативное, а на то, чтобы приспособиться к нему.

Во втором случае дело обстоит иначе. Если те или иные явления вызываются конъюнктурными колебаниями рождаемости, кратковременными демографическими тенденциями, то они, вообще говоря, управляемы. При достаточном знании факторов, детерминирующих режим рождаемости, можно, воздействуя на конъюнктуру, вызывать желаемые и устранять нежелательные последствия такого рода.

Проблема разделения последствий динамики рождаемости на управляемые и неуправляемые тесно связана с проблемой разделения тенденций самой этой динамики. Там, где кончаются тенденции, обусловленные коренными историческими сдвигами, и начинаются тенденции, обусловленные преходящими временными влияниями, там кончаются неуправляемые и начинаются управляемые последствия. Отсюда ясно, насколько важно верно провести эту общую линию водораздела. К сожалению, сейчас эта задача ни в теоретическом, ни в практическом плане удовлетворительного решения не имеет⁹.

2. Вторая важная классификация последствий динамики рождаемости диктуется тем, что эти последствия объективно проявляются на двух различных уровнях: на уровне индивида или семьи (на микроуровне) и на уровне всего общества (на макроуровне). Существование этих двух уровней часто недооценивается, и иногда оценка демографической ситуации полностью исходит из учета последствий, проявляющихся только на макроуровне, хотя последствия на микроуровне не только существуют наряду с последствиями на макроуровне, но, может быть, являются даже более важными.

Именно на уровне семьи прежде всего обнаруживаются последствия снижения рождаемости, которое длительное время наблюдается в нашей стране. Когда в свя-

⁹ См. статью Л. Е. Дарского в настоящем сборнике.

зи со снижением смертности становится ненужным прежде большое число рождений, появляется реальная возможность освобождения женщины от бремени высокой рождаемости, что служит одной из главных предпосылок ее всестороннего освобождения. Женщина, семья в целом получают право свободного выбора в демографической области; женщина освобождается от необходимости постоянно находиться в состоянии вынашивания ребенка или кормления его грудью, на что прежде уходила большая часть ее сознательной жизни; она может планировать не только количество рождений, но и их сроки, становится свободной, мобильной, получает объективную возможность наравне с мужчиной участвовать в общественном производстве и общественной жизни. Семья не может не отдавать себе более или менее ясного отчета обо всех последствиях и не реагировать на них определенным репродуктивным поведением, которое и приводит ко всеобщему снижению рождаемости. Точно так же она не может не замечать и отрицательных последствий чрезмерно низкой рождаемости (если таковые имеются), которые также влияют на ее поведение.

При этом могут совсем не учитываться те последствия, которые проявляются и осознаются только на уровне всего общества, так что последние могут длительное время вообще не оказывать никакого влияния на формирование демографических тенденций и демографической ситуации.

Тем не менее и последствия снижения рождаемости, проявляющиеся на макроуровне, имеют важное самостоятельное значение. Часть из них представляет собой лишь отражение в масштабах всего общества тех последствий, которые проявляются на уровне семьи и индивида. Общие изменения в индивидуальном сознании и поведении неразрывно связаны с изменениями в демографическом сознании и поведении. Последние органически вписываются в общее историческое развитие, даже капиталистические, а тем более социалистические экономические и социальные преобразования без этого невозможны. До тех пор, пока женщина прикована к колыбели, семья остается хранительницей архаичных социальных отношений, что в значительной степени обуславливает малую мобильность населения, затрудняет перестройку его социальной структуры, тормозит экономический и социальный прогресс. Именно поэтому де-

мографическая революция в СССР неразрывно связана с историческими преобразованиями, осуществленными в процессе построения социализма. Сейчас лишь в некоторых районах страны (прежде всего в республиках Средней Азии) демографическая революция завершена еще не полностью, что связано с известной устойчивостью некоторых традиционных форм жизни и быта населения этих районов. Такая незавершенность играет, вероятно, немалую роль в тех трудностях, с которыми сталкивается в этих районах политика выравнивания экономических уровней. Индустриализация, урбанизация и другие элементы этой политики все еще в значительной мере осуществляются за счет населения, мигрирующего из других районов, тогда как мобильность коренного населения остается низкой.

Другая часть последствий, проявляющихся на макроуровне, не связана с последствиями, ощущаемыми непосредственно на уровне семьи и индивида; они вытекают из изменений, происходящих со всем населением в целом, с его численностью и возрастной структурой. Именно эти последствия всегда привлекают внимание исследователей в первую очередь, именно в отношении них получены самые неопределенные выводы, особенно когда речь идет о том этапе демографического развития, на котором находится сейчас наша страна. После окончания демографической революции изменения в уровне рождаемости не могут быть очень большими, и соответственно темпы роста населения, его численность, возрастная структура могут изменяться в относительно узких пределах. И положительные и отрицательные последствия таких изменений, если они есть, не могут быть столь значительными, чтобы их можно было достоверно оценить в настоящее время, когда отсутствуют сколько-нибудь надежные методы такой оценки; так что погрешность оценки может быть больше, чем сами оцениваемые последствия. В этих условиях приобретает особое значение осознание тех последствий, которые возникают на микроуровне, но могут проявляться как на уровне семьи, так и на общенациональном уровне.

3. Обычно большое значение придают разделению последствий режима рождаемости по области их проявления. По этому признаку выделяют экономические, социальные, политические, этические, правовые, социально-психологические, экологические и многие другие послед-

ствия. Действительно, по-видимому, нет ни одной области человеческой жизни, которая не испытывала бы воздействия демографических процессов; соответствующая классификация последствий этого воздействия представляет большой познавательный интерес. Однако с точки зрения научного анализа, пожалуй, большее значение имело бы выявление конкретных проявлений эффекта воздействия демографических процессов, даже независимо от того, в какой области такой эффект обнаруживается. Изменения в рождаемости могут воздействовать на одну и ту же область (допустим, на экономику) по самым разным каналам, причем такое воздействие может иметь различные направления. Скажем, снижение рождаемости может способствовать изменению структуры производства, потребления и накопления, вовлечению женщин в состав используемых трудовых ресурсов, замедлять приток молодежи в производство и т. п., при этом в одном случае имеет значение изменение возрастной структуры населения, в другом — его семейной структуры, в третьем — его численности или темпов ее роста и т. д. Указания просто на «экономические последствия» недостаточно, необходимо выявить все эти «каналы» и каким-то образом их систематизировать и классифицировать.

Проблема количественной оценки последствий изменений рождаемости

Важнейшая и в то же время сложнейшая задача при изучении последствий тенденций рождаемости возникает в связи с необходимостью не просто указать на существование тех или иных из этих последствий, но дать им количественное выражение. В идеале следует, казалось бы, стремиться к нахождению кривых, выражающих зависимость величины того или иного конкретного эффекта от значений избранного демографического показателя, скажем от числа детей, рождаемых в среднем одной женщиной, или какого-нибудь другого.

Однако еще до того, как ставится вопрос о нахождении такой зависимости, исследователь сталкивается с огромными, почти совсем еще не преодоленными трудностями, вытекающими из отсутствия сколько-нибудь удовлетворительных методов измерения самого эффекта. Эти трудности очень велики, даже если взять только какую-нибудь одну область проявления изучаемых последствий. Если в экономике еще можно говорить о каких-то

конкретных показателях, скажем о зависимости от демографических процессов величины национального дохода, уровня жизни и т. п., то как измерить социальный эффект, не получающий экономического выражения или не исчерпывающийся им? Чему, например, равен эффект большего или меньшего равноправия женщины, большей или меньшей мобильности соответственно малодетных и многодетных родителей? Как измерить «эгоизм», порождаемый, по мнению некоторых исследователей, малодетной системой?

Даже если на эти вопросы и удалось бы как-нибудь ответить, пока неясно, как установить зависимость между величиной положительного или отрицательного эффекта и демографическим показателем, рассматриваемым как независимая переменная. Скажем, динамика национального дохода зависит от огромного количества факторов, среди которых, вероятно, есть и демографический. Но как выделить и правильно оценить роль этого фактора, как отделить его действие от действия всех остальных факторов?

Проблема критериев оценки последствий и их согласования

Если предположить, что последствия той или иной динамики рождаемости с большей или меньшей полнотой и точностью выявлены и измерены, возникает вопрос об их оценке (в аксиологическом смысле этого слова).

Если бы последствия сохранения или изменения режима рождаемости были однотипными, т. е. если бы они все принадлежали к одной области (например, экономической), то проблема оценки была бы относительно простой. В зависимости от того, какой вид имела бы кривая экономического эффекта, следовало бы стремиться к достижению экстремальных или оптимальных демографических показателей, добиваясь максимизации положительного эффекта. Реальные демографические показатели оценивались бы в этом случае по тому, насколько они отличаются от желаемых.

Однако в действительности, как мы видели, последствия репродуктивных процессов разнообразны и различные кривые эффекта в принципе не сводимы к одной. То, что хорошо с экономической точки зрения, может быть плохо с точки зрения социальной, то, что хорошо по со-

циальным соображениям, может быть плохо по соображениям экологическим и т. п. Нет никаких оснований отдавать безоговорочное предпочтение одной какой-либо области проявления последствий репродуктивных процессов, игнорируя все остальные. А это значит, что нельзя стремиться к безусловной максимизации какого-либо одного вида эффекта, не оговорив пределы, в которых допустимо изменение всех остальных видов эффекта. Установление этих ограничений находится за пределами собственно демографической сферы и связано с формулированием общих задач и целей развития. Но когда эти пределы установлены (это всегда происходит, хотя часто и недостаточно осознанно, причем сами ограничения оказываются очень эластичными), оптимум демографического развития, в нашем случае оптимальный режим рождаемости, теоретически может быть найден и использован для оценки фактически наблюдающегося режима и направлений его желательного изменения.

Подобная оценка фактического режима рождаемости, производимая через оценку его последствий, может осуществляться на обоих уровнях, на которых последствия вообще проявляются: на уровне семьи и на уровне общества. Здесь есть, однако, различие, имеющее, возможно, принципиальный характер. Такая оценка в масштабах семьи гораздо проще, чем в масштабах общества. На уровне семьи она может производиться интуитивно, без точного измерения всех возникающих последствий. Число таких последствий здесь относительно невелико, а правильность оценки многократно проверяется опытом тысяч и миллионов семей, опытом предшествовавших поколений. На уровне же общества одной интуиции недостаточно. Ввиду большой сложности системы связь между демографическими явлениями, с одной стороны, и экономическими, социальными, экологическими и другими явлениями — с другой, может долгое время вообще не осознаваться, а будучи осознанной, не поддаваться измерению. В настоящее время оптимум демографического развития общества в целом неизвестен, и неизвестно даже, может ли он вообще быть найден.

Тем не менее ясно, что такой оптимум существует и что, по определению (как учитывающий факторы, непосредственно не осознаваемые семьей), он может не совпадать с семейным оптимумом. Но вопрос о субординации этих двух оптимумов недостаточно ясен.

Если оба оптимума не только теоретически существуют, но и практически реализуются, то они не могут не взаимодействовать между собой. Результатом же такого взаимодействия может быть только выработка согласованного оптимума, снимающего вопрос о субординации двух различных оптимумов, а точнее — об их раздельном существовании.

Но не исключено, что теоретически существующий макрооптимум практически не реализуется. Его реализация, естественно, предполагает возникновение предыдущей ситуации, в частности изменение микрооптимума. Этого как раз часто требуют теоретики, которые признают безоговорочный приоритет макрооптимума. Но практически реализующийся микрооптимум и теоретически существующий макрооптимум устанавливаются объективно и независимо друг от друга. Семейный оптимум не может по чьему-либо желанию стать другим, более соответствующим оптимуму демографического развития общества в целом. Признание безоговорочного приоритета макрооптимума может означать только требование того, чтобы семья вела себя не в соответствии со своим оптимумом.

Интуитивно чувствуя несостоятельность такой постановки вопроса, некоторые авторы пытаются выйти из положения, утверждая, что надо изменить не сам семейный оптимум, а неверное его понимание семьей, устранить или сократить разрыв «между объективными возможностями общества материально обеспечить необходимый уровень генеративной активности населения и суммарной субъективной оценкой этих возможностей отдельными семьями»¹⁰. Нам, однако, кажется, что «суммарная субъективная оценка» — это нечто гораздо более объективное и гораздо менее поддающееся воздействию, чем может показаться на первый взгляд.

Настоящая статья содержит большое количество вопросов и совсем не содержит ответов на них. Это, вероятно, недостаток, но постановка вопросов — тоже часть научного исследования и не самая несущественная. Прежде чем приступить к поискам, надо четко разобраться в том, что следует искать, это избавит от ненужной траты сил и средств.

¹⁰ Пискунов В. П., Стешенко В. С. О демографической политике социалистического общества. — В кн.: Демографическая политика. М., 1974, с. 19.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РОЖДАЕМОСТЬ

Роль демографической науки в социалистическом обществе не сводится к пассивной регистрации демографических процессов. Обнаруживая и анализируя те или иные закономерности воспроизводства населения, она должна оценить тенденции демографических процессов, предвидеть их дальнейшее развитие, а при необходимости целенаправленного воздействия на них указать, какими средствами и с каким эффектом может быть оказано такое воздействие. Иными словами, демография должна указывать пути и методы демографической политики. В связи со снижением рождаемости в нашей стране этот, если можно сказать, «практический» аспект демографии выдвигается сейчас на первый план.

Изучение факторов рождаемости дает возможность понять причины современного ее уровня и тенденций. Изучение последствий изменения рождаемости дает возможность предвидеть, каким образом ее динамика может повлиять на социальное и экономическое развитие в будущем. Однако для того чтобы решить, нужно ли воздействовать на рождаемость, этого еще недостаточно. Необходимо, во-первых, определить перспективы ее дальнейшего изменения, ибо существующие сейчас тенденции могут измениться; во-вторых, выяснить, каково желательное направление изменений рождаемости с точки зрения достижения целей общества на современном этапе и в обозримом будущем. Если наблюдаемые тенденции и вероятные изменения не соответствуют или могут перестать соответствовать желательным для общества тенденциям, то возникает необходимость воздействовать на процесс рождаемости с тем, чтобы изменить его в желательном направлении. Для этого нужно, разумеется, знать, можно ли на него воздействовать, и если да, то каким образом.

В течение последних лет рождаемость была едва ли не главной темой демографических работ. Пристальное внимание к этой проблеме принесло свои плоды. Множество исследований, основанных как на материалах специальных обследований, так и на обобщении литературных источников, дало возможность описать общую картину динамики рождаемости в нашей стране и отдельных районах и проанализировать основные социально-экономические ее факторы.

Однако изучению перспектив изменения рождаемости, определению желательного ее уровня и обоснованию методов демографической политики в этой области «повезло» гораздо меньше. Работ, специально посвященных этому, почти нет, что связано, конечно, со сложностью самой проблемы, с неразработанностью методик, с нехваткой необходимых эмпирических данных. Трудности в оценке желательного уровня рождаемости и путей его достижения обусловлены тем, что взаимодействие социально-экономических и демографических процессов пока еще мало исследовано в теоретическом плане. Очень мало еще знаем мы и о мерах воздействия на рождаемость, главное — об их эффективности. Между тем все эти вопросы особенно нуждаются в глубоком изучении: практические решения в демографической области немыслимы без должного научного обоснования.

Задача статьи не в том, чтобы ответить на все эти вопросы. Цель ее иная: исходя из опыта демографических исследований последних лет поставить некоторые проблемы дальнейшего изучения рождаемости в указанных направлениях.

Изучение перспектив изменения рождаемости

Оценка перспектив изменения рождаемости в нашей стране, как она дается в последние годы в работах многих наших демографов, явно или неявно исходит из того, что падение коэффициента рождаемости, обнаружившееся в 60-х годах, будет продолжаться и что снижение рождаемости ведет к «депопуляции», т. е. чуть ли не к вымиранию населения¹. В статьях последних лет можно

¹ Хотя это слово употребляется сейчас довольно часто, точного определения демографического смысла понятия «депопуляция» нам не удалось найти ни у одного из авторов, им пользующихся. Поэтому мы и ставим это слово в кавычки.

встретить даже утверждения, что «депопуляция» не только угрожает, но уже началась. Более того, перспектива «депопуляции» рисуется чисто умозрительно даже для Среднеазиатских республик².

Такие заключения основываются, главным образом, на снижении общего и повозрастных коэффициентов рождаемости в 60-х годах и на уменьшении нетто-коэффициента воспроизводства населения в некоторых регионах до уровня, не обеспечивающего якобы даже простого возобновления поколений.

Между тем довольно резкое снижение общего коэффициента рождаемости с начала 60-х годов не дает верной картины, поскольку этот показатель сильно зависит от возрастного состава населения. Точно так же и некоторое увеличение его за последние годы (с 17,0‰ в 1969 г. до 18,0‰ в 1974 г.) есть результат увеличения числа родителей — рожают женщины поколений 50-х годов, т. е. послевоенного «компенсационного» периода — и не говорит еще о существенном переломе тенденций. Несколько более ясную картину дает изменение повозрастных коэффициентов рождаемости — уменьшение их в старших и увеличение в младших возрастах свидетельствует о сокращении числа детей в семье. Важно подчеркнуть, что снижение рождаемости — это не феномен лишь последних 5—10 лет. Когортные показатели плодовитости, свободные от искажающего влияния особенностей структуры населения, обнаруживают тенденцию понижения рождаемости уже в течение гораздо более длительного периода. Как показывают исследования Р. И. Сифман³, падение плодовитости происходило, постепенно замедляясь, по крайней мере в течение последних 30—40 лет.

Так или иначе все эти показатели характеризуют рождаемость в прошлом, пусть и недалеко, и для оценки ее перспектив существенным представляется, пожалуй, лишь то, что это снижение постепенно замедлялось.

К сожалению, не дает возможности судить о реальных перспективах демографической ситуации и нетто-коэффициент воспроизводства женского населения, который, по мнению многих исследователей, указывает грань, отделяющую «суженное» воспроизводство насе-

² См., например: *Гражданников Е. Д.* Прогностические модели социально-демографических процессов. Новосибирск, 1974, с. 101.

³ См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.

ления от «расширенного». Он показывает, сколько девочек рождала бы себе на смену в среднем одна женщина при неизменности существующих уровней рождаемости и смертности. «Себе на смену» означает в данном случае, что эти девочки должны доживать до возраста своих матерей при их рождении, в среднем примерно до 30 лет. Обычно это интерпретируют таким образом, что если сейчас коэффициент меньше 1, то уже через 30 лет поколение матерей полностью не возместится⁴.

Между тем этот показатель вовсе не указывает действительных перспектив роста населения, а представляет собой лишь весьма специфическую характеристику современного режима его воспроизводства. Дело в том, что нетто-коэффициент воспроизводства населения характеризует возобновление поколений не в фактическом населении, возрастная структура которого сложилась под влиянием прошлого, а в теоретическом *стабильном населении*⁵, возрастная структура которого соответствует данному режиму воспроизводства. Он показывает, как стало бы воспроизводиться население при условии, что режим его воспроизводства, существующий сейчас, сохранился бы неизменным достаточно долгое время — порядка 100 лет для современных демографических условий в европейской части СССР. Лишь тогда, а не через ближайшие 30 лет, темп роста населения стал бы соответствовать нетто-коэффициенту. Лишь тогда численность населения стала бы изменяться каждые 30 лет в отношении, указываемом этим показателем. Лишь тогда, следовательно, можно было бы говорить о «расширенном» или «суженном» воспроизводстве населения.

Таким образом, нетто-коэффициент показывает от-

⁴ К сожалению, такой ошибочной интерпретации этого показателя не избежали даже видные демографы. См., например: *Корчак-Чепурковский Ю. А.* К методике изучения генеративной смертности. — В кн.: *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования. М., 1970, с. 182—184; *Хольцер Е. З.* Модель стабильного населения. — В кн.: *Демографические прогнозы.* М., 1973, с. 92.

⁵ Напомним, что в демографии *стабильным* называется население, имеющее постоянный коэффициент прироста и неизменную возрастную структуру. Частный случай стабильного населения, когда коэффициент прироста равен 0, носит название *стационарного населения*. Выражение «стабилизация населения» означает поэтому отнюдь не тенденцию коэффициента прироста к 0, а стремление коэффициента прироста и возрастной структуры к постоянству и не имеет ничего общего с требованием ограничить прирост населения, достигнуть «нулевого прироста» и т. д.

нюдь не ближайшие, а *весьма отдаленные* перспективы развития населения, да и то при очень существенных ограничениях, в частности при неизменности возрастных коэффициентов рождаемости и смертности⁶.

Реальное будущее движение населения зависит от его возрастно-половой структуры, сложившейся под воздействием длительных прошлых тенденций воспроизводства, а также от возможных изменений в самом режиме воспроизводства, главным образом от изменений рождаемости.

Что касается влияния возрастно-половой структуры, то в целом оно в предстоящие годы будет благоприятным для роста населения нашей страны. Предыдущие поколения создали как бы «запас» родителей, который еще в течение нескольких поколений будет обеспечивать рост населения. Согласно расчетам⁷, потенциал демографического роста для нашей страны в 1970 г. составлял 1,28. Это означает, что даже если бы с этого момента по возрастные уровни плодovitости и смертности уравнились друг друга и оставались впредь неизменными, то благодаря сравнительно молодой возрастной структуре население СССР продолжало бы расти, причем до того времени, когда годовое число рождений стало бы равным числу смертей и рост прекратился, успело бы увеличиться на 28%. К этому можно добавить, что в течение пяти последних лет (1970—1974 гг.) в нашей стране ежегодно рождалось более 4 млн. человек и всего за это время появилось на свет около 22 млн. новых граждан, большинство которых через какое-то время сами станут родителями.

Таким образом, население нашей страны будет расти в течение более или менее длительного времени даже при неизменности теперешнего режима воспроизводства, и уже в силу одного этого факта угрозу «депопуляции» следует считать сильным преувеличением.

Что же касается перспектив изменения режима вос-

⁶ Кроме того, применение нетто-коэффициента для характеристики перспектив воспроизводства открытого населения, т. е. населения, испытывающего влияние миграции, в частности для отдельных городов и регионов, методически не оправдано.

⁷ См.: *Кваша А. Я., Киселева Г. П.* Влияние возрастной структуры на рост населения СССР. — В кн.: Проблемы народонаселения. Доклады, подготовленные на Генеральную конф. Междунар. Союза по науч. исслед. народонаселения (Льеж, Бельгия, 27 августа — 1 сентября 1973 г.). М., 1973, с. 40.

производства населения, то, по-видимому, он будет, как и теперь, определяться изменением рождаемости (хотя ввиду низкого ее уровня возрастает и относительное значение изменений смертности). Основная проблема состоит в том, будет ли продолжаться сокращение рождаемости, как долго, и если оно приостановится, то на каком уровне. Здесь надо еще раз подчеркнуть, что речь должна идти об изменении не общего коэффициента рождаемости, который, по-видимому, будет колебаться и далее в зависимости от неизбежных изменений возрастно-половой структуры, а некоторых ее показателей, не зависящих от структуры населения. Правильнее было бы говорить, в частности, о перспективах изменения числа детей в семье. Их оценка зависит от того, насколько глубоко изучены факторы развития семьи, насколько можно представить перспективы развития семьи и изменения ее функций. Именно поэтому изучение семьи в демографии выдвигается на первый план.

Даже если известны факторы, определяющие уровень рождаемости и его изменения сегодня, для характеристики рождаемости в будущем этого недостаточно. Необходимо составить некоторое представление о том, будут ли наблюдаемые сейчас факторы продолжать действовать с прежней интенсивностью, не появятся ли новые факторы, учесть которые сейчас трудно или вообще невозможно, наконец, не может ли измениться характер воздействия тех факторов, о которых известно сегодня.

Например, число детей в семье, как показывают исследования, тесно связано с уровнем образования матери. Причем уже сейчас ясно, что это не следствие того, что часть детородного периода «тратится» на получение образования вместо деторождения, а результат изменения всего круга интересов и потребностей женщин, которое связано с получением образования. Будет ли дальнейшее повышение образованности матерей в связи с расширением в нашей стране общего и специального образования и далее побуждать их ограничиваться небольшим числом детей, или же по мере дальнейшего повышения уровня жизни удовлетворение потребностей, обусловленных ростом образования и культуры, изменит и эту потребность? Пока мы не можем ответить на этот вопрос. Точно так же неясно, останется ли неизменным влияние на число детей жилищных условий семьи, или же по мере дальнейшего расширения жилищного строи-

тельства действие этого фактора будет ослабевать или исчезнет совсем.

Разрешение этих вопросов тем более сложно, что многие факторы действуют не непосредственно, а преломляясь в сознании людей, один и тот же фактор в разных условиях может действовать по-разному, причем демографическое развитие семьи находится под воздействием не только сегодняшних условий, но в значительной мере и прошлого, а также, хотя в меньшей степени, перспектив социально-экономического развития. Меняются, наконец, сами условия жизни. Осложняет задачу также разнообразие демографической обстановки в разных районах нашей страны, что делает невозможным обобщение и приводит к необходимости рассматривать эти проблемы в региональном аспекте.

Между тем воздействие на рождаемость тех или иных социальных факторов фиксируется и толкуется, как правило, в статике, без оценки возможности их трансформации в ходе общественного развития. Еще более опасен перенос *статических* соотношений на *динамику* явления — прием, к сожалению, довольно распространенный. Так, из того факта, что в более обеспеченных семьях меньше детей, делается заключение, что по мере дальнейшего роста материальной обеспеченности число детей в семьях будет уменьшаться. Оснований для такого вывода обычно не приводится. Столь же неправомерно и просто экстраполировать снижение рождаемости на том основании, что до сих пор оно сопутствовало росту благосостояния народа нашей страны. Это еще далеко не означает, что рождаемость будет снижаться и при дальнейшем повышении уровня жизни. Для подобных заключений необходимо четко представлять динамический механизм существующей здесь взаимосвязи.

Исследования последних лет показывают, что у большей части населения существует сформировавшийся в течение более или менее длительного времени демографический идеал семьи, представление о том, какое число детей в семье наилучшее. По данным наиболее широких и представительных исследований⁸, среднее идеальное число детей в семье составляет 2,89. Это означает, что огромные социальные изменения, происшедшие в нашей стране, привели к трансформации «демографического

⁸ Белова В. А. Дифференциация мнений о наилучшем и ожидаемом числе детей в семье. — «Вестник статистики», 1973, № 7, с. 28.

стереотипа» и что соответствующий ему более низкий в среднем уровень рождаемости — не случайность, а закономерное следствие переворота, происшедшего не только в общественной жизни, но и в общественном сознании. Эти социальные изменения необратимы и, следовательно, было бы нереальным предполагать возврат к прежнему большому числу рождений в семье, характерному для большинства населения нашей страны 50—70 лет назад.

В то же время нет оснований ожидать и дальнейшего существенного снижения рождаемости. На это указывает не только замедление снижения показателей плодovitости, обнаруживаемое более тщательными исследованиями, но и тот факт, что большая часть населения нашей страны находится, по-видимому, уже на завершающей фазе демографического перехода, т. е. перехода к режиму воспроизводства с низкой смертностью (это уже произошло) и с низкой рождаемостью (это происходит).

Вероятнее всего, что по мере завершения демографического перехода в тех районах, где рождаемость сейчас низка, уровень ее не будет существенно меняться. Проведенные Л. Е. Дарским исследования с помощью более точных измерителей, чем коэффициенты рождаемости условного поколения, показывают, что на низшем уровне они практически не меняются, а видимое снижение определяется в основном структурными факторами.

Вместе с тем в регионах, где еще сохранилась высокая рождаемость, вслед за уже происшедшим снижением смертности должно последовать, по-видимому, и снижение рождаемости. Некоторое сокращение рождаемости уже происходит, например, даже в сельской местности Закавказских республик, население которых еще сравнительно недавно (кроме Грузии) отличалось высоким уровнем рождаемости⁹. Однако в силу устойчивости культурно-бытовых традиций это снижение вряд ли будет быстрым.

На каком уровне установится рождаемость в тех районах, где она сейчас снижается, и как будет снижаться в тех районах, где она еще высока, когда произойдут эти изменения, пока можно лишь предполагать.

Конечно, и очень низкий уровень рождаемости в некоторых районах страны и ее тенденции — явление, тре-

⁹ См.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 79—85.

бующее пристального внимания и нуждающееся в серьезном изучении. Масштабы этого явления и его перспективы требуют более глубокого знания их причин и факторов, чем то, которым мы располагаем сейчас. Тем не менее для категорических утверждений, что тенденция снижения рождаемости сохранится, нет еще достаточных оснований. Оценка тенденций рождаемости на ближайшие десятилетия остается одной из важных задач, от решения которой зависит и обоснованность подхода к проблеме воздействия на рождаемость в масштабе всей страны.

Об оценке желательного уровня рождаемости

Необходимость воздействия на рождаемость возникает в том случае, когда интересы общества в отношении его демографического развития расходятся с реальными перспективами изменения демографических процессов. Поэтому важно определить желательное направление в изменении рождаемости.

В нашей демографической литературе последних лет распространено представление о необходимости повышения рождаемости у большей части населения страны.

Наиболее часто встречающимися аргументами в пользу повышения рождаемости служат ссылки на чрезвычайно низкий естественный прирост населения в ряде областей европейской части страны, который в некоторых областях, особенно в сельской местности, в отдельные годы был уже отрицательным; на возможные затруднения с обеспечением народного хозяйства трудовыми ресурсами в будущем ввиду малого числа рождений в настоящее время. Определенное место в аргументации в пользу ускорения роста населения, а следовательно, повышения рождаемости, занимает необходимость освоения богатых природными ресурсами районов Сибири и Дальнего Востока, а также то, что снижение доли населения нашей страны в населении мира якобы уменьшает ее авторитет в международных делах¹⁰.

На наш взгляд, большинство приведенных соображений, хотя они достаточно серьезны сами по себе, все же не свидетельствует о желательности ни высокой рождаемости, ни повышения темпов роста населения.

¹⁰ Оставляем в стороне такие весьма далекие от нашей темы соображения, как возможные последствия неравномерного прироста населения в разных частях страны, и т. д.

Сокращением естественного прироста населения в сельской местности центральных областей страны, а также Украины и Прибалтийских союзных республик мы обязаны не столько снижению рождаемости, сколько изменению возрастно-половой и брачной структуры населения, обусловленному миграцией молодых мужчин (а за ними и молодых женщин) из села в город и в другие районы. Следовательно, речь должна идти не столько о том, чтобы компенсировать этот отток увеличением числа рождений, сколько о более активном воздействии на социально-экономические факторы, этот отток определяющие.

Что касается возможной нехватки трудовых ресурсов в будущем, то при исключительно высокой занятости в народном хозяйстве нашей страны, которая составляет характерную его особенность и сохранится впредь, дальнейший рост производства может достигаться главным образом путем увеличения производительности труда, повышения эффективности производства, а также путем более рационального распределения и перераспределения имеющихся и ожидаемых трудовых ресурсов.

Мало связаны с рождаемостью и соотношения престижного характера. Авторитет страны на мировой арене определяется не только и даже не столько численностью ее населения, сколько экономическим и научно-техническим потенциалом и социальным строем, при котором оказалось возможным создать этот потенциал в исторически короткий срок и использовать его для неуклонного повышения благосостояния народа.

Общим для всей указанной ранее аргументации служит то, что в ней повышение рождаемости рассматривается как единственное средство преодоления упомянутых затруднений, причем рассматривается оно, как правило, вне связи с научно-техническим и экономическим потенциалом страны, в отрыве от общей картины ее социально-экономического прогресса и безотносительно к социальным целям нашего общества.

При этом обычно исходят из представления о необходимости «слегка расширенного» воспроизводства населения. Последнее обосновывается, как правило, не какими-либо расчетами, а лишь необходимостью ликвидировать надвигающуюся якобы «угрозу депопуляции», т. е. основывается на интуитивных соображениях, а не на результатах научных исследований, не говоря уже о количест-

венной оценке желательных параметров воспроизводства населения¹¹. В сущности все предложения о желательности «слегка расширенного» воспроизводства населения представляют собой не что иное, как антитезу — к сожалению, лишь словесную — положения о нежелательности уменьшения численности населения нашей страны. Последнее, разумеется, нежелательно, в этом нет сомнений. Однако никак не доказано, что такая угроза реальна, и даже снижение коэффициента рождаемости в течение 60-х годов, как мы видели, еще не дает основания для серьезных опасений.

Рассмотрение воспроизводства населения не самого по себе, а в реальных условиях в связи с системой общественного производства приводит к постановке задачи об *оптимальных темпах роста населения*, наилучшим образом соответствующих некоторым социально-экономическим критериям. Иногда говорят, что воздействовать на рождаемость нужно для того, чтобы привести темпы роста населения в соответствие с оптимальными.

Задача определения оптимальных темпов роста населения чрезвычайно сложна. Прежде всего они должны быть ориентированы не на сегодняшний или завтрашний день, а на гораздо более долгие сроки, на которые нужно оценить как основные параметры развития народного хозяйства (без чего невозможен расчет оптимума), так и параметры демографического развития.

Другая сложность заключается в трудности количественного выражения желательных демографических параметров, в частности рождаемости или, что в данном случае то же самое, ежегодного числа рождений. Последнее, в силу известной зависимости между возрастной структурой населения и демографическими процессами, изменяется равномерно только теоретически, в *стабильном населении*. В реальном же населении оно волнообразно колеблется в соответствии с изменением как возрастной структуры, так и интенсивности рождаемости

¹¹ Единственная попытка оценить количественно оптимальный режим воспроизводства для населения СССР была сделана А. Я. Квашой на основании методики венгерских демографов и с использованием их данных. См.: *Кваша А. Я.* Об оптимальном типе воспроизводства населения СССР. — В кн.: *Вопросы демографии* (исследования, проблемы, методы). М., 1970. Эти оценки с более развернутыми комментариями были приведены затем в его книгах «Проблемы демографического оптимума» (М., 1974) и «Проблемы экономико-демографического развития СССР» (М., 1974).

(плодовитости). Поэтому для того, чтобы изменение чисел рождений и рост населения были равномерными, интенсивность демографических процессов (в частности, плодовитости) должна как бы «пульсировать», причем так, чтобы эта пульсация соответствовала некоторым образом колебаниям возрастной структуры населения в процессе стабилизации, обусловленным особенностями прошлого режима воспроизводства. Теоретически такой «пульсирующий» режим воспроизводства может быть найден, хотя это и довольно сложно. Но практически он невозможен, и значит, пока население не стало стабильным (в указанном ранее демографическом смысле), не существует определенного неизменного уровня рождаемости, который мы могли бы (с учетом всех социально-демографических взаимосвязей) принять в качестве желательного.

Третья сложность лежит на стороне производства. Она связана с тем, что население не только субъект, но и основа всего общественного процесса производства: не только потребитель, но и производитель всех материальных и духовных благ. Это значит, что, оценивая темпы роста населения, необходимые при данном уровне развития производительных сил для максимального удовлетворения (теперь и в будущем) всех потребностей людей, нужно соизмерять одновременно темпы роста населения, в том числе его трудоспособной части, с темпами роста производительности труда и его энерго- и фондовооруженности, учитывая темпы технического прогресса, иными словами — рассматривать наряду с движением населения и движение всей системы общественного производства. Принципиальный подход к такому соизмерению изложен А. Я. Боярским¹². Им же сделана и попытка определить оптимальные темпы роста населения СССР для периода 1963—1964 гг. Из этого, едва ли не единственного в нашей литературе, примера расчета оптимальных темпов роста населения даже при некоторых весьма общих предположениях видно, насколько сложна данная проблема и как много нужно еще сделать для ее окончательного разрешения. Трудность усугубляется тем, что такие расчеты требуют предположений о темпах роста и пропорциях в развитии всего народного хозяйства на достаточно длительный срок, а это ставит прогно-

¹² См.: Курс демографии. Под ред. А. Я. Боярского. М., 1967, с. 34—37.

зирование оптимального демографического развития в непосредственную зависимость от долгосрочного прогнозирования развития экономики.

Наконец, до сих пор речь шла о поиске оптимального темпа роста лишь применительно к численности населения и его слагаемых. Между тем, оценивая оптимальный режим воспроизводства населения, нельзя ограничиваться количественной его стороной. Социалистическое общество для достижения своих широких социальных целей заинтересовано не столько в увеличении количества, сколько в повышении *социального качества населения*, под которым следует понимать совершенствование личности человека, формирование более развитых и многообразных его потребностей. Дополнение количественных характеристик роста населения качественными (в указанном смысле, конечно) делает еще более сложной и без того не простую проблему определения желательного темпа роста населения.

Все эти сложности не означают, что мы считаем неправомерной постановку этой задачи. Они свидетельствуют лишь о том, что демография находится еще в самом начале пути к ее разрешению, и поэтому исследование экономико-демографических взаимосвязей должно стать одним из важных направлений демографического исследования.

С точки зрения предмета наших рассуждений — определения желательного уровня рождаемости — весьма важен вопрос о *критериях оптимальности* темпа роста населения, т. е. о том, с чем должен соизмеряться рост населения, чтобы его можно было считать оптимальным или не оптимальным. Очевидно, что оценка желательных тенденций роста населения и желательного режима его воспроизводства не может исходить из демографических критериев, т. е. из желательности того или иного темпа роста населения как такового. Рост населения для развитого социалистического общества не самоцель. Такая оценка, очевидно, должна исходить из более общих социальных целей, формулировка которых, на наш взгляд, вообще не входит в компетенцию демографической науки, а как бы «задается» демографии другими областями общественных наук. Такие социальные цели неоднократно и вполне ясно сформулированы в решениях ответственных партийных и советских органов. «Наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потреб-

ностей людей — это высшая цель общественного производства при социализме»¹³.

Итак, высшей социальной целью нашего общества является наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей людей. Этой цели подчинено все развитие социалистического общества, а следовательно, ей должно соответствовать и его демографическое развитие. Признание этой цели как главного критерия оценки социальных, в том числе и демографических, процессов означает, при прочих равных условиях, что то или иное демографическое развитие желательно, если оно соответствует этой цели¹⁴.

Однако, даже если определен общий критерий оптимальности демографического развития и признана принципиальная правомерность определения оптимальных темпов роста населения, остается ряд важных вопросов, связанных с их конкретизацией. Какими величинами следует измерять степень удовлетворения материальных и духовных потребностей, да и как выразить сами эти потребности — все эти вопросы неизбежно возникают, как только мы выходим за рамки сопоставления численности населения и объема материального производства, пусть и в динамическом аспекте. Особое место занимает проблема выражения тех потребностей, которые в жизни людей удовлетворяют дети, — теперь уже не экономических, а духовных потребностей¹⁵. Не менее важен учет приоритета тех или иных потребностей, соотношения интересов нынешнего и следующего поколений и т. д.

Но и при разрешении всех трудностей, связанных с вычислением оптимальных в указанном смысле темпов роста населения, вопрос о желательном уровне рождаемости остается все же открытым. Допустим, что найден способ указать, в каких пределах должен находиться темп роста населения, чтобы при данном или намечаемом уровне развития общественного производства и данной его структуре достигался бы тот или иной рост удовлетворения потребностей людей. Мы получили бы важ-

¹³ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 41.

¹⁴ Из этого следует неправомерность поиска некоего самостоятельного «демографического оптимума», не ориентированного на достижение определенного социального эффекта при рациональном распределении ресурсов общества. См.: Вишневский А. Г. Демографическая политика и демографический оптимум. — В кн.: Демографическая политика. М., 1974, с. 69—80.

¹⁵ См. статьи Л. Е. Дарского и В. А. Беловой в этом сборнике.

ное средство анализа развития общественного производства; уже по одной этой причине вычисление оптимальных темпов роста населения может считаться весьма многообещающим направлением экономического исследования. Но все же это — лишь средство соизмерения развития экономики и развития населения. На вопрос о том, что предпочтительнее для максимизации удовлетворения потребностей — изменить экономические или демографические параметры, ответа получить еще нельзя.

Рост населения в настоящее время менее чем когда-либо можно рассматривать как единственный фактор благосостояния общества. Социалистическое общество, особенно развитое социалистическое общество, наряду с трудовыми ресурсами располагает для достижения своих целей и рядом других ресурсов. Подобно тому как семья стала более свободной в выборе средств достижения своего благосостояния и удовлетворения своих потребностей, более свободным в этом отношении стало и общество. Расширение его возможностей определяется высоким уровнем развития всех производительных сил, находящихся в его распоряжении, а не только живой производительной силы.

Более того, общество постоянно сталкивается с необходимостью приспособлять развитие экономики к демографическому развитию. В движении населения существует компонент, не поддающийся воздействию, — колебания чисел рождений и структуры населения, обусловленные прошлыми изменениями режима его воспроизводства, такие, как, например, уже упомянутое «демографическое эхо» войны. Общество не может увеличить численность поколений, затронутых войной, и вынуждено лишь компенсировать эти изъяны, предвидя последствия «демографического эха» и соответственно учитывая их в планах социально-экономического развития, мобилизуя и перераспределяя имеющиеся в его распоряжении материальные и людские ресурсы.

Точно так же, если говорить о сегодняшнем положении, придется в дальнейшем компенсировать изъяны, вызванные снижением чисел рождений в начале 60-х годов, которые, кстати, в определенной степени были обусловлены тоже влиянием прошлой войны.

Иными словами, общество всегда, и тем в большей степени, чем более оно развито, располагает возможностью достигать желаемого и возможного на данном эта-

не удовлетворения как потребностей людей, так и потребностей производства путем привлечения и перераспределения ресурсов, повышения производительности общественного труда. Последнее особенно важно сейчас. В докладе о 50-летию СССР Л. И. Брежнев говорил: «Главная задача сейчас — это круто изменить ориентацию, перенести упор на интенсивные методы ведения хозяйства, обеспечить тем самым серьезное повышение эффективности экономики»¹⁶. Очевидно, демографический путь — путь повышения рождаемости и ускорения роста населения, путь, по существу, экстенсивного развития хозяйства — далеко не наилучший в решении всех тех задач, которыми мотивируется сейчас необходимость повышения рождаемости.

В последние годы советская наука убедительно доказала, что социально-экономические проблемы, стоящие сейчас перед развивающимися странами, нельзя решить ставя во главу угла контроль рождаемости, т. е. воздействие на демографические процессы. Положение о ведущей роли социально-экономических факторов в этом отношении полностью сохраняет свое значение и в условиях плановой социалистической экономики.

Таким образом, поиски демографического оптимума не дают ответа на вопрос о желательном уровне рождаемости и о том, нужно ли на нее воздействовать. Более того, рассмотрение демографического роста не в отрыве от развития экономики, а в связи с ним свидетельствует, скорее, в пользу обратного. Нельзя не учитывать, что кроме населения существуют другие элементы производительных сил, которыми социалистическое плановое хозяйство может маневрировать, сообразуясь с условиями и задачами. Важно и то, что демографические процессы гораздо труднее поддаются воздействию, ибо демографическое поведение обусловлено демографическим сознанием, меняющимся довольно медленно, что пути воздействия на рождаемость гораздо более сложны и менее изучены, чем пути воздействия на экономику.

Наконец, говоря о том, что развитое социалистическое общество стремится к максимальному удовлетворению потребностей всех его членов, нужно иметь в виду существование и тех, не менее важных, чем другие, потребностей человека, которые удовлетворяют дети.

¹⁶ Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 51.

Соотношение оптимальных уровней рождаемости для семьи и для общества

В отличие от других видов современного общественного производства «производство» детей происходит в семье. Поэтому лишь через семью возможно воздействие общества на рождаемость.

Современная семья относительно автономна в управлении этим процессом, и для воздействия на ее демографическое поведение необходимо знать объективные закономерности социального развития, определяющие это поведение. Знать их необходимо и потому, что достижение желательных демографических параметров на *макроуровне* возможно лишь через достижение их на *микроровне*, т. е. в семье.

Таким образом, вопрос о соотношении социальных и демографических интересов предполагает рассмотрение такого соотношения не только на уровне общества, о чем шла речь ранее, но и на уровне семьи, и анализ взаимодействия семьи и общества в этой области.

В дискуссии по проблемам воздействия на рождаемость, которая велась в последние годы в нашей демографической литературе, как уже упоминалось, преобладает точка зрения, согласно которой оптимальные темпы роста населения и оптимальный уровень рождаемости, такие, как они могут быть определены сейчас, выше существующих, иными словами, семья в среднем производит на свет детей меньше, чем того требуют интересы общества. Некоторые авторы рассматривают малодетность семей чуть ли не как признак их антиобщественного поведения, полагая, что имеющие трех детей выполнили свой долг перед обществом, а имеющие лишь одного — виновники замедления темпов роста населения.

Как было указано ранее, существование в принципе оптимального для общества уровня рождаемости не подлежит сомнению, проблема заключается в трудности его определения. Можно говорить, по-видимому, и о существовании аналогичного оптимального уровня рождаемости для семьи. Подобно тому как для общества, как было сказано ранее, темпы роста населения — не самоцель, а лишь условие или средство достижения его более широких социальных задач, так и для семьи то или иное число детей следует рассматривать не как цель, а как средство для родителей удовлетворить некоторый круг их социально обусловленных потребностей. В этом

смысле оптимальное с точки зрения семьи число детей то, при котором эти потребности, наряду с другими удовлетворяются наиболее полно.

Одна из основных социальных функций семьи состоит в поддержании биологической непрерывности общества. В человеческой истории эта функция всегда реализовалась под воздействием некоторого социального механизма, обеспечивающего потребность иметь то или иное число детей, механизма, существование и развитие которого отвечало интересам общества на данной ступени его развития и с помощью которого передавалось в конечном счете воздействие общественного развития на рост населения. Устройство соответствующих социальных организмов на всем протяжении человеческой истории определяло и определяет условия размножения человека. Потребности, побуждавшие человека иметь детей, хотя они с течением времени и менялись, всегда были, как и другие потребности людей, обусловлены социально. На ранних ступенях развития общества и вплоть до последнего времени они были обусловлены и непосредственно экономически.

Как сознание, так и поведение всех членов семьи, в том числе их демографическое сознание и демографическое поведение, находятся под определяющим воздействием общества. Многие пути, по которым передается это воздействие, еще недостаточно изучены, но существование его не подлежит сомнению. В процессе социализации личности, т. е. усвоения ею объективно обусловленных социальных норм, наряду с другими установками вырабатывается и демографическая, в частности репродуктивная, установка, т. е. отношение к деторождению, в конечном счете отражающая как социально обусловленные потребности семьи в том или ином числе детей, так и конкретные условия, в которых эти потребности удовлетворяются¹⁷.

Пути формирования демографического сознания весьма сложны. На нем сказываются не только сегодняшние общественные условия, но и традиции прошлого; изменение этого сознания происходит, как правило, медленно. Лишь такие крупные социальные сдвиги, как преобразования, происшедшие в нашей стране за годы Советской власти, могут привести к относительно быстрой пере-

¹⁷ См.: Вишневецкий А. Г. Демографические процессы в СССР. — «Вопросы философии», 1973, № 9, с. 119—127.

стройке общественного, в том числе и демографического, сознания большей части населения.

Под влиянием конкретных обстоятельств репродуктивная установка той или иной семьи, даже той или иной социальной группы, может отклоняться в ту или иную сторону. Однако в среднем уровень потребностей, в том числе потребностей, побуждающих иметь то или иное число детей, определен социально. Массовое демографическое сознание как часть всего общественного сознания в среднем отражает уровень социально-экономического развития.

В этом смысле и сокращение числа детей в семье, выразившееся в переходе к низкой рождаемости, представляет собой закономерное следствие всех социальных преобразований, происшедших в нашей стране. Его следует рассматривать отнюдь не как прихоть отдельных семей и тем более не как результат их «несознательности», а как объективно обусловленное обстоятельство, связанное с существенным изменением ценностных ориентаций, вызванным развитием и коренным изменением всей структуры социально определенных потребностей людей.

«У интеллигентных и энергичных женщин, — писал Август Бебель, — ...нет склонности давать жизнь большому числу детей по «божьей воле» и проводить лучшие годы жизни в состоянии беременности или с ребенком на груди. Это нежелание иметь много детей, которое уже и в настоящее время заметно у большинства женщин, должно в будущем, несмотря на все заботы, которые проявит социалистическое общество по отношению к беременным и матерям, скорее усиливаться, чем ослабнуть...»¹⁸.

При социализме достигнуто единство социальных целей общества и личности. Все социально-экономическое развитие социалистического общества подчинено задаче всестороннего и гармоничного развития личности на основе максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей людей, в круг которых входят, конечно, и те потребности семьи, которые удовлетворяют дети. В этом смысле социальные цели общества и семьи, служащие критерием соответствующих интересов, у общества и семьи едины.

Из этого вытекает в принципе и единство их демогра-

¹⁸ Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959, с. 578—579.

фических интересов. Последнее объясняется не только тем, что репродуктивная установка семьи социально обусловлена, но и тем, что социалистическое общество не может игнорировать массовое демографическое сознание и стоящие за ним объективные потребности и учитывает их в своих решениях. Деятельность всех общественных институтов в принципе подчинена интересам населения, интересам семей.

Если очень большое число детей в семье нежелательно для семьи, поскольку оно препятствует удовлетворению других растущих ее потребностей, препятствует всестороннему развитию всех членов семьи, то тем самым оно становится нежелательным и для общества. В то же время отсутствие детей делает семью неполноценной, оставляет неудовлетворенными важнейшие духовные потребности человека, и тем самым становится отрицательным явлением и с точки зрения общества. Как очень многодетная, так и бездетная семья — не идеал ни для самой семьи, ни для общества.

Из этого следует, что оптимальное число детей в семье есть то число детей, которое наилучшим образом позволяет удовлетворить общественно обусловленные и, так сказать, общественно необходимые потребности семьи при данном уровне социально-экономического развития. Иными словами, *оптимальное число детей в семье с позиций семьи есть в то же время оптимальное число детей в семье и с позиций общества*. Как мы увидим, это обстоятельство весьма важно для выбора рациональных путей воздействия на рождаемость.

Поэтому демографические нормы, сложившиеся в общественном сознании, можно, по-видимому, считать социальными нормами, отражающими демографические интересы общества. Исследования мнений женщин, проведенные в последние годы, подтвердили существование таких демографических установок и социальных норм и их значительное сходство в разных группах населения¹⁹.

Разумеется, для каждой конкретной семьи этот оптимум иной, и применительно к населению в целом или каким-либо его группам он выступает лишь в виде средней величины, которая, будучи равнодействующей многих социальных сил в конкретных условиях, отражает общую

¹⁹ Более того, по-видимому, нет иного пути для выяснения социальной нормы, чем изучение мнений семей.

закономерность²⁰. Отклонения от этой средней для отдельных семей будут существовать всегда, однако их характер и размах колебаний могут сами по себе служить показателем устойчивости оптимума и его изменения вслед за изменением условий жизни. Поэтому так важно изучить степень этой дифференциации и ее сокращение во времени.

На все это могут возразить: ведь демографические интересы семьи реализуются на протяжении одного поколения, общество же, планирующее свое развитие на долгий срок, должно учитывать гораздо больший промежуток времени. Не может ли сегодняшний демографический оптимум семьи разойтись с демографическим оптимумом, учитывающим долгосрочные цели общества? И еще: не имеет ли общество потребностей, аналогичных которым нет у семьи, как, например, потребность в освоении новых районов или в охране границ государства и т. д., на что необходимо определенное количество людских ресурсов?

Оба эти вопроса суть две стороны одной проблемы, важность которой очевидна. Однако не следует понимать демографический оптимум общества как сумму демографических оптимумов семей плюс некий специальный «демографический излишек» для покрытия этих добавочных потребностей общества. Экономика страны представляет собой единый хозяйственный организм, в функционировании которого находят отражение и упомянутые интересы. Без этого общество не могло бы развиваться. Не надо забывать, что речь здесь идет о плановой социалистической экономике, которая в состоянии рационально регулировать соотношение потребления и накопления, учитывая при этом *все* интересы общества сегодня и *все* его потребности завтра. Кроме того, как известно, одним из важнейших факторов формирования потребностей служит степень удовлетворения уже имеющихся потребностей, возможная в данных условиях и учитывающая, разумеется, сегодняшние и завтрашние *общественные* интересы. Короче говоря, дополнительные потребности общества на указанные нужды косвенным образом учитываются в балансе потребностей семьи,

²⁰ Оптимальное число детей может быть различным в разные периоды жизни семьи в зависимости как от изменения условий ее жизни, так и от опыта рождения и воспитания детей. Это нуждается в самостоятельном изучении.

и никакого «демографического излишка» не требуется. Это и дает основание говорить о тождестве для семьи и для общества оптимального числа детей в семье.

Вместе с тем из совпадения оптимального числа детей в семье с позиций семьи и с позиций общества еще не следует, что уровень рождаемости в населении соответствует этому оптимуму.

Во-первых, чтобы режим воспроизводства населения в частности уровень рождаемости, отвечал уже сформировавшемуся социально обусловленному демографическому оптимуму семьи, необходима соответствующая стабильная возрастно-половая, брачная и семейная структура населения. Сейчас это условие в населении нашей страны не соблюдается: его демографическая структура несет слишком явные следы прошлого, в том числе последствия минувшей войны и происшедшего перехода к новому режиму воспроизводства. Быть может, именно этим несоответствием и вызваны в значительной степени наши сегодняшние «демографические тревоги»?

Во-вторых, даже если семьи стремятся к своему оптимуму, то по разным причинам желаемого числа детей достигают не все. Их потребности в этом отношении, как и другие потребности, никогда не удовлетворяются полностью. Возможные отклонения зависят от степени подверженности семьи социальной норме, от «выраженности» репродуктивной установки, от условий ее реализации, т. е. в конечном счете эти отклонения также социально обусловлены. Большую роль играет и возможность семьи следовать своей установке, средства, которыми она для этого располагает.

Сейчас для большинства населения нашей страны, регулирующего деторождение, характерно отклонение от социальной нормы в сторону меньшего числа детей: ожидаемое число детей в семье в среднем меньше желаемого и того, которое семьи считают наилучшим. Значит ли это, что улучшение условий жизни, на которые семьи ссылаются при опросе как на причину ограничения числа детей по сравнению с желаемым, приведет к исчезновению этого отклонения? По-видимому, полного совпадения намерений и желаний семей даже в среднем ожидать нельзя: потребности всегда будут обгонять возможности их удовлетворения. Однако сокращение этого разрыва по мере роста удовлетворения потребностей вполне

возможно, тем более что речь идет о колебаниях вокруг нового, довольно низкого уровня, установившегося после завершения демографического перехода.

Воздействие на рождаемость: необходимость и возможность

В предыдущих разделах было показано, что оценка перспектив изменения рождаемости не дает оснований драматизировать ситуацию и считать, что налицо угроза «депопуляции». Действительные, а не мнимые перспективы ее изменения требуют глубокого и всестороннего исследования.

Столь же сложной оказалась и проблема оценки желательного уровня рождаемости. Мы не можем сейчас дать однозначного ответа на вопрос, соответствует ли современный уровень рождаемости потребностям общества на данной ступени его развития. Единство демографических интересов семьи и общества заставляет иначе взглянуть на эту проблему и во всяком случае осторожнее судить о том, «виновата» ли семья перед обществом в том, что имеет мало детей.

Исследование необходимости воздействия на рождаемость не ограничивается указанными аспектами.

Решая вопрос о том, воздействовать ли на рождаемость, т. е. предпринимать ли какие-либо шаги для ее стимулирования, необходимо, наряду с другими соображениями, учитывать и все возможные последствия такого воздействия, если оно окажется эффективным. Эти последствия могут быть весьма разнообразны. В качестве примера укажем на два из них, наиболее очевидные с демографической точки зрения.

Население, как известно, стремится к стабилизации своей возрастной структуры, постепенно, от поколения к поколению, как бы заглушая «демографическое эхо», обусловленное прошлыми колебаниями режима воспроизводства. Резкое повышение рождаемости, если бы оно стало возможным в результате тех или иных мероприятий, нарушило бы эту тенденцию к стабилизации и вызвало новую демографическую «волну», которая имела бы своим следствием волнообразное изменение трудовых контингентов в будущем, волнообразное изменение потребности в яслях, школах, институтах, рабочих местах и соответственно в кадрах воспитателей, учителей, пре-

подавателей и т. д. Такого рода последствия резкого повышения рождаемости имели бы долговременный характер и сказывались бы на протяжении ряда поколений.

Можно представить себе и более близкие неблагоприятные следствия резкого повышения рождаемости.

Допустим, например, что в 1970 г. показатели плодovitости вместо фактических повысились до уровня, соответствующего в среднем трем детям у каждой супружеской пары, закончившей деторождение (брутто-коэффициент воспроизводства увеличился бы при этом примерно до 1,6), и поддерживаются на этом уровне, а смертность осталась неизменной. Несложная передвижка по возрастам²¹ показывает, что в этом случае уже через 30 лет демографическая нагрузка²² была бы на 13% больше, а число детей в возрасте до 5 лет — на 60% больше, чем при условии сохранения неизменным режима воспроизводства. Это, несомненно, обременило бы экономику, так как «стимулированные» дети, прежде чем они вступят в процесс общественного производства, потребуют от общества значительных затрат на их воспитание, обучение и т. д. Конечно, эти затраты впоследствии окупятся, более того — высшие и более далекие интересы общества могут оправдывать эти затраты; речь идет в данном случае лишь о необходимости учитывать все последствия вмешательства в демографические процессы, последствия как более отдаленные, так и близкие.

Необходимость воздействия на рождаемость — лишь одна сторона дела. Не менее важен вопрос: можно ли на нее воздействовать, если да, то каковы пути такого воздействия и что, собственно, должно явиться его объектом.

Рассмотрение соотношения демографического оптимума общества и демографического оптимума семьи дает возможность хотя бы в общих чертах ответить на этот вопрос. Прежде всего, воздействовать на рождаемость нельзя иначе, как воздействуя на демографическое поведение семьи, которое обусловлено объективными закономерностями общественного развития. Таким образом, объектом воздействия на рождаемость могут и должны быть потребности семьи и соответствующие им демографические установки.

²¹ Расчеты произведены Е. М. Андреевым.

²² Т. е. число лиц нетрудоспособного возраста, приходящихся на одного человека в трудоспособном возрасте.

Выдвигаемые в последнее время предложения об активизации демографической политики исходят, как правило, из предположения, что демографическое поведение легко управляемо. Принципиальную возможность воздействовать на демографические процессы, опираясь на познанные законы, ими управляющие, отрицать нельзя. Однако следует избавиться от иллюзии, будто это воздействие, или, как теперь стали говорить, «управление», так же легко, как управление вычислительной машиной, и может осуществляться простым нажатием кнопки. Напротив, исторический опыт показывает, что воздействие на демографические процессы с целью изменить их тенденции чрезвычайно сложно и может быть успешным лишь в том случае, *если оно не противоречит объективному воздействию на население социальных факторов, лежащих в основе этих процессов*. Вспоминая неудачу с запретом аборт в 1936 г., обращают внимание главным образом на малую эффективность запрета аборт для повышения рождаемости. Однако важен другой аспект — неуспех этой меры объяснялся тем, что она противоречила объективным закономерностям, в частности наметившемуся уже тогда стремлению семей ограничивать деторождение, для чего аборт был хотя и грубым, но доступным и верным средством. Именно поэтому запрет сократил число аборт лишь на короткий срок, зато привел к увеличению числа нелегальных аборт со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями.

Объективные же закономерности развития потребностей семей, в том числе и тех потребностей, которые удовлетворяются детьми, приводят к единству демографических интересов семьи и общества. Отсюда вытекает, что воздействие на рождаемость в интересах общества означает *не противодействие* семьям в их стремлении к реализации своих демографических намерений с целью побудить их рожать детей больше, чем они хотят, а, наоборот, сводится к тому, чтобы *максимально содействовать удовлетворению социально обусловленной потребности семей в детях*, ибо тем самым будут удовлетворены и потребности в них всего общества.

Задача демографической политики в области рождаемости должна заключаться поэтому в том, чтобы как можно более облегчить исполнение желания семьи иметь то или иное число детей, способствовать реализации ее

собственных намерений в этом отношении. Конкретно она должна быть направлена на сокращение разрыва между тем числом детей, которое родители *собираются* иметь, и тем, которое они *хотят* иметь. В значительной части это совпадает с общими мероприятиями по повышению благосостояния и улучшению условий жизни населения, проводимыми в нашей стране. Предоставление пособий семьям с душевым доходом менее 50 рублей и другие льготы матерям являются в этом плане весьма важными мероприятиями, хотя они и нацелены не столько на стимулирование рождаемости, сколько на сглаживание различий в уровне жизни семей с разным числом детей. Аналогично действуют и все другие мероприятия, направленные на повышение уровня жизни населения.

Демографическая политика должна быть связана, иными словами, не с проведением каких-то специальных мер поощрения деторождения, а с развитием условий, с одной стороны, благоприятствующих развитию тех потребностей семьи, которые удовлетворяют дети, а с другой — облегчению их удовлетворения. Она в то же время должна быть направлена на создание условий, при которых рождение еще одного ребенка не сопровождалось бы повышением нагрузки на работающую женщину и не противоречило бы стремлению семьи к удовлетворению других ее потребностей. Опыт европейских социалистических стран в этом отношении убеждает в правильности такой линии демографической политики.

Облегчение семье удовлетворения ее демографических потребностей означает в то же время необходимость помощи семье в предотвращении рождения детей, которых она иметь не хочет. Нельзя мириться с тем, что такой метод, как аборт, остается до сих пор самым распространенным средством избавления от нежелательной беременности. Необходимо обеспечить население высокоэффективными средствами контрацепции, сделать их доступными каждой семье.

Путь воздействия на демографические установки остается единственным средством «управления» рождаемостью и в том случае, когда общество заинтересовано в ее снижении, как, например, в отношении сельского населения Среднеазиатских республик, где многодетность в определенной степени препятствует женщине в ее социальном развитии. Обнаруженный последними исследованиями факт, что идеальное по мнению женщин чис-

ло детей в семье в ряде случаев меньше фактического, свидетельствует о начавшейся там переоценке ценности многодетной семьи и создает предпосылки для соответствующей перестройки общественного сознания, в том числе и демографического. Этому нужно всячески содействовать.

В последние годы как изучение факторов рождаемости, так и оценка ее перспектив и возможностей воздействия на нее продвинулись вперед. Однако тем не менее, как показывает анализ, здесь еще много неясного. Необходимо поэтому дальнейшее развитие демографических исследований в направлении более глубокого познания механизма и факторов демографического поведения, путей и средств воздействия на него.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РОЖДАЕМОСТИ

За последние годы, когда советские экономисты и демографы отказались от представлений об автоматическом решении демографических проблем при социализме, резко увеличилось число научных исследований и публикаций, посвященных проблемам рождаемости в нашей стране. На основе анализа данных текущей статистики и материалов всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. анализируется динамика рождаемости как в масштабе всего Советского Союза, так и отдельных республик. Многое в этом отношении дают материалы выборочных обследований, проводимых различными научными коллективами.

Накопление, систематизация и анализ значительного количества эмпирических данных позволяют в настоящее время перейти к некоторым теоретическим обобщениям и, в частности, поставить вопрос о причинах снижения коэффициента рождаемости, о критерии, с помощью которого мы могли бы подойти к оценке того или иного уровня рождаемости, а следовательно, и всего хода воспроизводства населения. Чрезвычайно важен также и ответ на вопрос: какие параметры роста населения наиболее благоприятны для нормального функционирования экономики развитого социалистического общества.

Рождаемость и естественный прирост населения в нашей стране за последние десятилетия неуклонно и заметно снижались. В чем причина этого явления, есть ли оно следствие каких-либо просчетов и ошибок, или данный процесс закономерен и объективен? Знать это — значит правильно ориентироваться в главных направлениях демографической политики, ставить и решать проблемы в соответствии с объективными законами развития общества, а не вопреки им.

Советские ученые считают, что рост населения на на-

шей планете не будет длиться бесконечно. В результате осуществления системы социально-экономических преобразований человечество должно прийти к стабилизации своей численности¹. Но если это так, то СССР и другие социалистические страны, где наиболее глубоко и радикально претворяются в жизнь социально-экономические преобразования, не могут быть исключением из общего правила. Напротив, следует ожидать, что в них этот процесс будет идти более активно. На данное обстоятельство еще в прошлом столетии указывали Ф. Энгельс и А. Бебель². В настоящее время мы имеем наглядное подтверждение верности их научного предвидения.

Таким образом снижение рождаемости и естественного прироста населения в нашей стране не противостоит, а есть закономерное следствие осуществления индустриализации, урбанизации, эмансипации женщин, создания условий для получения высокого уровня образования и культуры, пенсионного обеспечения и т. д. Коротко говоря, — это результат коренных социально-экономических преобразований, которые стали целью социалистического общества с первых же дней победы революции.

Несмотря на, казалось бы, полную очевидность исторической обусловленности снижения рождаемости, нам пока трудно даже чисто психологически согласиться с этим, так как еще совсем недавно многие наши ученые утверждали, что социалистические производственные отношения создают условия для быстрого роста рождаемости и расширенного воспроизводства населения, твердо веря в истинность своих суждений.

Однако признавать закономерность снижения рождаемости и замедления прироста населения — только одна сторона дела. Можно соглашаться с этим и одновременно говорить о негативных последствиях для общества данного процесса так же, как, скажем, понимать закономерность выпадения определенного количества атмосферных осадков в Голодной степи и говорить о недостатке влаги для нормального развития посевов. Но в последнем случае есть довольно точные представления о соотношении фактического и необходимого уровней. А есть ли

¹ См.: Урланис Б. Ц. Современный мир и проблема народонаселения. — «Вопросы философии», 1974, № 9, с. 74.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 124; Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959, с. 578—579.

они при определении желаемого и фактического уровней рождаемости? По нашему мнению, на этот вопрос в принципе следует ответить утвердительно. Конечно, в общественных явлениях количественная определенность менее жестко фиксирована, но она, несомненно, существует. В самом общем виде можно сказать, что *оптимальный уровень рождаемости и естественного прироста населения — это такой их уровень, при котором создаются наилучшие условия для осуществления цели социализма — достижения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества*. Иными словами, сам по себе рост населения в социалистическом обществе не самоцель. Он должен рассматриваться с позиций общих интересов социализма, подъема экономики, повышения производительности общественного труда, решения других социально-экономических задач.

Именно потребности социально-экономического развития страны ставят определенные рамки росту населения, ниже и выше которых он будет оказывать уже не стимулирующее, а тормозящее влияние. Но если это так, то экономическая наука как в теоретическом, так и в практическом плане должна более четко определить взаимосвязь между ростом населения и развитием экономики. Сегодня же по этой проблеме единой позиции наших ученых нет. С одной стороны, утверждается, что поскольку человек за время своей жизни производит больше, чем потребляет, то «чем выше темп роста населения, тем интенсивнее растет производительность труда... Поэтому критерий оптимальных темпов роста населения с экономической точки зрения для социалистического хозяйства непригоден»³. С другой же стороны, обосновывается тезис об оптимальном приросте населения для каждого этапа развития социалистического общества⁴.

По нашему мнению, именно теоретическая разногласия в этом важнейшем вопросе и является одной из причин того, что из современной демографической ситуации, сложившейся в стране, учеными делаются различные выводы и что, в свою очередь, ведет к различным практи-

³ Урлианис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. с. 265.

⁴ «Каждому периоду экономического развития социалистического общества, — отмечает М. Я. Сонин, — объективно присуща потребность в оптимальной норме прироста населения» (Факторы экономического развития СССР. М., 1970, с. 114).

ческим рекомендациям. М. Я. Сонин, например, считает, что «в современной социально-экономической ситуации вряд ли было бы целесообразно ускорение темпов роста населения в ближайший период времени»⁵.

Диаметрально противоположного мнения придерживается Б. Ц. Урланис. «Мы... должны, — утверждает он, — ставить вопрос о необходимости борьбы за повышение рождаемости..., нам нужна активная демографическая политика, чтобы рождаемость росла из года в год»⁶.

Важнейшее условие, соблюдая которое мы сможем разрешить имеющееся противоречие, — многосторонность исследования проблем народонаселения, изучение их во взаимной связи и взаимообусловленности с другими процессами. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования», — писал В. И. Ленин. — Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок...»⁷. Набирая силу, демография все в большей степени перестает быть «наукой для себя», а становится «наукой для общества», но подчас еще рекомендации специалистов-демографов базируются на знании ограниченной области и не учитывают сложной взаимосвязи демографических процессов с другими явлениями общественной жизни.

Одним из наиболее весомых аргументов, с помощью которого часто обосновывается необходимость повышения уровня рождаемости и естественного прироста, является имеющийся значительный дефицит трудовых ресурсов в нашей стране. Ряд исследователей полагает, что причиной этого служит пониженная в прошлом рождаемость, и решение проблемы они видят в повышении рождаемости. Если уже сегодня народное хозяйство ощущает недостаток трудовых ресурсов, говорят эти ученые, то что же будет в перспективе? Их подход диктуется, видимо, заботой об обеспечении кадрами нашей экономики; и если бы действительно существовало демографическое решение проблемы трудовых ресурсов, то возражать против такого подхода было бы явной нелепостью. Но дело заключается в том, что не демографическая ситуация «повинна» в наличии дефицита рабочей силы и не

⁵ Факторы экономического развития СССР. М., 1970.

⁶ «Вопросы философии», 1974, № 9, с. 74.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

путем повышения рождаемости и естественного прироста населения можно решить эту проблему.

Известно, что самый низкий уровень прироста трудовых ресурсов за послевоенный период наблюдается в годы седьмой пятилетки. В восьмой пятилетке, наоборот, наблюдается самый высокий за послевоенное время прирост трудоспособного населения (он был в 1,7 раза больше, чем в 1961—1965 гг.). А между тем дефицит рабочей силы обнаружился именно в эти годы. Уже в 1967 г. фактическая численность рабочих и служащих оказалась на 700 тыс. меньше плановой. Существенного снижения прироста трудоспособного населения не наблюдается и в текущей пятилетке, хотя дефицит рабочей силы не снижается, а, вероятно, продолжает расти. При этом следует отметить, что за последние годы увеличение дефицита рабочей силы происходит при одновременном росте доли трудоспособного населения (с 1970 по 1973 г. она поднялась на 1,9%). Правда, к этому времени исчерпался один серьезный источник покрытия дефицита рабочей силы. Если раньше потребность в трудовых ресурсах удовлетворялась не только за счет их естественного прироста, но и путем вовлечения кадров из сферы необобщественного труда, то теперь этого дополнительного источника практически не существует.

Понятно, что при динамично растущем объеме производства и довольно значительном еще удельном весе прироста продукции, полученной вследствие увеличения численности работающих (по промышленной продукции в четвертой пятилетке доля, полученная вследствие увеличения численности работающих, составила 31%, в пятой пятилетке — 32, в шестой — 28, в седьмой — 38 и в восьмой — 27%), наступает такой период, когда резервы труда оказываются исчерпанными. Можем ли мы ставить задачу поддерживать прирост трудовых ресурсов на прежнем уровне, да еще рассчитывая только на естественный прирост? Нужно ли это?

Необходимо учесть, что с ростом масштабов общественного производства и численности занятых в сфере обобщественного труда среднегодовой темп прироста численности рабочих и служащих снижается, даже если абсолютно эта численность и растет. В 1928—1940 гг. абсолютный среднегодовой прирост числа рабочих и служащих в стране составлял примерно 1,9 млн. человек, или 9,6%, за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.)

эти показатели были соответственно 2,6 млн., или 3,2%, и в 1971—1972 гг. — 2,5 млн. человек, или 2,7%. В абсолютном выражении среднегодовой прирост численности рабочих и служащих в народном хозяйстве в минувшие два года текущей пятилетки был почти на треть больше, чем в предвоенный период, но относительно этот прирост стал меньше почти в 4 раза. Это и понятно: в 1928 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР была 11,4 млн. человек, а в 1973 г. — 97,5 млн. человек. Чтобы удержать темп роста численности рабочих и служащих, равный среднегодовому за 1928—1940 гг., нужно было бы обеспечить ежегодный абсолютный прирост их примерно на 10 млн. человек. В условиях, когда резервы труда в сельском хозяйстве и необобществленном секторе уже исчерпаны, это потребовало бы резкого увеличения естественного прироста населения.

Резкое же повышение естественного прироста населения потребовало бы снова вернуться к многодетной семье во имя ориентации на экстенсивное развитие экономики. Такой путь представляется нам неверным.

Есть только один путь решения проблемы трудовых ресурсов — всемерное повышение эффективности общественного производства, а как частная задача, вытекающая из этого, — повышение эффективности использования вовлеченных в народное хозяйство ресурсов труда. Имеющийся ныне дефицит рабочей силы есть главным образом результат недостаточно рационального ее использования. Внутрисменные потери на ряде предприятий составляют 15—20% рабочего времени, «скрытые» резервы рабочей силы на заводах и фабриках по некоторым оценкам достигают 10—15%. О том, что это не предполагаемый, а совершенно реальный источник трудовых ресурсов, свидетельствует и опыт предприятий, начавших работать по щекинскому методу.

В ближайшей перспективе все отрасли народного хозяйства с точки зрения обеспечения рабочей силой можно будет подразделить на три группы: в первой из них объем производства будет иметь тенденцию к относительному или даже к абсолютному сокращению, во второй — к относительной стабилизации и, наконец, третья будет характеризоваться бурным развитием и требовать поэтому дополнительных ресурсов труда, источником которых могут быть в основном предприятия первой и частично второй группы. В целом же, если учесть возмож-

ности современной научно-технической революции, сфера материального производства не потребует дополнительной рабочей силы. Уже в девятой пятилетке из 10 млн. человек прироста кадров значительно меньше половины планируется направить в отрасли материального производства, а остальное — в непромышленную сферу. Следовательно, говоря об обеспечении народного хозяйства трудовыми ресурсами, важно позаботиться о создании достаточно гибкого и действенного механизма высвобождения, переподготовки и перераспределения кадров по территории страны и отраслям народного хозяйства. К сожалению, сейчас мы еще не можем утверждать, что такой механизм у нас создан.

Повышение эффективности общественного производства — главное направление экономической политики Коммунистической партии на длительный период времени. Выступая на торжественном заседании, посвященном 50-летию Молдавской ССР, тов. Л. И. Брежнев подчеркнул, что десятая пятилетка будет пятилеткой качества и эффективности. В связи с этим закономерен вопрос: как сочетается предложение ориентироваться на непрерывный рост рождаемости с проблемами эффективности общественного производства? В данном направлении практически еще не проводилось научных исследований, и поэтому мы можем высказать только предварительные соображения.

Прежде всего нам кажется, следует принять во внимание, что на современном этапе экономического развития обязательное условие успешного труда все более широких слоев населения — подъем специальных знаний, рост профессиональной подготовки и общей культуры человека. Развитое социалистическое общество направляет усилия на создание условий, благоприятствующих всестороннему развитию способностей всех трудящихся — главной производительной силы общества. Осуществляя более глубокий поворот экономики на решение многообразных задач, связанных с повышением благосостояния народа, партия исходит из того, что наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей — высшая цель общественного производства при социализме, но вместе с тем и важная предпосылка развития способностей и творческой активности трудящихся, а следовательно, и залог быстрого роста производства.

Существенное повышение рождаемости от того уровня, который есть сейчас, вольно или невольно сопряжено со значительным отвлечением средств и материальных ресурсов на содержание и воспитание дополнительных контингентов детей, на обеспечение дополнительных работников производственными фондами. В девятой пятилетке несколько снизится доля накопления в национальном доходе: в 1970 г. она составляла 26%, а в 1975 г. уменьшится до 25%. Это должно повести к увеличению доли потребления и росту материального благосостояния трудящихся. Но если численность занятых в народном хозяйстве будет увеличиваться более быстрыми темпами, чем в настоящее время, то осуществлять этот важный структурный сдвиг в экономике не представится возможным, потому что дополнительные контингенты рабочей силы будут нуждаться в соответствующем количестве рабочих мест, а каждое из них в промышленности (учитывая только основные производственные фонды) стоит более 9 тыс. рублей. Если бы, например, численность промышленно-производственного персонала возросла на 1 млн. человек, то это потребовало бы дополнительных вложений на 9 млрд. рублей, или всего прироста национального дохода, полученного в 1972 г. Вообще считается, что прирост населения на один процент требует 4% национального дохода только для поддержания уже имеющегося уровня жизни. В рамках девятой пятилетки дополнительный прирост населения на один процент потребовал бы 65 млрд. рублей, или более 80% общей суммы реальных доходов, прирост которых намечен планом. Иначе говоря, ставя целью повышение рождаемости, мы должны будем ориентироваться на значительное замедление темпов роста уровня жизни населения, вследствие чего сузим возможности для повышения эффективности общественного производства.

Специалисты, которые обосновывают необходимость повышения рождаемости, хорошо понимают, что она не поднимется по мановению волшебной палочки. Для решения задачи предлагается ввести систему весомых семейных надбавок. Имеются даже приближенные подсчеты тех сумм, которые понадобятся для указанных выплат. В расчете на пятилетие они должны составить не один десяток миллиардов рублей.

Какова будет их отдача — сказать трудно. По крайней мере опыт других социалистических стран, осуществ-

ляющих в той или другой форме систему семейных надбавок, не позволяет безоговорочно судить о ее демографической эффективности. А между тем отрицательные последствия отвлечения значительных средств на плату за детей более или менее очевидны.

Источников, откуда государство может взять такие средства, два: уменьшить вложения в народное хозяйство или перераспределить фонд потребления. Во втором случае в форме платы за детей надо было бы отдать большую часть прироста денежных доходов населения. Экономические последствия таких мер можно предвидеть без особого труда. Существенное уменьшение средств, направленных на расширенное социалистическое воспроизводство, замедлило бы темпы экономического развития, и мы уже не смогли бы выполнить заданий по росту реальных доходов населения. Точно так же скажется и перераспределение фонда потребления. Замедление роста жизненного уровня работающих приведет к снижению их материальной заинтересованности и в конечном счете к снижению производительности труда. Таким образом, желая поднять рождаемость, мы можем подорвать саму основу подъема материального благосостояния и следовательно, не снимем проблему, а усугубим ее. Разумеется, все это при условии, что высокие пособия при рождении детей будут действительно стимулировать их появление.

С 1 ноября 1974 г. в нашей стране в соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС по девятой пятилетке введена система пособий на детей для семей, в которых средний доход на одного члена семьи не превышает 50 руб. в месяц. Некоторые наши демографы склонны расценивать эту меру как начало «платы за детей», как политику более активного стимулирования рождаемости. Но, вероятно, для такой трактовки этого важного социального мероприятия нет достаточных оснований. Не стимулирование рождаемости, а борьба с малообеспеченностью — суть и смысл введенных пособий, потому что количество детей при установлении пособий — величина в известной мере пассивная. Активной частью выступает доход на одного члена семьи, а он может быть невысоким не только в том случае, когда высок заработок и много детей, но также и в том, когда ребенок всего один, но заработок низкий.

Совершенно ясно и то обстоятельство, что, как бы об-

щество ни напрягло усилия для подъема рождаемости, оно не получит сейчас дополнительных трудовых ресурсов (фактически они даже несколько уменьшатся). И только лет через 20, с учетом времени, необходимого для получения образования и профессиональной подготовки, рожденные ныне станут работниками. Значит, в плане обеспечения рабочей силы подъем рождаемости необходим нам для будущего. Заботы о будущем — дело, бесспорно, важное. Но на каком основании можем мы утверждать сейчас, что через 20—25 лет обществу будут необходимы контингенты дополнительной рабочей силы (дополнительной в смысле полученных за счет повышения рождаемости)? Сейчас прогнозы в этой области строятся на основе очень простых рассуждений: «Страна наша большая, необжитых мест достаточно — значит населения надо много». Но можно ли выдвигать какие-либо гипотезы относительно перспективных потребностей общества в трудовых ресурсах, не учитывая громадных качественных изменений, которые произойдут в экономике в ближайшие десятилетия?

Уже переход от экстенсивного к интенсивному развитию общественного производства создает условия для постоянной экономии живого труда, вытекающей из систематического роста его производительности. Поэтому происходящая сейчас интенсификация нашей экономики открывает надежный путь к преодолению дефицита трудовых ресурсов. Но сам интенсивный тип общественного производства может иметь две формы: фондоемкую и фондосберегающую. При фондоемкой форме экономия живого труда сопровождается поглощением большего, чем прежде, труда овеществленного, производственных фондов. При фондосберегающей форме интенсивного общественного производства экономится и живой и овеществленный труд, и трудовые ресурсы и производственные фонды.

В настоящее время наше народное хозяйство быстрыми темпами приближается именно к фондосберегающей форме интенсивного типа общественного воспроизводства. В промышленности уже в восьмом пятилетии была достигнута стабилизация фондоотдачи. В 1971—1975 гг. по промышленности фондоотдача остается на уровне восьмого пятилетия, хотя по народному хозяйству в целом фондоотдача несколько снижается. Это объясняется главным образом тем, что в сельском хозяйстве

идет ускоренный процесс роста уровня фондовооруженности. При этом прирост основных фондов обеспечивает намеченное увеличение сельскохозяйственной продукции не только в девятой пятилетке, но и за ее пределами. Таким образом через известный промежуток времени социалистическая экономика получит новый, мощный импульс повышения эффективности и быстрого роста производства. Достаточно сказать, что уже сейчас 1% увеличения фондотдачи равнозначен росту национального дохода более чем на 6 млрд. руб.

Кроме того, следует учитывать, что с увеличением объемов производственных фондов, находящихся в распоряжении общества, возможности роста его эффективности повышаются. Это происходит, во-первых, потому, что часть фондов (здания, сооружения, дороги, трубопроводы и т. п.), требующих больших единовременных затрат, в течение известного времени окупают себя, а затем несколько десятилетий дают эффект как даровая природная сила (ветра, воды); во-вторых, с ростом объемов функционирующих производственных фондов увеличивается значение реноваций как фактора расширенного воспроизводства.

Резюмируя часть статьи, посвященную перспективам развития социалистической экономики, следует сказать: в ближайшие 3—4 пятилетия в народном хозяйстве резко повысится эффективность, которая явится источником роста производства. С этой точки зрения вряд ли возникнет необходимость в значительном приросте трудовых ресурсов. Для экономики такого типа, по нашему мнению, достаточно иметь *стабильную численность населения и относительно стабильное возмещение естественной убыли трудоспособного населения.*

Нельзя не обратить внимание на утверждение ряда демографов о том, что повышение рождаемости необходимо для предотвращения депопуляции в нашей стране. На основании динамики нетто-коэффициента воспроизводства делается вывод о том, что депопуляция у нас уже началась, и поэтому необходимо принимать меры, спасая общество от вымирания. Конечно, если это так, то все соображения экономического порядка должны отступить на второй план так же, как они отступают в борьбе за охрану окружающей среды. На предприятиях строятся дорогостоящие сооружения по очистке воды и воздуха, подчас значительно снижающие эффективность производ-

ства. Но общество идет на это ради того, чтобы оставить потомству свежий воздух, прозрачные реки и зеленеющие леса. Тем более общество не остановится перед затратами, если речь идет о самом потомстве. Неясно пока лишь одно: действительно ли депопуляция у нас началась, либо начнется в ближайшие годы, или угроза ее сильно преувеличена?

Далеко не все специалисты считают, что наша страна находится на пороге депопуляции. Конечно, уровень рождаемости в целом по стране, видимо, будет и дальше иметь тенденцию к понижению. Это произойдет отчасти в связи с дальнейшим ростом доли городского населения, имеющего более низкий уровень рождаемости, отчасти же и в силу развития процесса планирования семьи у населения республик Средней Азии, Казахстана, Азербайджана и некоторых автономных республик и областей РСФСР. Но абсолютная величина прироста населения будет изменяться медленнее, численность населения СССР к 2000 г. достигнет, вероятнее всего, 300—310 млн. человек.

Позволительно в связи с этим спросить: о какой же депопуляции идет речь, если в предстоящий 25-летний период население страны ежегодно будет увеличиваться в среднем на два с лишним миллиона человек?

В последнее время максималистическая позиция сторонников непрерывного и быстрого роста рождаемости в нашей стране разделяется все меньшим числом специалистов. Сейчас требования стали скромнее: отстает необходимость слегка расширенного воспроизводства населения. Однако и эта точка зрения в научном отношении мало обоснована. Само понятие «слегка расширенного воспроизводства» весьма неопределенно. Почему нужно именно такое воспроизводство? Как долго оно должно сохраняться: до бесконечности или до тех пор, пока будет достигнута какая-то (какая именно?) численность населения?

Активная демографическая политика в том виде, в котором она представляется некоторым нашим демографам, — не частный вопрос. Она затрагивает проблему интенсификации социалистического производства, пропорции деления национального дохода на фонд накопления и фонд потребления, темпы роста реальных доходов населения и другие. Проводить в жизнь такую демографическую политику — значит внести существенные коррек-

тивы во всю экономическую политику государства. По-
нятно, что это серьезно повышает требование к обосно-
ванности научных рекомендаций.

Высказанные в статье соображения не должны дать оснований думать, будто мы выступаем против активной демографической политики. Однако мы за такую ее активизацию, которая исходит из реальных потребностей и возможностей общества. В спорах о повышении рождаемости как-то отодвинулась на второй план проблема интенсификации воспроизводства населения в нашей стране. Речь идет о том, что, несмотря на громадные достижения в деле снижения детской смертности, резервы здесь исчерпаны еще не до конца. За последние годы детская смертность установилась на уровне 24—25 на тысячу родившихся и не обнаруживает дальнейшего заметного снижения. А ведь специалистам хорошо известно, что это далеко не предел. Не следует ли нам внимательно проанализировать причины этого явления и разработать конкретную программу дальнейшего снижения детской смертности?

Пристальное внимание демографов с точки зрения повышения интенсивности воспроизводства населения должно привлечь увеличение коэффициента смертности людей в самых продуктивных возрастах — 30—49 лет. В 1958—1959 гг. на тысячу человек в возрасте 30—34 лет умирало 2,6 человека, а в 1971—1972 гг. — 2,8 человека, в возрасте 35—39 лет — соответственно 3,1 и 3,7, в возрасте 40—44 лет — 4,0 и 4,8, 45—49 лет — 5,4 и 6,1. Вряд ли есть необходимость доказывать важность изучения этой тенденции.

При выработке рекомендаций в области рождаемости, очевидно, следует учесть и то обстоятельство, что в воспроизводстве населения по регионам страны имеются существенные различия. Специалисты говорят о том, что союзные республики находятся в различных фазах демографического перехода⁸. Поэтому вести речь об одинаковом пути решения демографических проблем в масштабе всей страны, видимо, нельзя.

Тезис о необходимости борьбы за повышение рождаемости сохраняет какое-то значение лишь для определенной территории Союза. Но и здесь низкий прирост населения происходит в основном из-за чрезмерной миграции

⁸ См., например: *Кваша А. Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974, с. 22.

сельских жителей в молодых возрастах, создающей неблагоприятную возрастную-половую структуру населения, т. е. скорее из-за отсутствия молодых женщин, а не по причине слишком низкой их плодовитости. В этих условиях как ни поощрай рождаемость, дело мало продвинется вперед, пока число женщин в плодovитом возрасте невелико.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР» намечена система мер по крутому подъему сельского хозяйства на территории 29 областей и автономных республик Российской Федерации. Это позволит решить не только сложные производственные, но и социальные и демографические проблемы. Вероятнее всего, комплексный подход к решению проблемы и прежде всего оптимизация миграции сельского населения окажется наиболее действенным средством, которое положительно скажется на уровне рождаемости, в тех регионах, где он недостаточен в настоящее время.

Приведенные в настоящей статье аргументы, наверное, не бесспорны. Автор и не претендует на это. Но проблема, о которой идет речь, настолько жизненно важна и многопланова, что здесь надо отмерить не семь, а тысячу раз. И конечно же, необходимо рассматривать демографические процессы в сложной взаимосвязи с другими социальными и экономическими проблемами. Основная цель данной статьи и состоит как раз в том, чтобы обратить внимание специалистов на этот аспект.

РОЖДАЕМОСТЬ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ

Изучение связи между рождаемостью и материальным благосостоянием имеет длительную историю. Известно, что К. Марксом была установлена для раннего периода капитализма обратная зависимость между высотой заработной платы и уровнем рождаемости у рабочих. Аналогичные соотношения наблюдались и в дальнейшем в других социально-экономических условиях. Многократно отмеченная обратная зависимость между уровнем рождаемости и уровнем материального благосостояния (так называемый закон «обратной пропорциональности») явилась той эмпирической закономерностью, на которой основывались некоторые теории населения.

В последнее время характер дифференциальной рождаемости в ряде зарубежных стран стал иным. Во многих странах кривая изменения рождаемости по группам населения различной материальной обеспеченности приобрела так называемую *U*-образную форму, т. е. максимальный показатель рождаемости приходится на начало и конец в группировке семей по материальной обеспеченности, а минимум — на середину. В некоторых странах обратная зависимость сменилась прямой: наиболее высокая рождаемость стала наблюдаться уже не в менее обеспеченных, а в более обеспеченных группах населения.

В ряде советских исследований была констатирована обратная зависимость между уровнями рождаемости и материальной обеспеченности. Но нельзя было найти убедительные доводы для обоснования выявленной закономерности. «Рост благосостояния, — пишет проф. А. Я. Боярский, — сам по себе не может вести к снижению рождаемости. Ничем нельзя доказать, что если люди начинают жить лучше — пользоваться лучшим жилищем, лучшим питанием и другими условиями, то это якобы

должно непременно вести к снижению рождаемости — через посредство физиологических или психических изменений»¹.

Вместе с тем изучение связи между числом рождений у женщины и материальным благосостоянием семьи не потеряло своего значения. Если раньше проблема эта представляла интерес больше в теоретическом аспекте, то в связи с разработкой мероприятий материального стимулирования рождаемости решение вопроса о том, где же все-таки выше рождаемость — в лучше или менее обеспеченных семьях, приобрело существенное практическое значение.

Исходя из актуальности этого вопроса, нами предпринята еще одна попытка изучения дифференциальной рождаемости по группам дохода. В качестве статистической базы для исследования были использованы содержащиеся некоторые сведения о рождаемости материалы единовременных обследований доходов и жилищных условий рабочих и служащих в 1967 г. и рабочих, служащих и колхозников в 1972 г., охватившие соответственно 236 тыс. и 347 тыс. женщин².

Методика построения показателей материальной обеспеченности семьи

Для получения правильных выводов об обусловленности числа рождений у женщин материальным благосостоянием семьи прежде всего, очевидно, важно пользоваться показателями, адекватно отражающими последнее. В ряде случаев ошибочные выводы следует приписать неудачному выбору этих показателей применительно к задачам данного типа исследования.

В советских работах для характеристики материального благосостояния семьи пользуются обычно средним душевым доходом. Поскольку в СССР в результате повышения минимума заработной платы сокращается дифференциация в оплате труда, а следовательно, и дифференциация семей по совокупному доходу, показатель душевого дохода в значительной степени зависит от величины семьи, главным образом числа детей, несмотря на

¹ Боярский А. Я. Социалистический закон народонаселения и воспроизводство рабочей силы. — В кн.: Основные закономерности воспроизводства рабочей силы в период развернутого строительства коммунизма. М., 1965, с. 48.

² Число случаев, включенных в разработку.

то, что поступления из общественных фондов, значение которых существеннее в многолетних семьях, в некоторой степени сокращают разрыв в материальной обеспеченности, создаваемый различным числом детей в семье.

Весьма показательны данные о составе семей с различным душевым доходом, полученные В. П. Трофимовым на основании разработки бюджетов 1200 семей рабочих по некоторым областям УССР (табл. 1). В наименее обеспеченных семьях почти половина состава семьи приходится на детей и подростков, в наиболее обеспеченных — только 10%.

Таблица 1

Доля детей и подростков в составе семей рабочих по некоторым областям УССР

Доход на 1 члена семьи, руб. в месяц	Доля детей и подростков до 18 лет в общем числе членов семьи, %
До 40	48,6
40—50	45,7
50—60	38,9
60—75	37,6
75—100	31,0
100—125	24,0
125—150	24,2
150 и выше	10,0

Источник. Трофимов В. П. Вопросы факторного анализа спроса и потребления. — В кн.: Вопросы статистической методологии и статистико-экономического анализа (Материалы науч. конф.). Киев, 1969, с. 276.

Происходящий в СССР процесс сокращения вариаций в величине семей, все большее снижение доли многолетних в результате сокращения рождаемости будет, очевидно, одним из факторов выравнивания материальной обеспеченности советских семей.

Известно, что в душевом доходе, вычисленном как простая средняя арифметическая, игнорируется влияние на материальное благосостояние семьи ее возрастно-полового состава и что учет этого фактора достигается пересчетом душевого дохода на потребительские единицы. Препятствием к такому уточнению показателя душевого дохода у нас является отсутствие шкалы, которая адекватно отразила бы фактическое положение соотношения потребления лиц разных возрастов. По шкале, разрабо-

танной В. В. Швырковым³, расходы на потребление ребенка до 1 года составляют 0,14% расходов на потребление взрослого мужчины — рабочего, занятого механизированным трудом, детей от 1 до 3 лет — 0,25%, от 3 до 7 лет — 0,41%, от 7 до 11 лет — 0,51%. Таким образом, появление в семье новорожденного согласно этой шкале лишь незначительно изменит бюджет семьи по сравнению с положением, которое существовало до его рождения, и наличие детей старше 1 года также не представляет собой большой нагрузки на семейный бюджет. Однако фактическая доля расходов на детей в настоящее время значительно больше, что подтверждается и расчетами некоторых авторов о расходах на содержание ребенка в советской семье⁴.

В малодетных семьях родители стараются предоставить детям максимум возможного как в части питания, так и для удовлетворения других потребностей ребенка. Если бюджет семьи ограничен, это достигается обычно за счет сокращения расходов на потребление взрослых. По-видимому, этим объясняются значительно более высокие коэффициенты расходов на питание детей по сравнению с расходами на питание взрослых по шкале, составленной на основе фактических данных (см. приведенную ниже шкалу Д. А. Астринского), чем по шкале, в основу которой положены физиологические нормы питания (см. шкалу В. Я. Райцина).

В многодетных семьях, где ребенок не представляет собой редкое благо, соотношение в потреблении детей и взрослых может оказаться ближе к шкале, составленной по нормативам. Различные фактические соотношения в потреблении детей и взрослых в семьях разного типа — одно из оснований отказа от пересчета душевого дохода на потребительские единицы на основе единой шкалы потребления для всех регионов Советского Союза.

Не учтена, как правило, в потребительских шкалах и экономия в бюджете семьи, которая создается в результате наличия нескольких детей. Расход на нескольких детей, очевидно, меньше суммы расходов, приходящихся

³ Швырков В. В. Экономико-математический анализ потребительского спроса. М., 1966. Шкала построена в части расходов на питание на основе физиологических норм потребления, рассчитанных АМН СССР.

⁴ См., например: Кваша А. Я. О некоторых инструментах демографической политики. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968, с. 76.

на каждого ребенка, если бы он был в семье единственным, что приводит к преуменьшению душевого дохода в многодетных семьях (это относится к вычислениям как по шкале потребления, так и по способу средней арифметической).

Таблица 2

Коэффициенты расходов на питание детей разного возраста
(за 1 приняты расходы на питание взрослого едока)

По Д. А. Астринскому		По В. Я. Райцину	
Возраст детей	Коэффициент расходов	Возраст детей	Коэффициент расходов
1—6	0,63	До 1	0,25
7—11	0,97	1—2	0,38
12—13	1,06	3—6	0,46
		7—10	0,58
		11—14	0,67

Источник. *Комаров В. Е., Чернявский У. Г.* Доходы и потребление населения СССР. М., 1973, с. 193. Шкала Д. А. Астринского разработана по материалам обследования потребительских расходов 544 семей рабочих промышленности в Москве и Ленинграде за 1964 г.; Шкала В. Я. Райцина — на основе наборов продуктов, принятых Институтом питания АМН СССР исходя из физиологических норм.

Приведенные оговорки и ограничения в использовании шкалы потребления для пересчета душевого дохода на потребительские единицы привели к тому, что этот метод исчисления душевого дохода не получил распространения в исследованиях зависимости рождаемости от дохода семьи.

Наряду с уже высказанными сомнениями, которые связаны с выбором методики исчисления душевого дохода, встает еще более серьезный вопрос: возможно ли вообще использование этого показателя при исследовании зависимости между благосостоянием семьи и рождаемостью, хотя он в некотором отношении и точнее характеризует благосостояние семьи, чем общий ее доход. Как отмечалось в советской демографии, уровень рождаемости, поскольку он определяется числом детей в семье, участвует в формировании душевого дохода, в то время как задача заключается в установлении влияния именно последнего на это число⁵. Известный выход из создавшегося

⁵ См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963, с. 73; *его же* — С. Г. Струмилин как демограф. — В кн.: Вопросы народного хозяйства СССР. М., 1962, с. 345.

ся круга заключается в установлении душевого дохода, существовавшего в семье до появления в ней ребенка, т. е. исключение новорожденного из числа членов семьи. Такой метод расчета возможен при изучении рождаемости в определенном периоде (календарном периоде или цикле развития семьи) на основании данных хронологического перечня рождений, полученных из истории деторождения женщины, или динамического наблюдения за развитием семьи. Исследование рождаемости за календарные периоды в зависимости от душевого дохода, полученного с исключением новорожденного, проведены рядом советских авторов (Таубер Н. А., Давтян Л. М., Звидриньш П. П.).

Поправка эта, как правило, не меняла характера установленной без нее зависимости — обратной связи между доходом и рождаемостью. Но это может объясняться и спорностью некоторых других методических приемов, примененных в этих исследованиях, например объединением в одной совокупности семей, регулирующих и не регулирующих деторождение.

В зарубежной литературе, а в последнее время часто и у нас, влияние социально-экономических факторов на рождаемость анализируется на основе сопоставления показателя кумулятивной рождаемости, т. е. числа рождений у женщины в течение всего периода, предшествующего наблюдению, и социально-экономических показателей, в частности дохода на момент наблюдения. В этом случае становится особенно очевидным смешение причины и следствия при использовании душевого дохода для характеристики материального благосостояния семьи. Постараемся разобраться, каково познавательное значение данного показателя в интересующей нас связи.

Если бы развитие семьи происходило по строгому плану и определялось только представлениями супругов о материальном положении, которое у них создается в результате появления того или иного числа детей, т. е. влияние всех других факторов на принятый ими план деторождения исключалось, можно было бы считать, что душевой доход к концу известного цикла жизни оказывает влияние на уровень рождаемости в течение этого цикла (так же как душевой доход, исчисленный с включением новорожденного, оказывает влияние на решение супругов о его рождении). Если супруги, предвидя ухудшение материального благосостояния в результате по-

явления детей, тем не менее идут на снижение его — можно было бы считать, что удовлетворение от наличия детей в семье для них выше сохранения более высокого уровня благосостояния, и, наоборот, отказ от детей мог бы быть расценен как результат нежелания ухудшить свое материальное положение. Как замечает социолог А. В. Баранов, «поведение человека не детерминировано будущим, но представление о будущем, ожидание определенных изменений — это реальное настоящее и оно является одним из факторов демографического поведения»⁶. Однако в действительности супруги вряд ли всегда планируют рост своей семьи с учетом материальных условий, которые создадутся в будущем. Особенно это относится к тем семьям, у которых низкий душевой доход сложился в результате отсутствия привычки или умения регулировать число рождений.

Душевой доход семьи может меняться по циклам ее развития в зависимости от возрастных закономерностей в изменении заработной платы ее членов и роста семьи. В прошлом большое число детей приводило к снижению душевого дохода и в результате этого — к снижению уровня жизни в семьях лиц среднего и старшего возраста. Г. С. Полляк, проведший исследование зависимости между материальной обеспеченностью семьи и ростом ее на основе сопоставления данных семейной переписи 1926 г. и бюджетных обследований, приходит к выводу, что «неизбежно создается возможность несоответствия между темпом нарастания заработка рабочего, зависящего от повышения его квалификации и эффективности его труда, и темпом расширения потребностей рабочей семьи»⁷ (речь идет о расширении потребностей семьи в результате изменения ее состава — увеличения числа детей и их возраста). Надо полагать, что и в настоящее время происходит рост зарплат с увеличением стажа и профессиональной квалификации работников.

По чехословацким данным (выборочное обследование в связи с микроцензом 1961 г.) максимум заработной платы у мужчин приходится на возраст 31—40 лет⁸. Без

⁶ Баранов А. В. Связь рождаемости с социальной мобильностью. — В кн.: Демографическая политика. М., 1974, с. 168.

⁷ Полляк Г. Бюджет и семья. — «Экономическое обозрение», 1930, № 3, с. 71.

⁸ Рубичек В. Модели жизненного цикла, условия экономико-демографического равновесия и экономическая нагрузка семьи. — В кн.: Некоторые проблемы статистической науки. М., 1974, с. 39.

специальных исследований трудно установить, как отражается изменение заработной платы супругов на динамике душевого дохода современной малодетной семьи, формирующейся в основном в молодом возрасте родителей. Результаты выборочного обследования, проведенного в некоторой части промышленных рабочих⁹, обнаружили наибольшую долю лиц с небольшим и средним душевым доходом в семьях с несовершеннолетними детьми и наибольшую долю с высоким доходом среди молодежи и пожилых рабочих.

Проведенное исследование материальной обеспеченности средней американской семьи в различных отрезках ее жизненного цикла обнаруживает, что наибольшие материальные затруднения возникают в семьях сорока—пятидесятилетних, что вызвано в основном поздним началом экономической самостоятельности детей¹⁰.

Во всяком случае, величина душевого дохода может быть обусловлена тем, на каком этапе жизненного цикла семьи она фиксируется. Поскольку душевой доход в различных фазах развития семьи характеризует в значительной степени изменения, происходящие в ее материальной обеспеченности в связи с изменениями числа и возрастного состава ее членов, главное назначение этого показателя в демографическом аспекте — служить основанием для разработки мероприятий демографической политики. В таком направлении использовал результаты своего анализа Г. С. Полляк, который еще в 1930 г. пришел к выводу о необходимости в целях предупреждения снижения уровня жизни семьи в процессе ее роста такого распределения фондов заработной платы, «при котором усилится значение семьи как фактора распределения. Последнее означает усиление элемента социализированной заработной платы в бюджете рабочего»¹¹.

Для изучения связи между уровнем благосостояния

⁹ Обследование проведено в 1965—1968 гг. на 7 металлургических, машиностроительных и текстильных предприятиях Днепропетровска, Запорожья, Одессы, Костромы с общим охватом 900 лиц. См.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972, с. 51.

¹⁰ *Oppenheimer V. K.* The life-cycle squeeze. The interaction of men's occupational and family life cycles. — «Demography», v. I, № 2, May, 1974.

¹¹ *Полляк Г.* Бюджет и семья. — «Экономическое обозрение», 1930, № 3, с. 103.

и кумулятивной рождаемостью более обоснованно использование не душевого, а общего дохода семьи.

При сопоставлении совокупного дохода семьи на момент наблюдения с кумулятивной рождаемостью условно допускается, что относительная его величина в данной группе исследуемой совокупности к конечному моменту по сравнению с другими группами существовала в течение всего периода наблюдения. Такое предположение может привести, конечно, к известной неточности выводов. Более адекватное отражение связи между ростом семьи и ее материальным благосостоянием можно было бы получить по результатам динамического наблюдения за процессами, происходящими в различных циклах развития семьи, с применением метода когорт.

Практически в материалах, собранных при переписях населения или специально проведенных массовых обследованиях, можно располагать только сведениями о доходе семьи на конечный момент наблюдения. Различный характер возрастной кривой изменения заработков, а отсюда и кривой дохода семьи, по циклам ее жизни, может в некоторой степени исказить картину дифференциальной рождаемости, установленную на основании кумулятивных показателей. Так, лица с высшим образованием предположительно могут достигнуть по сравнению с лицами с низким уровнем образования относительно высокого заработка в более позднем возрасте, когда биологическая плодовитость уже ниже, что может привести к более низким показателям кумулятивной рождаемости в этой группе¹².

Рассмотрение показателей рождаемости у женщин по доходу семьи в пределах социальной группы, где характер повозрастной кривой изменения заработка относительно однотипен, может в значительной степени элиминировать влияние этого искажающего фактора.

Важное методическое условие для получения правильных выводов о зависимости между доходом и кумулятивной рождаемостью — исключение при исчислении показателей рождаемости фактора возраста супругов или коррелятивно связанной с ним длительности брака, что достигается переходом к стандартизованным показателям по возрасту женщины или длительности брака.

¹² См.: Рoubичек В. К методике определения дифференциальной плодовитости социально-профессиональных групп. — В кн.: Проблемы народонаселения (Труды Всесоюзной межвузовской научной конференции, посвященной проблемам народонаселения Средней Азии). М., 1970, с. 292.

В результате внутрисемейного регулирования деторождения создается дифференциальная рождаемость, соответствующая желаемому числу рождений, которое детерминируется социально-экономическими условиями. Но при разном владении мерами ограничения деторождения (либо из-за незнания или недоступности эффективных мер, либо из-за неподготовленности населения к их использованию) степень распространения эффективного регулирования деторождения становится одним из факторов дифференциации рождаемости по группам населения.

Исследования последнего времени показывают, что даже в странах, где регулирование деторождения широко распространено, имеется немало рождений, происшедших помимо желания брачных пар. По данным проведенного в США в 1970 г. обследования замужних женщин, которое ставило цель выявить размеры нежеланной рождаемости, из всех рождений, происшедших у опрошенных в 1966—1970 гг., 15% были указаны как нежеланные и 44% как незапланированные (нежеланные вообще плюс происшедшие в нежелательный срок)¹³.

Степень распространения регулирования деторождения в различных слоях населения и влияние ее на дифференциацию рождаемости характеризует и тот факт, что больше всего нежеланных рождений оказалось у женщин с наиболее низким уровнем образования, у которых рождаемость самая высокая. У этих женщин число нежеланных рождений достигало 31%, в то время как у окончивших колледж (с обучением 4 года и выше) оно составляло всего 7%.

Число рождений на одну женщину, рассчитанное с исключением нежеланных, обнаружило гораздо меньше различий по группам населения, чем фактическое. Так, при вариации числа рождений на одну женщину по группам образования от 2,5 до 3,9, исчисленные показатели (без нежеланных рождений) колебались от 2,4 до 3,0; числа рождений у белых и небелых женщин составляли 2,9 и 3,7, а исчисленные без нежеланных рождений — 2,6 и 2,9¹⁴.

¹³ Population and the american future. The report on hte commission on population growth and the american future, 1972, p. 97.

¹⁴ Исчисленный показатель фактического числа рождений без нежеланных меньше желанного числа, поскольку не включает те рождения, которые женщины хотели бы, но не могли иметь по тем или иным причинам (состоянию здоровья, жизненным обстоятельствам).

При выяснении случаев нежеланных рождений не следует забывать, что, хотя появление на свет детей не всегда соответствует желанию родителей, но после того, как дети уже появились, они обычно становятся желанными и любимыми. Число нежеланных рождений, установленное исходя из уже осуществленных, может поэтому оказаться преуменьшенным. Только путем тщательного ретроспективного выяснения желаний и планов родителей можно выявить число детей, появившихся вопреки этим желаниям. Нередко нежеланное рождение превращается в желанное уже на стадии внутриутробного существования ребенка. Часто женщина, не желавшая данного рождения и готовая прервать беременность, меняет свое намерение под влиянием живого представления о будущем ребенке и возникших у нее уже материнских чувств к этому ребенку.

Неодинаковое распространение регулирования деторождения в различных слоях населения может затушевывать или даже исказить характер влияния социально-экономических факторов, в частности дохода. Такое явление обнаруживается, например, в результатах некоторых американских обследований зависимости между доходом и рождаемостью. Так, по данным обследования, проведенного в городе Индианаполисе в 1941 г., среди всех обследованных брачных пар наблюдалась обратная связь между рождаемостью и доходом, а среди полностью регулирующих деторождение — прямая связь¹⁵. Аналогичные результаты получились в Принстонском обследовании рождаемости среди протестантов (1956—1960 гг.)¹⁶.

Если разная степень владения способами ограничения деторождения в отдельных группах исследуемой совокупности населения может привести к неправильным выводам о влиянии факторов, которые действуют на рождаемость в основном при посредстве ее регулирования, то в населении, в котором продолжают еще существовать традиции высокой рождаемости и она вообще не регулируется, эти факторы, в частности материальное благо-

¹⁵ Kiser C., Whelpton P. Social and psychological factors affecting fertility. Fertility planning and fertility rates by socio-economic status. — «Milb Mem Fund. quart», 1949, Apr.

¹⁶ Westoff C. F., Potter R. G., Sagi P. G. Some Selected findings of the Princeton fertility study, 1963. — «Demography», 1964, v. I, № 1. Chicago.

состояние семьи, могут влиять на уровень рождаемости только косвенно — через различия в возрасте вступления в брак или состоянии здоровья женщин, что мало отражается на дифференциации показателей рождаемости. В качестве примера слабой колеблемости этих показателей по группам дохода при высоком уровне рождаемости можно привести данные по колхозникам и работникам совхозов в республиках Средней Азии, Азербайджане и Казахстане на 1972 г.

Месячный доход се- мьи, руб.	Число рож- дений на од- ну женщи- ну *						
	до 150	151—210	211—300	301—450	451—600	601—900	901 и выше
	3,88	4,16	4,12	4,21	4,12	4,17	4,22

* Стандартизовано по продолжительности брака.

Освещение вопроса о распространенности различных способов ограничения деторождения, об их эффективности и т. п. представляет собой в настоящее время обязательную составную часть всякого глубокого исследования факторов рождаемости. Соответствующие сведения, касающиеся интимной жизни опрашиваемых, могут быть получены только при углубленных выборочных обследованиях. Их нельзя включить в программу массовых опросов населения. При использовании последних о регулировании деторождения приходится судить по его результатам, т. е. по уровню рождаемости. Исходя из этого, в разработках материалов выборочных обследований рождаемости на основании опроса женщин (1960, 1967 и 1972 гг.), проведенных НИИ ЦСУ СССР, все территории (республики) были разделены по уровню рождаемости населения. В разработке 1960 г. было принято деление на три массива — с высоким, средним и низким уровнем. В дальнейшем, когда процесс снижения рождаемости распространился на ряд новых территорий, были приняты две основные группы, соответствующие установившейся дифференциации рождаемости в СССР: а) с низким уровнем, куда относится большая часть территорий СССР, и б) с высоким уровнем (республики Средней Азии, Азербайджан, Казахстан). Изучение влия-

ния материального благосостояния семьи на рождаемость целесообразно проводить по первой группе, поскольку она охватывает население со значительным пространством регулирования деторождения.

С теоретической и методической точек зрения при изучении влияния дохода семьи на число рождений у женщины важно исходить из твердо установленного сейчас в демографических исследованиях положения, что влияние оказывает не абсолютный размер дохода, а его оценка семьей¹⁷. Свой доход семья оценивает исходя из возможности удовлетворения своих материальных потребностей. А в своих потребностях она ориентируется обычно на уровень потребления в других семьях своей социальной среды, который зависит в основном от дохода. Основанием для оценки семьей своего дохода является, таким образом, отклонение его от дохода других семей. Влияние дохода семьи на число рождений у женщины должно поэтому изучаться на основе показателей рождаемости, вычисленных в пределах однородных социальных групп.

Некоторые результаты разработки

Вышеизложенные соображения о методике изучения связи между доходом и рождаемостью были нами положены в основу изучения соответствующих данных выборочного единовременного обследования доходов и жилищных условий рабочих, служащих и колхозников 1972 г. В качестве характеристики дохода был принят общий доход семьи. Анализ производился по республикам с низким уровнем рождаемости и по мере возможности, т. е. в той мере, как это позволяли первичные материалы, в пределах социальных групп.

Полученные показатели (см. табл. 3) обнаруживают рост числа рождений в среднем на одну женщину по мере увеличения дохода семьи. Среди рабочих и служащих

¹⁷ Смолинский З. Попытка сформулировать общую экономическую модель развития населения (Пер. с венг.). — В кн.: Теоретические проблемы демографии. М., 1970; Freedman R., Combs L. Economic considerations on family growth decisions. — «Population Studies», v. XX, № 2; Meckenroth G. Bevölkerungslehre, Theorie, Sociologie und Statistik der Bevölkerung. 1953. К этой точке зрения в известной степени присоединяются и В. П. Пискунов и В. С. Стещенко (см.: Пискунов В. П., Стещенко В. С. Воспроизводство городского населения Украинской ССР. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 234).

выделяются лишь несколько повышенным показателем рождаемости женщины с самым низким семейным доходом. Аналогичное явление мы наблюдаем и при распределении женщин по уровню образования — в каждой группе образования рождаемость в семьях с наименьшим доходом несколько повышена. Чтобы вскрыть причины этого явления, необходимо рассмотреть состав наименее обеспеченной группы, что возможно только с привлечением дополнительных материалов. Можно предположить, что сюда попадают семьи, в меньшей степени регулирующие деторождение.

Таблица 3

Среднее число рождений на одну женщину
в зависимости от дохода в республиках
с низкой рождаемостью, 1972 г.

Совокупный доход семьи, руб. в месяц	Все семьи	в том числе	
		рабочих и служащих (без работников совхозов)*	колхозников и работников совхозов*
До 150	2,01	1,77	2,22
151—210	1,94	1,69	2,37
211—300	1,91	1,72	2,51
301—450	1,95	1,79	2,67
451—600	2,05	1,88	2,89
601—900	2,19	1,96	3,04
901 и выше	2,49	2,08	3,23

* Семьи отнесены к той или иной группе на основании принадлежности к ней члена семьи, попавшего в отбор. Включены работающие женщины в возрасте до 45 лет, состоящие в первом браке. Показатели стандартизованы по продолжительности брака.

В наших данных обнаружилась таким образом в среднем прямая связь между доходом семьи и числом рожденных детей¹⁸. Колебания показателей рождаемости в семьях различной обеспеченности сравнитель-

¹⁸ Прямая связь между рождаемостью и доходом семьи была обнаружена и в исследованиях Г. А. Слесарева и Л. П. Шахотко, проведенных в однородных социальных группах — среди работниц крупных предприятий Горького и работниц камвольного комбината Минска — с использованием для характеристики дохода семьи ее общего дохода.

но невелики, что естественно в условиях преобладания малодетной семьи, число детей в которой варьирует в довольно узких пределах. Картина изменений показателей рождаемости в семьях различной материальной обеспеченности, аналогичная полученной нами по данным обследования 1972 г., т. е. прямая зависимость между доходом и числом рожденных детей, при слабой вариации последнего, наблюдается и в некоторых зарубежных странах с регулируемой рождаемостью, например в ФРГ.

Таблица 4

Рождаемость по группам дохода ФРГ, 1970 г.

Доход мужа. марок в месяц	Число рождений в среднем на 1 брак*
До 500	1,75
500—800	1,79
800—1200	1,84
1200—1800	1,80
1800—2500	1,99
2500 и более	2,09
В среднем	1,84

Источник. «Wirtschaft und Statistic», 1974, № 9, S. 635.

* Без занятых в сельском хозяйстве. Показатели относятся к женщинам, состоящим в первом браке; стандартизованы по продолжительности брака и возрасту вступления в брак.

В целях приближения уровня дохода ко времени, к которому относятся данные о рождениях по материалам обследования доходов и жилищных условий 1967 г., были вычислены помимо кумулятивных показателей рождаемости еще и показатели частоты рождений в 1964—1967 гг. у женщин с различным семейным доходом, стандартизованные по длительности брака (см. табл. 5). И эти показатели обнаруживают большее число рождений в более обеспеченных семьях и меньшее — в менее обеспеченных.

Результаты прослеживания связи между доходом и рождаемостью по группам образования вскрывают некоторые новые аспекты исследуемой зависимости. Оказывается, что она не единообразна в различных группах. В то время как у женщин с образованием ниже средне-

Таблица 5

**Частота рождений в 1964—1967 гг., городское население
союзных республик с низкой рождаемостью ***

Совокупный доход семьи, руб. в месяц	Число рождений на 1 000 женщин
До 150	439
151—210	455
211—300	489
301—450	517
451 и выше	531

* Включены работающие женщины в возрасте до 45 лет, состоящие в первом браке.

го наблюдается четко выраженная прямая зависимость, среди наиболее образованных женщин (с высшим образованием) почти никакой связи между числом рождений и доходом семьи не обнаруживается.

Таблица 6

**Среднее число рождений на 1 женщину
в зависимости от образования и дохода семьи
в республиках с низкой рождаемостью; рабочие и служащие
(кроме работников совхозов), 1972 г.***

Совокупный доход семьи, руб. в месяц	Уровень образования			
	высшее и не- законченное высшее	среднее общее и специальное	неполное среднее	начальное и ниже
До 150	1,83	1,89	1,83	1,62
151—210	1,54	1,66	1,69	1,74
211—300	1,54	1,64	1,72	1,84
301—450	1,55	1,67	1,82	2,06
451—600	1,53	1,69	1,94	2,31
601—900	1,57	1,75	2,08	2,50
901 и выше	1,59	1,88	2,19	2,73

* Тот же контингент женщин, что в табл. 5.

Можно отсюда заключить, что материальные условия влияют на рождаемость у малообразованных женщин и почти не оказывают влияния у женщин образованных. У последних в формировании уровня рождаемости вступают в силу, по-видимому, другие факторы — большая

заинтересованность своей профессиональной деятельностью, большая потребность в свободном времени и т. п.

Другой существенной причиной сглаживания различий в относительном числе рождений у образованных женщин в семьях разной материальной обеспеченности следует считать низкий уровень рождаемости, при котором большую долю среди родившихся составляют первые рождения. В отношении первых рождений потребность в ребенке весьма интенсивна. Удовлетворению ее отдается предпочтение перед удовлетворением других потребностей, в результате чего частота первых рождений почти не зависит от условий жизни, в которых находятся женщины. А это приводит при низкой рождаемости к сглаживанию ее уровня по социально-экономическим группам.

Полученные результаты исследования зависимости между доходом семьи и числом рождений у женщины должны быть уточнены на основании анализа структуры семейного дохода (доли заработка самой женщины в общем доходе семьи, заработка старших детей и доли других членов семьи).

В процессе дальнейшего изучения влияния материального благосостояния семьи на рождаемость следует также исследовать зависимость между доходом семьи на момент опроса и числом рождений, ожидаемым женщиной после этого момента.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В последнее время демографы, говоря о репродуктивном поведении, все чаще пользуются понятием *репродуктивная установка*, пытаясь с его помощью объяснить все то, что еще непонятно. Такие надежды, возлагаемые на понятие установки, по-видимому, не вполне оправданы, хотя ее дальнейшее теоретическое и экспериментальное изучение и составляет важную часть общего направления изучения репродуктивного поведения.

Далеко не все исследователи, употребляющие термин «установка», вкладывают в это понятие одинаковое содержание. Под «установкой» иногда даже понимается что-то вроде приказа или принуждения со стороны, иногда установка отождествляется с такими социально-психологическими категориями, как потребность, мотив, ценность, интерес и др.

Поэтому, прежде чем говорить об изучении репродуктивной установки, надо определить содержание этого понятия и его место в системе других понятий, связанных с репродуктивным поведением личности. Пока только в нескольких работах сделана попытка дать определение понятия «репродуктивная установка», выделить ее из целого ряда других установок личности и использовать эту социально-психологическую категорию в качестве инструмента демографического анализа¹.

Необходимость в понятии, которое получило название «attitude» в зарубежной литературе и переводится в нашей литературе как «установка», возникла в общей

¹ См., например: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972; Антонов А. Изучение репродуктивных установок как одна из важнейших задач социально-психологического исследования семьи. — В кн.: Динамика изменения положения женщины и семья. М., 1972.

психологин и социологин. Однако общепсихологическое и социологическое содержание понятия «установка» не одинаково. Основное отличие между ними в следующем: главным в общепсихологической интерпретации термина «установка» является выделение *состояния* готовности индивида к определенной деятельности при определенной ситуации, в то время как социально-психологическая трактовка связывает установку прежде всего с *отношением* личности к социальным ценностям.

В качестве примеров общепсихологического и социологического подхода можно привести следующие определения установки. Основатель грузинской психологической школы Д. Н. Узнадзе, который собственно и ввел термин «установка» в нашу литературу для обозначения определенных психологических явлений, пишет: «Мы должны принять, что в случаях наличия какой-нибудь потребности и ситуации ее удовлетворения в субъекте возникает специфическое состояние, которое можно характеризовать как *готовность*, как установку его к совершенно определенной деятельности, направленной на удовлетворение его актуальной потребности»².

В нашу социологическую литературу термин «установка» пришел из общей психологии, поэтому в социально-психологической его трактовке многое заимствовано из психологии. «Социальная установка есть сложившаяся готовность индивида к определенной форме реагирования на социальные объекты: предрасположенность индивида, побуждающая его действовать в отношении этих объектов определенным образом скорее, чем каким-то другим. Это устоявшийся внутренне последовательный «синдром» реакций, определенная линия в реакциях индивида по отношению к тому социальному объекту (объектам), с которым связана установка»³. Основное отличие этих определений, по нашему мнению, в том, что второе определение имеет в виду не отдельные психологические акты, а действующую личность в целом.

В настоящее время существует множество определений установки, множество точек зрения на этот феномен. Говоря о репродуктивной установке, мы будем исходить из того, что «понятие установки не связано с каким-то

² Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки. — В кн.: Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961, с. 170.

³ Комаровский В. С. Некоторые проблемы измерения социальных установок. — «Вопросы философии», 1970, № 7, с. 24.

одним, специфическим актом или же определенной реакцией индивида, но является абстракцией от большого числа связанных между собой актов или реакций»⁴.

Установки каждого человека по необходимости субъективны, индивидуальны и неповторимы, как сама личность. Они детерминированы генетически заданными особенностями индивида и его социальным опытом, как и сама личность. Установки личности по отношению к разным областям жизни тесно взаимосвязаны, они накладываются, переплетаются, их нельзя выделить и изучить в чистом виде. Репродуктивная установка также не существует изолированно, она существует лишь как часть общего комплекса установок личности. Система установок помогает индивиду быстро ориентироваться в возникающей ситуации и выбирать в огромном лабиринте возможных поступков варианты, кажущиеся оптимальными. Так появляется система поступков — линия поведения личности. Таким образом, выбор *способа* поведения, образа действий определяется установками личности.

Но установки формируются и модифицируются под влиянием социального окружения, норм и ценностей той социальной группы, к которой принадлежит или стремится принадлежать индивид. Они обусловлены необходимостью следовать нормам и ожиданиям референтной группы. Однако социальные нормы, связанные с репродуктивным поведением, в каждой конкретной группе не строго его детерминируют, в рамках социальной нормы остается свобода выбора.

Репродуктивная установка — латентная переменная, она обнаруживается в серии реакций на возникшую ситуацию. Зная человека, его ближайшее окружение и социальную группу, к которой он принадлежит, мы можем заранее предсказать, как он будет действовать в различных ситуациях. Репродуктивную установку человека можно понять, а следовательно, вербально описать и отличить одну от другой. Она отвечает на вопрос, *как* человек будет действовать в различных ситуациях. Но установка не отвечает на вопрос, *почему* он вообще действует, проявляет какую-либо активность.

Здесь мы вплотную подходим к основному, фундаментальному понятию потребности. Потребность — движущая

⁴ Грин Б. Ф. Измерение установки. — В кн.: Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966, с. 227.

щая сила всякого поведения. Потребность является динамизирующим фактором поведения и в области репродукции человеческой популяции. Мы останавливаемся здесь очень кратко на понятии «потребность», поскольку это необходимо для определения места установки в системе других категорий и ее роли в процессе детерминации и регуляции репродуктивного поведения.

Поведение личности, в том числе и демографическое, определяется системой потребностей, пути удовлетворения которых складываются в обществе на каждом этапе его развития и обусловлены уровнем развития производительных сил и характером социальных отношений.

Существует много классификаций потребностей личности, очень подробных и кратких, психологических и социологических, имеющих совершенно разные основания. Нередки выражения «потребность в предметах длительного пользования», «потребность в театре и кино», «потребность в детских садах» и т. п. Данью такому подходу является недавно возникшее и уже утвердившееся в демографии понятие «потребность в детях»⁵. Однако такие выражения очень не точны: все перечисленное выше — это не потребности как таковые, а объекты, удовлетворяющие некоторые потребности личности⁶.

Поясним это примером. Нет потребности в театре, а есть потребность в общении, потребность в информации, потребность в эстетическом наслаждении и другие. А театр — лишь объект (один из многих), удовлетворяющий некоторые из этих потребностей. Точно так же нет потребности в детях как таковой; дети — тоже объект, удовлетворяющий потребности человеческой личности, только набор этих потребностей уже совсем другой.

Набор потребностей, которые частично или полностью удовлетворяются детьми, меняется на протяжении истории, меняется и ценность детей разной очередности. В былые эпохи дети удовлетворяли комплекс других потребностей и имели, может быть, другое значение для удовлетворения таких потребностей, как, например, материальное благополучие, престиж, безопасность, власть.

В настоящее время ценность немногих имеющихся де-

⁵ Автор сам недавно прибегал к этому выражению, но сейчас считает его недостаточно четким и допускающим неверные толкования проблемы.

⁶ В толковании этого понятия мы согласны с Л. Е. Дарским. См. его статью «Проблемы изучения факторов рождаемости» в настоящем сборнике.

тей, бесспорно, очень высока. Демографам еще предстоит выявить то место, которое занимают дети в иерархии объектов, способных удовлетворить потребности человека, но и без специальных исследований ясно, что место это очень высоко. Ребенок, уже рожденный, часто становится для родителей ценнее собственной жизни.

Но каков же круг потребностей современного человека, которые удовлетворяют дети? На этот вопрос пока нет исчерпывающего ответа. В порядке предположений можно сказать, что ценность детей в значительной степени связана с потребностью иметь источник постоянной заботы и эмоционального контакта, с потребностью в определенном роде активности и деятельности, с потребностью престижа, поскольку мы живем в обществе, где социальные нормативы не одобряют сознательную бездетность, отождествляя ее с эгоизмом и черствостью.

Возможно, что главное, в чем ценность детей существенно превосходит ценность других, равно доступных объектов, заключается в том, что появляясь в семье как объекты, необходимые для удовлетворения некоторого комплекса потребностей, они субъективно часто рассматриваются как цель и смысл жизни. Огромные душевные затраты на детей при таком взгляде оказываются полностью оправданными и естественными.

Все это очень сложные проблемы, разработка их, по существу, демографами еще не начиналась. А между тем изучение их имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В самом деле, может быть снижение числа детей в семьях обусловлено тем, что ускорение ритма жизни, широкий простор для получения образования, профессии, появление массы новых видов деятельности привело к тому, что многие потребности стали удовлетворяться другими объектами столь же эффективно, но с меньшими затратами.

Понимание репродуктивного поведения как деятельности, направленной на удовлетворение потребностей, приводит к тому, что уровень рождаемости определяется тем комплексом потребностей, который в условиях данной социально-экономической структуры удовлетворяется детьми, а также разнообразием и доступностью других объектов, способных их удовлетворить в рамках существующих норм поведения. Но этот уровень понимания нам не дает возможности объяснить, почему в одних социальных условиях семьи имеют разное число детей.

Здесь надо опуститься на уровень ниже и понять тот факт, что люди и семьи, одинаковые в чем-то общем, различны во многих частностях и что системы ценностей, определяющие приоритет в удовлетворении потребностей и ориентации по отношению к отдельным объектам, их удовлетворяющим, сколь бы общи они не были, все же строго индивидуальны, поэтому установки людей, детерминирующие их выбор способов деятельности, тоже разнообразны. Отсюда то внутреннее разнообразие репродуктивного поведения в социально-однородной среде и та важность понимания детерминантов и факторов формирования репродуктивных установок, которую уже давно интуитивно понимают многие демографы.

Поведение возникает тогда, когда вместе с потребностью имеются условия для ее удовлетворения. Потребность и возможность ее удовлетворения — два необходимых условия проявления активности личности. Поскольку несколько десятилетий все внимание исследователей было обращено на возможность иметь детей и факторы, мешающие людям иметь детей столько, сколько они хотят, сейчас настала пора обратить внимание на другую сторону репродуктивного поведения — дети как объект, удовлетворяющий определенный набор потребностей. Изучение этого аспекта и его социальной и региональной дифференциации требует изучения личности, и при этом не только ее социально-экономических, но и социально-психологических характеристик с точки зрения их определяющего влияния на формирование представлений о детях как объектах, удовлетворяющих потребности, и связь этих представлений с другими, а также изучения среды, формирующей личность.

Опыт изучения репродуктивных установок пока полностью исчерпывается изучением мнений по различным вопросам деторождения. Целый этап прошли демографы, изучая мнения людей об идеальном, желаемом, ожидаемом числе детей и причинах отказа от деторождения.

Как соотносится мнение с понятием «установка»? Установка — латентная переменная. Она обнаруживается в серии поступков в конкретных ситуациях. В соответствии с этим можно считать мнение, высказанное по какому-то вопросу, — поступком в ситуации. Является ли высказанное мнение о числе детей в семье характеристикой репродуктивной установки? Скорее всего, да. Оно

всегда результат нескольких установок личности, связанных с конформизмом, ориентацией на референтную группу, к которой опрашиваемый не принадлежит и т. п. Может быть, именно этим объясняется наблюдавшееся различие мнений об идеальном и ожидаемом числе детей у женщин Средней Азии: многие из них считали идеальным меньшее число детей, чем собирались иметь сами. Можно предположить, что их репродуктивная установка уже изменилась, но действует установка поступать так, как поступают люди из ближайшего окружения.

Репродуктивная установка — не просто объединение серии ответов и поступков личности. Она — глубинная суть отношения, проявляющаяся в них. Поэтому изучить отдельные ее стороны значительно легче, чем понять в целом. И вместе с тем установку нельзя понять, если не изучать все многообразие сторон ее проявления. Поэтому так велики опросники социально-демографических исследований, которые зачастую включают не одну сотню вопросов, и так бедны попытки интерпретации полученных результатов.

В настоящее время выработан определенный круг вопросов, которые, по мнению исследователей, помогают понять отношение населения к деторождению. Это, прежде всего, вопрос об *идеальном числе детей*, которое соответствует абстрактному представлению индивида о числе детей, наилучшим образом удовлетворяющих потребности семьи, вопрос о *желаемом числе детей* — в том числе детей, которое, по представлениям индивида, наилучшим образом удовлетворяет его собственные потребности, вопрос об *ожидаемом числе детей* — индивидуальном оптимуме числа детей в конкретных условиях.

Сведения об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей позволяют не только ориентироваться в сложившейся демографической ситуации, но и дают возможность с большей или меньшей степенью определенности судить о динамике и будущих тенденциях рождаемости.

Идеальное число детей обычно исследователями понимается как то число детей, которое кажется целесообразным иметь в семьях на данной стадии развития общества. Это то число детей, которое отражает социальный норматив, поощряется общественным мнением, кажется наилучшим для семьи вообще, живущей в нор-

мальных условиях. Понятие *идеальное число детей* не включает условий жизни отдельной конкретной семьи, склонностей, особенностей характера, потребностей и системы ценностей ее членов. Вместе с тем нельзя, конечно, утверждать, что эта категория вообще исключает влияние социально-экономических и социокультурных условий жизни человека. Эти условия формируют прежде всего самого человека, особенности его мышления и восприятия, поэтому они накладывают свой отпечаток и на представления об идеальном числе детей для семей нашего общества. Примером того, насколько разнообразны представления об идеальном числе детей в семье в двух разных этнодемографических группах, каждая из которых внутренне относительно однородна, могут служить данные обследования мнений 1969 г.

Таблица 1

	Доля женщин, назвавших идеальным число детей, %					Среднее идеальное число детей
	0	1	2	3	4 и более	
Национальности с низким уровнем рождаемости	0,4	1,6	44,7	41,2	12,1	2,68
Национальности с высоким уровнем рождаемости	0,1	0,2	6,1	13,9	79,7	6,05

В приведенном примере налицо не только принципиальное различие между двумя группами, но и поразительное единодушие внутри этих групп: в обеих группах национальностей более 80% ответивших считают идеальной либо семью с 2—3 детьми, либо семью большую, с четырьмя детьми и более. Впрочем, именно поэтому названные идеалы и можно считать общепринятыми, поскольку они принимаются большинством опрошенных.

Репродуктивная установка складывается в период формирования личности, в период ее социализации, когда, с одной стороны, для личности открывается широкий доступ к общепризнанным ценностям, но с другой — влияние среды определяет критерии отбора этих ценностей, в итоге формируется собственная система ценностей личности. Система ценностей подрастающего поко-

ления в современном обществе отличается от системы ценностей прошлых поколений, происходит непрерывный процесс формирования новых традиций и обычаев и отмирания старых.

Важное значение в понимании репродуктивной установки имеет желаемое число детей, то число детей, которое отражает личные склонности и предпочтения, но не учитывает конкретных обстоятельств жизни. Это тот уровень, когда еще нет выбора, желание иметь детей существует вне связи с возможностями.

Самое широкое распространение получил вопрос об ожидаемом числе детей. Он включается в большинство обследований мнений, проводимых в нашей стране, в том числе и в обследования НИИ ЦСУ СССР, отличающиеся самым широким охватом населения страны. Популярность этого показателя не случайна, он дает возможность получить представление о будущих тенденциях рождаемости, поскольку аккумулируют массу конкретных прогнозов развития семей.

Ответы на вопросы об идеальном, желаемом, ожидаемом числе детей дают очень ценную информацию, однако они не могут объяснить, почему в разных социальных группах доминируют разные установки.

Формирование систем ценностей, установок, выбор мотивов поведения в условиях единого общественного строя происходит в разных условиях жизни отдельных конкретных людей, в разной среде, которая влияет на формирование личности. Можно выделить микросреду — это тот узкий круг общения, который замыкается на уровне семьи, родственных и дружеских связей, и макросреду, включающую и участие в формальных и неформальных группах, и коллектив товарищей по работе, и социокультурную среду места проживания (село, малый город, крупный город и т. п.). Но не только эти факторы определяют поведение человека. Оно обусловлено и индивидуальными особенностями личности, как генетически заданными, так и приобретенными в процессе социализации: способностями, склонностями, интеллектом, здоровьем, темпераментом и т. п.

Попытки, которые сделаны в направлении изучения среды, формирующей репродуктивную установку, относятся, по существу, только к изучению микросреды. Эти исследования включают семейные отношения, а также уровень образования мужа и жены, доход и жилищные

условия семьи, место жительства в разные периоды социализации. Новым следует считать то, что все большее внимание обращается на взаимоотношения в семье, в которой формируется личность. В ранний период формирования личности роль отца и матери в семье, образ жизни семьи, который базируется не только на семейных ценностях и традициях, но и образе жизни ближайшего окружения, оказывают огромное влияние на установки личности.

Одним из подходов к изучению среды, формирующей репродуктивные установки, можно считать изучение влияния некоторых социально-экономических факторов, набор которых стал в известной степени традиционным: образование, доход, профессия и др. Эти и подобные им характеристики не случайны в жизни человека в нашем обществе, они соответствуют социальным устремлениям личности, основы их закладываются в процессе социализации, когда формируются многочисленные установки личности, которые, переплетаясь, потом влияют на поведение личности во всех сферах жизни.

Другим примером изучения среды, формирующей репродуктивную установку, можно считать попытки изучения степени гармоничности репродуктивных установок супругов в семьях и влияния их несовпадения на репродуктивное поведение супругов. Иллюстрацией последнего могут служить различия в ожидаемом числе детей в семьях, где оба супруга имеют высокий уровень образования, оба — низкий или разные уровни. И в национальностях с низким уровнем рождаемости, и в национальностях с высоким уровнем рождаемости, если у мужа и жены высокий уровень образования, показатели самые низкие, если низкий уровень образования — показатели самые высокие. Наибольший интерес с точки зрения изучения влияния микросреды представляют семьи, где супруги имеют разный уровень образования (см. табл. 2).

На основании приведенных данных можно высказать гипотезу, что в регионах с высоким уровнем рождаемости более консервативны в своем поведении мужчины, которые придерживаются дольше старых традиций и обычаев. Женщины же вместе с получением высокого уровня образования гораздо быстрее приобщаются и к существующим в других социальных группах образцам репродуктивного поведения.

Среднее ожидаемое число детей

Образование жены	Национальности с низким уровнем рождаемости		Национальности с высоким уровнем рождаемости	
	образование мужа			
	среднее и выше	ниже среднего	среднее и выше	ниже среднего
Среднее и выше	1,89	2,06	4,76	5,34
Ниже среднего	2,15	2,41	6,73	7,03

Национальная дифференциация репродуктивного поведения изучена довольно основательно. В нашей стране существует два типа репродуктивного поведения, которые отличаются очень сильно: число детей в семьях, например, узбеков или таджиков более чем в два раза превышает число детей в семьях русских. Этот факт установлен давно, но знания его мало как для понимания демографических процессов, так и для выработки демографической политики. На многие вопросы старая испытанная методика углубленных демографических исследований не может ответить, она исчерпала себя. Чем вызвана такая устойчивая склонность к большой семье? Является ли она данью старым традициям и обычаям или свидетельствует о наличии устойчивых репродуктивных установок на многодетность, или то и другое? Позиция по этим вопросам имеет решающее значение для определения тенденций развития населения. Детальное изучение материалов обследований мнений позволяет выдвинуть гипотезу о том, что те национальности, которые ориентированы сейчас на многодетность, характеризуются неоднородностью установок. Такое предположение возможно только на базе исследования мнений. Скрупулезный анализ не только средних показателей, но и распределений позволяет утверждать, что такие социальные процессы, как урбанизация, повышение уровня образования и вместе с тем культурного уровня населения, проникновение в самые отдаленные сельские районы средств массовой информации (кино, радио, телевидения, печати), формируют новые представления о мире, новые обычаи, новые системы ценностей, увеличивают разнообразие объектов, способных удовлетворять потребности индивида. Наряду с сохранением тра-

дий неограниченного деторождения, которое является отголоском прошлого, четко просматриваются сформировавшиеся новые стереотипы репродуктивного поведения, которые характерны пока для женщин с более высоким уровнем образования.

Таблица 3

Мнения женщин об идеальном числе детей в семье
в зависимости от уровня образования
(национальности с высоким уровнем рождаемости)

Образование женщины	Доля женщин, назвавших идеальным число детей, %		
	0—2	3—4	5 и более
Высшее и незаконченное высшее	7,5	62,4	30,1
Среднее общее и специальное	11,7	44,2	44,1
Неполное среднее	6,6	33,6	59,8
Начальное и ниже	2,9	26,4	70,7

Приведенные данные позволяют предположить, что в зонах с высоким уровнем рождаемости формируется новый идеал семьи. Концентрация ответов женщин с высшим образованием на 3—4 детей может быть вызвана тем, что на смену нерегулируемой рождаемости приходят новые предпочтения. Возможно, что формируется новый предпочтительный тип семьи, который отличается от типа семьи, существующего среди национальностей с низким уровнем рождаемости. Высказанное соображение не более чем предположение, но на этом примере видно, что даже первые шаги в изучении элементов и сторон репродуктивной установки и в исследовании окружающей среды дают возможность исследователям формулировать гипотезы и ориентироваться в сложившейся ситуации.

Выбор примеров в этой статье ограничивается теми, которые позволяют показать, какую дополнительную информацию получили демографы, изучая мнения людей по вопросам деторождения⁷.

Изучение мнений населения о числе детей в семье было первым шагом на пути познания репродуктивных установок. Оно началось не так давно, но имеет уже

⁷ Все цифровые данные, использованные в этой статье, взяты из исследования мнений о наилучшем и ожидаемом числе детей, проведенном НИИ ЦСУ СССР в 1969 г. Подробнее см.: Белова В. А. Число детей в семье. М., 1975.

свою историю. На этом пути было много проб и ошибок, получены некоторые положительные результаты, но нерешенных проблем еще немало. Остается нерешенным основной вопрос изучения репродуктивных установок: как, какими методами добиться адекватного их отражения в вербальной форме.

Исследование формирования репродуктивных установок остается, по существу, нетронутой целиной. Необходимо детальное изучение субъективных и объективных факторов формирования репродуктивной установки личности, взаимодействия репродуктивной установки с другими установками личности. Иначе нельзя понять, почему при общем устойчивом уровне рождаемости в условиях, когда деторождение регулируется, одни семьи имеют одного, а другие троих детей, не отличаясь при этом никакими стандартными характеристиками. Первой вехой на этом пути может быть исследование взаимоотношений в семье, систем ценностей супругов, предпочтительного образа жизни супругов, особенностей процесса социализации и многого другого, что на данном этапе наших знаний трудно предсказать.

Окружающая среда... В ней много связано с традициями и обычаями, со сложившимися стереотипами поведения. В то время как материальный быт людей меняется очень быстро, изменение психологии происходит значительно медленнее. Поэтому дальнейшее изучение репродуктивного поведения должно идти по пути анализа не только микро-, но и макросреды существования. Для понимания репродуктивного поведения необходима теоретическая разработка проблемы детерминации уровня рождаемости на микро- и макроуровне.

Дальнейшее исследование таких вопросов, как: почему в одних этнических группах демографический переход уже закончен, а в других нет; почему в одних группах сглаживается внутренняя дифференциация рождаемости, в других нет; закономерно ли сближение репродуктивного поведения или, напротив, существуют и будут существовать разные его типы, — неразрывно связано с исследованием роли детей в семье как объектов, удовлетворяющих потребности людей, проблемы конкуренции детей с другими объектами, способными удовлетворять те же потребности.

Все перечисленные и, по-видимому, многие другие проблемы ожидают своих исследователей и решений.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ В СССР И ЕЕ СУЩНОСТЬ

К настоящему времени население Советского Союза вступило в новый этап демографического развития. Общий ход социально-экономического развития нашей страны после Великой Октябрьской социалистической революции, сопровождающийся такими фундаментальными изменениями в социальных условиях существования всех народов нашей страны, как рост урбанизации и распространение городского образа жизни, повышение образовательного и культурного уровня населения, рост занятости женщин в общественном производстве, повышение роли женщины в общественной и производственной сферах, рост социальной мобильности населения, а также усиление интенсивности пространственных миграций населения и ряд других, определил и соответствующее направление развития демографических процессов.

На значительной территории СССР, охватывающей большую часть населения, к настоящему времени осуществился исторически обусловленный закономерностями развития демографических процессов переход к новому типу воспроизводства населения, базирующемуся на устойчиво низком уровне смертности и регулируемой рождаемости. Однако если уровень смертности, бывший еще несколько десятилетий тому назад одним из самых высоких в мире, стал одним из самых низких, не проявляя при этом сколько-либо значительной дифференциации по территориям и среди отдельных социальных групп населения, то картина в отношении изменений за тот же период рождаемости не столь же однородна. Быстрые темпы снижения рождаемости и установление ее к настоящему времени на низком уровне (с 7—8 рождений на семью до 2—3 рождений) отмечаются в ряде республик Советского Союза — РСФСР, Белоруссии, Грузии, Ук-

раине, республиках Прибалтики. На довольно высоком уровне рождаемость продолжает оставаться в республиках Средней Азии, Казахстане, Азербайджане, некоторых автономиях Российской Федерации.

Сохранение территориальной дифференциации рождаемости и даже наблюдающееся в последнее время ее усиление, происходящее на фоне все большего выравнивания экономического и культурного развития отдельных регионов нашей страны, делает актуальной задачу углубленного изучения причин этой дифференциации.

Демографические исследования последних лет показали, что наряду с территориальной дифференциацией рождаемости в нашей стране существует еще более резкая дифференциация этническая, ставшая в последние десятилетия одной из характерных черт демографической ситуации.

Чтобы понять сущность этнической дифференциации рождаемости, необходимо обратиться к понятию этнической общности.

В процессе своей деятельности люди образуют множество различных типов общностей по самым различным объединяющим их признакам. Одной из разновидностей таких социальных групп является этническая общность. Этническая общность (в широком смысле) — «исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований»¹.

Таким образом, этническая общность характеризуется прежде всего определенной культурной целостностью²; общие для отдельных групп людей устойчивые особенности культуры относятся к специфически этническим свойствам групп людей, объединяя членов одной и той же этнической общности и отличия одну этническую общность от другой.

Культурные различия в разных общностях, в том

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 37.

² Что касается общности психики (психического склада) как одного из определителей этнической общности, то по поводу реальности существования этой категории среди этнографов ведутся споры, единство в этом вопросе еще не достигнуто. См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография; Козлов В. И., Шелепов Г. В. Национальный характер и проблемы его исследования. — «Советская этнография», 1973, № 2; Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966 и др.

числе и этнических, возникли и укрепились на определенной стадии развития человеческого общества, когда в сознании людей возникла потребность в противопоставлении своей общности другой. Стремление отличать себя от других и других от себя явилось тем объединительным моментом, который способствовал формированию самосознания общности и росту ее сплоченности и единства³.

В данном случае категория «культура» понимается в широком смысле слова, а именно как «все материальные продукты человеческой деятельности, ценности и признанные способы поведения, объективированные и принятые в достаточно широких совокупностях, передаваемые другим совокупностям и последующим поколениям»⁴.

При широком понимании категория «культура» характеризуется огромным числом компонентов, охватывающих все сферы жизни той или иной общности.

Можно предположить, что этническая дифференциация рождаемости на данном этапе исторического развития нашей страны есть результат действия (совместного или раздельного) специфических черт культуры, присущих членам той или иной этнической общности и отличающих данную этническую общность от других.

Однако не все элементы культуры принимают одинаковое участие в формировании репродуктивной установки, далеко не все из них определяют то или иное демографическое поведение как отдельных личностей, так и целой этнической общности. Так, среди элементов культуры, не оказывающих существенного непосредственного воздействия на демографические процессы, можно назвать в качестве примера язык, выдвигаемый обычно на одно из первых мест среди основных этнических определителей, некоторые элементы материальной и духовной культуры этнической общности (национальная одежда, народное творчество, изобразительное искусство и др.). Язык, являясь основным средством общения людей во всех сферах их жизнедеятельности, главным средством передачи этнокультурной информации, играет важнейшую роль в воспроизводстве этноса и прису-

³ См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография и др.

⁴ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967, с. 49.

шей ему культурной специфики во всех сферах жизни этнической общности, в том числе и в сфере семейно-бытовой; отдельные же элементы материальной и духовной культуры создают определенный психологический фон, психологический настрой, который обуславливает поведение отдельных людей как представителей конкретной этнической общности, и тем самым способствуют длительному сохранению сформировавшихся в прошлом традиций, установок.

В то же время среди элементов культуры, оказывающих большое влияние на рождаемость, надо выделить те из них, которые относятся к сфере быта, и в первую очередь к области брачно-семейных отношений. Именно в этой сфере человеческого бытия действуют факторы, оказывающие прямое воздействие на рождаемость, такие, как охват брачностью населения, и особенно женского, продолжительность и прочность браков, внутрисемейное регулирование деторождения. Эти факторы определяются в значительной мере сложившимися общественными установками и взглядами на брачность и безбрачие, на возраст вступления в брак, на разводы и повторные браки, местом детей в системе социальных ценностей семьи, отношением к применению предохранительных средств, к искусственному прерыванию беременности, нормами взаимоотношений в семье и особенно положением женщины и взглядами на ее роль и место в семье и обществе. Являясь продуктом определенных социально-экономических условий существования каждой конкретной этнической общности, специфические черты именно этих элементов бытовой культуры, в свою очередь, оказывают влияние на те факторы, которые определяют интенсивность деторождения в семьях и находят свое непосредственное выражение в брачной структуре населения, распределении по возрасту вступления в брак, частоте деторождения в семьях, интервалах между рождениями детей и т. д.

На разных этапах развития общества ценность брака, семьи, детей не оставалась неизменной, находясь под определяющим влиянием социально-экономических условий жизни людей, а следовательно, происходила трансформация взглядов и установок в сфере семейно-бытовых отношений, определившая изменения в демографическом поведении членов различных этнических общностей.

Таким образом, можно полагать, что исторически сложившиеся особенности бытовой культуры разных этнических общностей обуславливают этническую дифференциацию рождаемости, сказываясь на различиях не только в конечном числе детей в семье у отдельных народов, но и в характере действия разных демографических факторов рождаемости.

Особое место среди элементов культуры, оказывающих влияние на демографические процессы, занимает религия. Возникнув на определенных стадиях развития общества как продукт общественного бытия, религия, в свою очередь, так или иначе затрагивала все стороны жизни общества, оказывая существенное влияние на формирование как индивидуального, так и общественного сознания. В семейно-бытовой сфере жизни людей религия играла очень активную роль, воздействуя через свои догмы на все функции семьи, в том числе и на такие важные с демографической точки зрения, как репродуктивная и воспитательная. С одной стороны, явления общественной жизни (в том числе и в семейно-бытовой сфере), порожденные социально-экономическими условиями развития общества, нашли отражение в догмах и предписаниях религии, с другой — многие из религиозных правил вошли в быт населения, превратились в неотъемлемую его часть и стали восприниматься населением как национальные (этнические) традиции и обычаи, которые иногда сохраняются даже тогда, когда уже исчезли породившие их социально-экономические условия⁵.

Устойчивость традиционных взглядов и установок разных этнических общностей, обуславливающая в значительной степени консервативность их демографического поведения в отношении брачности и рождаемости, способствует тому, что социально-психологические и социально-культурные факторы, оказывающие как непосредственное, так и опосредованное влияние на демографические процессы, могут продолжать активно воз-

⁵ Рассмотрению вопроса о влиянии религии на демографические процессы в нашей стране посвящен целый ряд работ. См., например: *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969; *его же* — О влиянии религиозного фактора на плодovitость. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968; *Анисимов С.* Ценности реальные и мнимые. М., 1970; *Вагабов М. В.* Ислам и женщина. М., 1968; *Dudley Kirk.* Factors affecting Moslem natality. World Population Conference, 1965.

действовать на формирование уровня рождаемости в течение длительного времени в новых условиях социально-экономического развития общества.

Как следует из вышеизложенного, под этническими факторами дифференциации рождаемости подразумевается целый ряд тесно взаимосвязанных и взаимодействующих между собой конкретных явлений жизни определенным образом обособленной совокупности людей. Анализ этих явлений показывает, что ни одно из них нельзя рассматривать как раз навсегда данное, неизменно присущее какой-либо общности людей. Все эти явления обусловлены исторически.

Исходя из социальной природы этнической общности, при исследовании этнической дифференциации демографических процессов, и в частности рождаемости, мы тем самым полностью исключаем гипотезу о чисто биологической обусловленности различий в плодovitости женщин разных национальностей. Эта гипотеза, базирующаяся обычно на посылках этнической, расовой обусловленности различий в возрасте наступления половой зрелости и затухания половой активности, довольно легко и убедительно опровергается многочисленными исследованиями, проведенными в различных частях земного шара, среди разных народов. Почти все обследования констатируют четкую обусловленность физиологической плодovitости социально-экономическими условиями жизни тех или иных групп населения⁶. Кстати сказать, анализ соответствующих материалов показал, что этнический аспект физиологических факторов естественного воспроизводства населения вообще выражен весьма слабо⁷.

Социальная природа этнических общностей, историческая обусловленность развития общества, в том числе и его демографического развития, требуют конкретно-исторического подхода к изучению и объяснению совре-

⁶ См.: *Арешев Г. Я.* О половой зрелости армянок. — «Журнал акушерства и женских болезней», 1935, кн. I; *Гинзбург В. В.* Материалы по половому созреванию и половой жизни горной таджички. — «Антропологический журнал», 1936, № 3; *Гримм Г.* Основы конституциональной биологии и антропометрии. М., 1967; *Данилкович Н. М.* Сравнительные данные по половому созреванию киргизских и русских девочек. — «Вопросы антропологии», 1969, вып. 2; *Сифман Р. И.* Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966 и др.

⁷ *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 110—111.

менной этнической дифференциации рождаемости в нашей стране.

Формирование многонационального русского государства осуществлялось на протяжении нескольких столетий. Капитализм характеризуется неравномерностью политического, экономического и культурного развития отдельных территорий, а также населяющих их народов. Так, если в России, в ее центральных районах, бурное развитие капитализма началось уже с середины XIX в., охватив в основном территории с преимущественно русским населением, то в ряде национальных районов продолжал господствовать феодализм. Феодальные отношения поддерживались искусственно русским самодержавием в целях эксплуатации и угнетения этих территорий и населяющего их коренного населения. Экономическая отсталость, социальный и национальный гнет, неграмотность, отсутствие у многих народов письменности, темнота и невежество, пережитки патриархально-родового строя, вторжение во все сферы народной жизни мусульманского духовенства определяли положение населения национальных окраин царской России. Гораздо более сильный, чем в соседних государствах, национальный гнет, которому подвергались составлявшие более половины всего населения России «инородцы», В. И. Ленин отмечал среди особенностей великорусского многонационального государства⁸.

Присоединение земель с инонациональным населением и установление в них русской администрации сопровождалось постепенно усиливавшимся притоком туда русского земледельческого населения.

Развитие капиталистических отношений в России усилило подвижность населения, в переселенческое движение были вовлечены самые различные народы и сословия России: на окраинах страны, в том числе в Средней Азии, сложился довольно пестрый национальный состав населения.

Средняя Азия продолжала оставаться окраиной России во всех отношениях вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции. На ее территории в тесном соседстве жили народы с совершенно различными культурами, приверженцы разных религий. Религия была очень серьезным фактором, вообще сдер-

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 271.

живающим сближение разных народов, в частности коренного и пришлого населения Средней Азии.

Экономическая и культурная отсталость национальностей окраинных территорий, политическое и экономическое их угнетение привели к тому, что коренные народы национальных окраин и народы центральной России (в первую очередь русские) противостояли друг другу не только как представители различных этнических общностей, разных культур, но и как народы, находящиеся на разных ступенях социально-экономического развития. Границы различных уровней социально-экономического развития территорий совпали с границами этническими, религиозными. Специфические черты народов, отставших в своем развитии, и в частности их особенности в семейно-бытовой сфере, оказывающие влияние на процессы естественного воспроизводства населения, стали еще тогда восприниматься не только русскими, но и самими этими народами как национальные, этнические особенности, которые следует воспроизводить наряду с другими элементами национальной культуры в следующих поколениях.

Исторические пути, которые прошли в своем социально-экономическом развитии народы нашей страны, определили и различия в уровне социального и демографического развития, с которым они пришли к моменту победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Советское общество шло по пути всестороннего развития всех равноправных народов, объединившихся в добровольный Союз Советских Социалистических Республик. Однако постепенное выравнивание экономического и культурного уровня развития всех территорий и всех населяющих их народов не сопровождалось аналогичной тенденцией развития демографических процессов. За годы Советской власти, вплоть до последних лет, в нашей стране отмечалось увеличение различий в рождаемости у отдельных народов, выделились два резко различающихся по уровню и характеру эволюции типа рождаемости.

Высокий уровень рождаемости нельзя рассматривать как имманентное свойство той или иной этнической общности. Если, исходя из сохранения в течение длительного времени высокой рождаемости у каких-либо народов, возводить ее в ранг этнических особенностей, то точ-

но так же к этническим особенностям можно отнести и сохраняющуюся на низком уровне рождаемость народов Прибалтики, а в недалеком будущем низкий уровень рождаемости может превратиться в «этническую» особенность русоких, украинцев и многих других народов. Высокая рождаемость, сохраняющаяся у некоторых народов на фоне общей тенденции ее снижения, — особенность преходящая и является ею лишь постольку, поскольку на данном этапе демографического развития СССР по этому признаку выделяются некоторые этнические общности или их группы из большого числа этнических общностей с иными демографическими характеристиками.

Факторы высокой рождаемости, среди которых наиболее важными признаются обычно такие, как распространенность больших патриархальных семей, высокая ценность брака, традиции раннего замужества, ограничение деятельности женщины главным образом сферой семейной жизни, следование традициям прошлых поколений, в частности традиции многодетности, и ряд других, сохраняющиеся в той или иной мере лишь у некоторых народов, приобрели характер этнических особенностей. Однако эти факторы, как и многие элементы культуры, на определенных этапах социально-экономического развития были присущи всем народам, и, следовательно, их нельзя считать отличительной чертой, свойственной лишь тому или иному народу. Каждый из этих факторов в значительной степени — элемент определенной стадии социально-экономического развития общества, хотя, конечно, реально существующие специфические этнические черты культуры той или иной этнической общности вносят некоторое своеобразие в их проявление в каждом конкретном случае.

Низкая рождаемость, характерная сейчас для многих народов нашей страны, например для русских, — явление относительно новое. Еще в прошлом столетии русское население испытывало влияние большинства перечисленных выше факторов высокой рождаемости.

С господством больших патриархальных семей, с характерной для них организацией семейного быта и характером взаимоотношений в семье была тесно связана высокая рождаемость среди русского населения дореформенной России. Существование больших неразделенных семей — объективная необходимость определенного

уровня развития производительных сил общества. Начавшееся с середины XIX в. в ряде районов России бурное развитие капитализма привело к распаду больших семей, на смену им пришли малые семьи, преобладавшие сначала в рабочей среде, численно все увеличивавшейся, но постепенно распространявшиеся и среди крестьянства.

Еще одно социальное явление, действие которого не испытали на себе народы Средней Азии, значительно подорвало господство больших семей, а вместе с ним и патриархальные устои крестьянской семьи у русского населения. Это вызванное интенсивным развитием капиталистических отношений распространение отхожих промыслов. Отхожие промыслы — один из основных каналов, по которым шло разрушающее феодальный уклад влияние капитализма в России в XIX в. В. И. Ленин так определял значение этого явления для социального развития русского населения вставшей на путь капиталистического развития России: «...неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»⁹. «Отход в города, — продолжает далее В. И. Ленин, — ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной»¹⁰.

Развитие капиталистических отношений подорвало и традиции многодетности в среде русского населения.

Подобные явления экономической жизни не затронули Средней Азии, коренное население которой не было ввергнуто в круговорот капиталистических отношений в той же мере, а следовательно, не были подорваны основы патриархального быта, старые традиции, в том числе и традиции ранних браков, многодетности, господство патриархальных семейно-бытовых отношений.

Политика молодого Советского государства в национальном вопросе после победы Великой Октябрьской социалистической революции была направлена на всестороннее развитие всех национальностей, особенно угнетавшихся, а порой и обреченных на вымирание народов,

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 576—577.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 578.

на бережное отношение к национальным культурам и национальной самобытности. Естественно, что среди действительно национальных традиций, которые надо было сохранять и воспроизводить, продолжали существовать и консервативные традиции, не соответствовавшие духу времени и новым социально-экономическим условиям привычки.

В настоящее время нельзя не отметить тех колоссальных перемен, которые произошли в области культурного развития мусульманских в прошлом народов. Тем не менее довольно значительная часть населения коренных национальностей республик Средней Азии еще придерживается традиций и обычаев предков, хотя новые условия жизни социалистического общества создают благоприятную почву для прогресса в этом отношении. «Сила привычки — страшная сила, Вера в то, что деды наши знали жизнь лучше нас, была источником и причиной всех бытовых предрассудков и пережитков старины»¹¹.

Сохранению в новых условиях старых традиций, норм семейной жизни, привычек способствовало также и ошибочное восприятие их как народных традиций.

Например, стремление к многодетности, возникшее много веков назад, по-видимому, как необходимая реакция на высокую детскую смертность и требования экономики, свойственное почти всем народам на определенных стадиях их социально-экономического развития, сохраняется в настоящее время в нашей стране лишь у некоторых народов, главным образом у исповедовавших в прошлом ислам¹². Социально-экономические корни многодетности исчезли с победой социалистического строя, однако стремление к многодетности продолжает существовать, трансформировавшись в сознании людей в национальную традицию: «у нас так принято», «у туркмен мало не бывает (детей)» и т. д., — тем более что именно в условиях низкой детской смертности и роста благосостояния населения многодетность, раньше скорее жела-

¹¹ Горький А. М. Собр. соч., т. 26, с. 202.

¹² Так, Коран предписывает мусульманам вступать в брак и давать потомство («Сочетайтесь браком и плодитесь») и явно неодобрительно относится к тем, кто не следует этому предписанию («Худшие из мертвых суть те, которые умерли холостыми» или «Выдавайте в брак безбрачных среди вас»). — См.: Вагабов М. Ц. Ислам и женщина. М., 1968, с. 38.

емое, чем реально существовавшее явление, получила возможность для осуществления.

Сохранению традиции многодетности среди народов Средней Азии способствуют также и сложившиеся на протяжении веков под сильным влиянием положений мусульманской религии очень устойчивые традиции во взглядах на роль и назначение женщины: заботность и темнота женщин-мусульманок, замкнутый образ жизни, который предписывала им религия, способствовали закреплению господства мужчины над женщиной.

Вообще социальное неравенство полов, зависимость женщины от мужчины, возникшие на определенном этапе развития общества, были закреплены всеми мировыми религиями и неизбежно сменяются равноправием при исчезновении породивших это неравенство социально-экономических условий. Социально-экономическое равенство создает все условия для освобождения женщин, признания их равноправными членами общества, для ухода в предание традиций, мешающих этому. Однако этот процесс — не моментальный. Перестройка сознания, в котором закреплены те или иные установки и этические нормы, отстает во времени от социально-экономических преобразований. Усугубляется это и тем, что подчас такого рода «национальные» традиции живут в умах не только мужчин, но и всячески поддерживаются самими женщинами, среди которых религиозные пережитки более живучи.

В опровержение «национального» характера этого живучего отголоска прошлого достаточно сказать, что предписание ислама о затворничестве женщин, одного из специфических социальных и нравственных его предписаний, оказавших отрицательное влияние на положение женщины в обществе и в семье, наиболее благоприятную почву для процветания нашло сначала в среде феодальной верхушки, а затем было принято и остальным населением Средней Азии и Азербайджана, причем населением долин, занимавшимся земледелием, с развитыми феодальными отношениями. Среди кочевых и горских племен этих народов, стоявших на более низких ступенях социально-экономического развития, с господством патриархально-родовых отношений, многие предписания ислама, в том числе и предписание затворничества женщин, в то время еще не получили развития. Среди

них прослеживались народные традиции и обычаи уважения к женщине.

Как известно, возраст вступления в брак — социальная категория, также вытекающая из конкретных социально-экономических условий существования той или иной социальной общности.

Под влиянием изменившихся коренным образом социально-экономических условий жизни в советский период постепенно уходит в прошлое еще совсем недавно безраздельно господствовавшая среди народов Средней Азии традиция ранних браков, в условиях низкой смертности и слабого распространения регулирования деторождения являющаяся одним из существенных факторов сохранения у них высокой рождаемости. Об этом говорит хотя еще и довольно высокая, но постоянно снижающаяся доля женщин этих национальностей, состоящих в браке в самых молодых возрастах.

Сильное воздействие на сохранение семейно-бытовых и религиозных традиций у коренных народов Средней Азии, поддерживающих рождаемость на высоком уровне, оказывает общественное мнение, социальная среда с ее социально-психологическими, социально-культурными особенностями, в которой протекает повседневная жизнь как отдельных индивидов, так и групп людей, в частности и таких, как супружеские пары или семьи.

Устойчивость влияния мнения непосредственного окружения зависит от социально-экономических условий существования людей, их социального статуса, культурного уровня, уровня их образованности. Особенно сильно влияние общественного мнения, мнения соседей или родственников в сельской местности. Преимущественное расселение коренных народов Среднеазиатских республик в сельской местности, слабая их мобильность — один из факторов, тормозящих изживание старых традиций в быту этих народов.

В свою очередь именно исторически сложившийся уклад жизни в сельской местности, устойчивость традиций в быту называются в ряду основных факторов, сдерживающих перемещение сельского населения коренных национальностей в города¹³.

¹³ *Караханов М. К.* Некоторые закономерности и особенности демографических процессов в республиках Средней Азии. — В кн.: Районные особенности воспроизводства населения в СССР. Чебоксары, 1972, с. 182.

В настоящее время сохранению старых, не отвечающих современным условиям жизни традиций, сдерживающих развитие прогрессивных явлений в жизни общества, противостоят и способствуют постепенному их исчезновению из жизни народов советской Средней Азии такие социальные явления, как повышение уровня образования населения, распространение процесса урбанизации (в современном понимании существа этого процесса), развитие средств массовой коммуникации и т. д., одним словом, все те социальные явления, которые вообще способствуют повышению социальной и пространственной мобильности населения.

Дальнейшее социально-экономическое развитие нашего общества — рост культурного и образовательного уровня населения, расширение процессов урбанизации, вовлечение женщин в общественное производство, повышение социальной мобильности населения, а также его пространственной подвижности и т. д. — постепенно разрушает весь комплекс факторов, обуславливающих в настоящее время высокий уровень рождаемости среди некоторых народов. Постепенно происходит ослабление влияния традиционной психологии в семейно-бытовой сфере жизни людей, разрушение авторитета непосредственного соседского окружения, повышение подвижности населения, демократизация семейной жизни, интернационализация многих элементов быта и культуры, в том числе и в сфере семейных отношений, изменение отношений к мерам ограничения деторождения, постепенный рост понимания различий между подлинно национальными традициями, которые следует передавать из поколения в поколение, и традициями консервативными (феодално-байское отношение к женщине, непререкаемый авторитет стариков — главных носителей традиций и др.). Наглядным примером в этом отношении могут служить татары, для которых раннее замужество женщин и многодетность уже не считаются национальной традицией и которые в своем репродуктивном поведении уже приблизились вплотную к народам с низким уровнем рождаемости¹⁴. Начался процесс снижения рождаемости у азербайджанцев, еще в начале 60-х годов ничем не выделявшихся среди группы национальностей с «традиционно» высоким уровнем рождаемости.

¹⁴ См.: Социальное и национальное. М., 1973, с. 140—186.

Таким образом, этнические особенности рождаемости следует рассматривать как особенности, имеющие сугубо социальную природу, присущие определенному уровню развития культуры тех или иных этнических общностей. Традиции и установки, под влиянием которых складывается тот или иной уровень рождаемости, видоизменяясь от одной этнической общности к другой, имея некоторые своеобразные оттенки, различаются при этом весьма незначительно по существу, так как обусловлены требованиями экономики. Этнические особенности рождаемости сохраняются до поры до времени, и этническими их, следовательно, можно называть весьма условно.

При определении будущих тенденций рождаемости следует исходить из предположения о постепенном сближении различных этнических общностей в их демографическом, в том числе и репродуктивном поведении.

ИЗУЧЕНИЕ БРАЧНОСТИ ПОКОЛЕНИЙ ЖЕНЩИН ИЗ СЕМЕЙ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В СССР

Обширный статистический материал, полученный после проведения единовременного выборочного обследования доходов и жилищных условий семей рабочих и служащих, осуществленного ЦСУ СССР в 1967 г., позволил, наряду с изучением вопросов рождаемости, начать более детальные исследования процесса брачности советских женщин за разные периоды времени. Ответы на такие вопросы опросного листа, как возраст женщин в момент обследования и дата вступления в брак, были использованы для построения полных чистых таблиц брачности для женщин по республикам и регионам СССР.

Советская демографическая литература содержит весьма ограниченное число работ с таблицами брачности, построенными за разные периоды времени. Известны комбинированная и чистая таблицы брачности для женщин Украинской ССР за 1925—1928 гг., построенные Ю. А. Корчаком-Чепурковским¹, исследование брачности украинских женщин за 1926—1927 гг. П. И. Пустохода и М. Н. Трацевского², комбинированная и чистая таблица брачности для женщин СССР за 1949—1959 гг. Л. Е. Дарского³. Все эти таблицы построены для гипотетического поколения, а обследование 1967 г. дало возможность получить таблицы брачности для реальных поколений женщин СССР. Целью этих таблиц является изучение характеристик брачности у разных поколений советских женщин, особенно исследование режима брачности, сложившегося в нашей стране за последние годы.

Построение таблиц включало 2 этапа: распределение численности женщин по возрасту вступления в брак, осу-

¹ Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. М., 1970.

² «Шлюбність на Україні». Демографічний збірник. Київ, 1930.

³ Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972.

шественное по программе для ЭВМ «Минск-22», и расчет на его основе показателей таблиц на малых вычислительных машинах.

В разработку вошли женщины, возраст которых на момент обследования был не моложе 20 и не старше 54 лет. Из этой совокупности были сформированы 7 групп поколений женщин по годам рождений: 1913—1917 гг., 1918—1922 гг., 1923—1927 гг., 1928—1932 гг., 1933—1937 гг., 1938—1942 гг., 1943—1947 гг. Таким образом таблицы характеризуют брачность реальных поколений советских женщин, родившихся в 1913—1947 гг.

При выборе начального возраста таблиц, установленного в 15 лет, учитывались брачные традиции жителей различных республик СССР. Так, для брачности женщин Среднеазиатских республик характерен ранний возраст вступления в брак (до 20 лет), а для женщин Прибалтики — сравнительно поздний. Конечный возраст таблиц определяется возрастом, который пережили все женщины данного поколения в момент обследования. Для всех поколений он разный, например женщины 1913—1917 гг. рождения на момент обследования были в возрасте от 50 до 54 лет, следовательно, конечный возраст таблицы для этого поколения 50 лет. Возраст вступления в первый брак определялся путем суммирования возраста женщины в момент обследования и даты заключения первого брака и вычитания даты обследования. Женщины, у которых возраст вступления в брак оказывался выше конечного возраста таблицы для данного поколения, учитывались в общем числе женщин этого поколения (замужних и незамужних).

Расчет самих показателей таблиц осуществлен обычным путем: получение повозрастных вероятностей вступления в брак к возрасту x лет — b_x , вычисление вероятностей невступления в брак $c_x = 1 - b_x$, получение численности незамужних женщин к следующему возрасту $S_{x+1} = S_x \cdot c_x$, S_{15} принято равным 10 000; затем определение числа браков в возрасте x лет — $B_x = S_x - S_{x+1}$. Полученные таким образом ряды повозрастных вероятностей вступления в брак отражают динамику брачности и в связи с этим выравниванию не подвергались. Выравнивание их для старших поколений, затронутых войной, могло бы исказить брачность военных лет, а ряды для молодых поколений имеют достаточно плавный характер во всех случаях, когда имелся достаточный массив.

Всего было обследовано 263365 женщин в возрасте от 18 до 54 лет, а для построения таблиц брачности использованы данные о 244209 женщинах в возрасте от 20 до 54 лет. Предыдущие исследования обнаружили различия в брачности женщин, живущих в поселениях разных типов, поэтому таблицы для союзных республик были получены в разрезе — большие города, прочие города, село⁴.

Для анализа брачности мы используем повозрастные вероятности вступления в брак и показатели, вычисленные на основе табличных чисел незамужних женщин к возрасту 20 и 25 лет:

долю женщин, вступивших в брак к возрасту 20 лет (показатель, характеризующий распространенность ранних браков);

долю женщин, вступивших в брак к возрасту 25 лет (показатель, характеризующий уровень брачности в тех возрастах, где она наиболее высока);

медианный возраст вступления в брак⁵.

Склонность женщин каждого поколения к ранней брачности показывает табл. 1.

Таблица 1

Ранняя брачность женщин СССР по поколениям

Поколения (годы рождения)	Годы достижения возраста 20 лет	Доля женщин данного поколения, вступивших в пер- вый брак к 20 годам, %			
		всего	большие города	прочие города	село
1913—1917	1933—1937	28,4	27,0	29,3	30,0
1918—1922	1938—1942	28,5	27,6	28,7	29,8
1923—1927	1943—1947	15,3	14,4	15,0	17,8
1928—1932	1948—1952	21,4	18,3	21,0	26,4
1933—1937	1953—1957	23,0	18,7	23,4	30,0
1938—1942	1958—1962	27,5	20,8	28,5	40,0
1943—1947	1963—1967	28,7	23,0	30,0	41,0

⁴ В данном обследовании в группу «большие города» выделялись столицы союзных и автономных республик и областные или краевые центры, все остальные города попали в группу «прочие города».

⁵ Учитывая, что большая часть поколений к моменту обследования еще не завершила брачности, мы считали медианным тот возраст, к которому вступила в брак половина всех женщин данного поколения. Это несколько выше истинной медианы, но общее число вступивших в брак по каждому поколению без экстраполяции установить нельзя.

Старшие поколения обнаруживают тенденцию к ранней брачности: свыше 28% женщин этих поколений к 20 годам вступили в брак. Однако в поколении женщин 1923—1927 гг. рождения этот показатель снижается до 15,3%, но в дальнейшем опять повышается до 28,7%. Изменение этого показателя в разрезе «город — село» повторяет общую тенденцию; интересно отметить, что по селу доля замужних женщин к 20 годам несколько выше (для молодых поколений значительно выше) для всех без исключения поколений. Эта особенность подтверждает традиционную более раннюю брачность жительниц села по сравнению с горожанками.

Аналогичный результат дает анализ брачности этих поколений к 25 годам.

Таблица 2

Уровень брачности женщин СССР к возрасту 25 лет

Поколения (годы рождения)	Годы достижения возраста 25 лет	Доля женщин данного поколения, вступивших в пер- вый брак к 25 годам, %			
		всего	большие города	прочие города	село
1913—1917	1938—1942	73,0	72,8	73,7	71,6
1918—1922	1943—1947	62,0	62,4	62,2	61,3
1923—1927	1948—1952	68,1	66,3	68,6	71,0
1928—1932	1953—1957	72,0	68,4	69,5	75,4
1933—1937	1958—1962	77,0	72,4	79,0	83,0
1938—1942	1963—1967	79,1	73,5	82,0	86,0
1943—1947	1968—1972	—	—	—	—

К возрасту 25 лет 73% женщин поколения 1913—1917 гг. рождения состояли в браке, следующее поколение дает снижение на 11%, а затем идет повышение этого показателя до 79% в поколении 1938—1942 гг. рождения. Аналогично предыдущему показателю доля замужних к 25 годам в молодых поколениях выше, чем у старших, на 4—6%. Динамика этого показателя в поселениях разного типа схожа с динамикой показателя по территории в целом; в пределах же одного поколения доля вступивших в брак до 25 лет повышается от города к селу, особенно значительна разница для молодых поколений — доля сельских жительниц, вступивших в брак к этому возрасту, в поколениях 1933—1937 гг. и 1938—1942 гг. рождения на 12—13% выше доли жительниц

больших городов по этим же поколениям. На основании изучения доли женщин, вступивших в брак к возрасту 20 и 25 лет, можно сделать вывод, что для молодых поколений, так же как и для старых, характерна ранняя брачность, и у молодых поколений она осуществляется значительно интенсивнее. Некоторые закономерности брачности исследуемых поколений яснее видны на кривых повозрастных вероятностей вступления в брак (см. рис. 1).

Эти кривые для поколений женщин 1913—1917 и 1918—1922 гг. имеют два существенных локальных максимума⁶, причем у кривой поколения 1913—1917 гг. рождения абсолютный максимум предшествует второму, а для поколения 1918—1922 гг. рождения следует за первым. Остальные кривые имеют по одному максимуму, правда, о поколении 1943—1947 гг. рождения, брачность которого на момент обследования еще не достигла высшей точки, судить рано.

Значения максимумов и соответствующие возраста для них приведены в табл. 3.

Таблица 3

Поколение	Возраст максимальной брачности	Годы	Максимальная вероятность вступления в брак
1913—1917	22—23	1935—1940	0,1908
1918—1922	26—27	1944—1949	0,1026
1923—1927	23—24	1946—1951	0,2092
1928—1932	24—25	1952—1957	0,2301
1933—1937	23	1956—1960	0,2470
1938—1942	23—24	1961—1966	0,2407

Более высокие вероятности вступления в брак в возрастах старше 30 лет у поколения 1928—1932 гг., чем у трех старших поколений, позволяют объяснить большую долю женщин, вступивших в брак, например, к возрасту 35 лет.

Доля не состоявших в браке женщин к этому возрасту по поколениям составила: поколение 1913—1917 гг. — 10%; поколение 1918—1922 гг. — 8,5%; поколение 1923—1927 гг. — 7,0%; поколение 1928—1932 гг. — 5,3%.

⁶ Говорить о максимумах кривых для двух старших поколений 1913—1917 и 1918—1922 гг. рождения можно весьма условно из-за сильной искаженности этих кривых.

Рассмотрение повозрастных вероятностей вступления в брак целесообразно начать с молодых поколений, для них характерны самые высокие уровни в ранних возрастах, особенно для поколения 1938—1942 гг.; за ним следуют поколения 1943—1947 гг. и 1933—1937 гг. рожде-

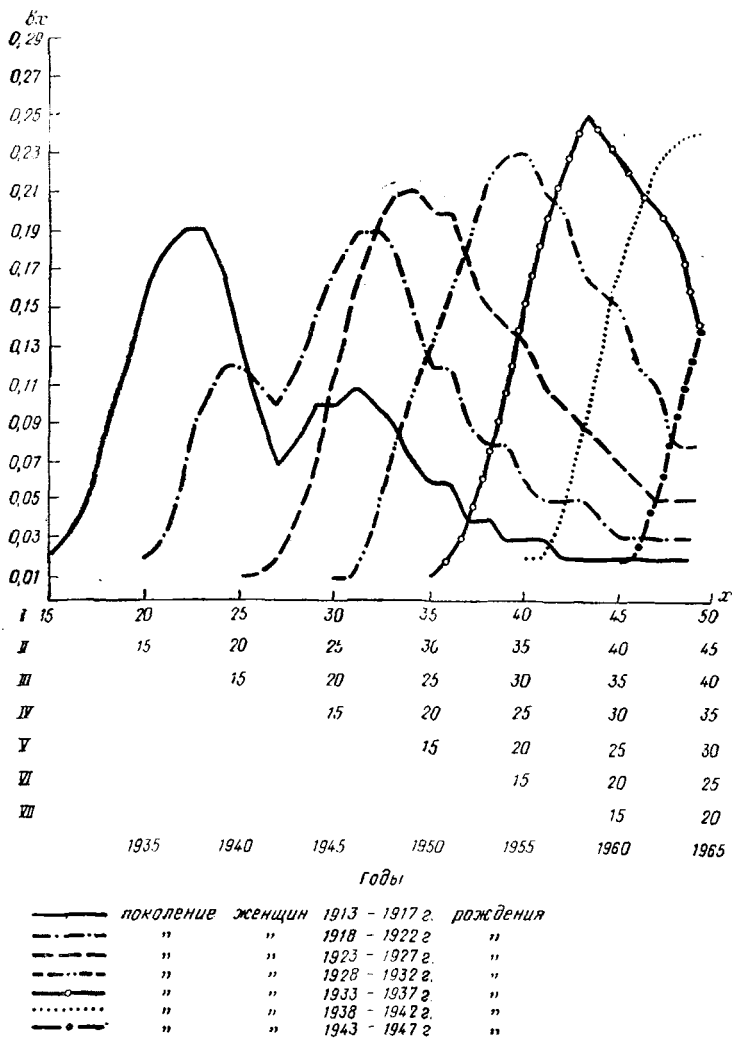

Рис. 1. Повозрастные вероятности вступления в первый брак для женщин СССР по поколениям

ния. Из старших поколений самый высокий уровень вероятностей характерен для поколения 1918—1922 гг. в возрастах до 19 лет. В этом возрасте для поколений 1913—1917 гг. и 1918—1922 гг. уровни совпадают, но в возрастах старше 19 лет они резко расходятся. Самые низкие уровни вероятностей характерны для поколения 1923—1927 гг. Они превышают уровни обоих старших поколений только в возрасте 22 лет и старше. Общее затухание кривых начинается в возрасте 30 лет и старше, оно идет примерно одинаково, независимо от характеристик максимума кривых.

Как видно из вышесказанного, кривые повозрастных вероятностей вступления в брак имеют разнообразный характер, различные уровни и максимальные значения. Для объяснения этих различий необходимо подробное рассмотрение характеристик брачности каждого поколения в отдельности, необходимо понять социальные условия, в которых сложилась его брачность, и попытаться объяснить ими различия в брачном поведении отдельных поколений, которые так отчетливо проявились при разборе кривых повозрастных вероятностей вступления в брак.

Поколение женщин 1913—1917 гг. рождения обнаруживает раннюю и интенсивную брачность. Повозрастные вероятности вступления в брак плавно возрастают с 0,02488 к 15 годам до 0,18981 к 23 годам, а затем идет быстрое снижение. Оно обусловлено началом Великой Отечественной войны, которая застала это поколение в возрасте от 24 до 28 лет, однако 67% женщин его успели заключить браки до 24 лет.

В возрасте 29—31 год начинается некоторое повышение вероятностей вступления в брак, оно приходится на первые послевоенные годы — 1946—1948 гг. Однако довоенного уровня эти вероятности не достигли, их максимальное значение в 1,6 раза меньше довоенного.

В гораздо большей степени война отразилась на брачности следующего поколения женщин 1918—1922 гг. рождения. У этого поколения возраст 20—23 года, характеризуемый в обычных условиях наивысшей брачностью, пришелся на годы войны. Именно поэтому повозрастные вероятности вступления в брак возрастают от 0,02052 в 15 лет до 0,11872 — к 20 годам, а затем снижаются до 0,09535 к возрасту 22 года и повышаются до 0,19257 к возрасту 26 лет. Повышение, как и у предыдущего поколе-

ния, приходится на период 1945—1948 гг. Таким образом становится понятным существование не одного, как обычно, а двух максимумов у кривых повозрастных вероятностей вступления в брак этих поколений.

Следующее поколение женщин 1923—1927 гг. рождения начало войны застигло в возрастах от 15 до 18 лет, а в 1945 г. им было от 18 до 22 лет, для них в еще большей степени характерно откладывание браков. Медленный рост вероятностей (от 0,01433 к 15 годам до 0,20922 к 23 годам), растянутость вершины кривой позволяют говорить о том, что брачность этого поколения растянута во времени, хотя война не вызвала таких резких перепадов, как в обоих старших поколениях. Женихи женщин этого поколения — мужчины 1918—1922 гг. рождения (учитывая разницу в возрастах женихов и невест от 3 до 5 лет) понесли значительные потери, поэтому многим женщинам пришлось искать брачного партнера среди старших поколений мужчин, где большинство мужчин уже были женаты к началу войны, или среди своих сверстников, или среди более молодых мужчин.

Браки последующих поколений полностью приходятся на послевоенные годы. После войны социально-экономические условия и постепенная нормализация возрастно-половой структуры населения обусловили более интенсивный характер брачности, омоложение браков.

Анализируя брачность всех рассматриваемых поколений женщин, необходимо отметить различия брачности у женщин в поселениях разного типа. Для сельских жительниц поколения 1913—1917 гг. рождения характерны более высокие вероятности вступления в брак в возрастах до 21 года, чем для городских. В послевоенный период вероятности для сельских жительниц ниже вероятностей вступления в брак для жительниц больших городов. Аналогичная картина наблюдается и для сельских жительниц 1918—1922 гг. рождения. До 19 лет повозрастные вероятности для жительниц села выше, чем для городских, затем они совпадают в точке первого максимума, но в возрастах до второго максимума вероятности вступления в брак для сельских жительниц ниже значений этого показателя для городских жительниц. Для остальных возрастов значения вероятностей вступления в брак в сельской местности колеблются около значений показателя по городу. Уровень послевоенного подъема брачности на селе не достиг уровня больших городов.

Возможно, что это имело место в силу двух обстоятельств: во-первых, работа в оборонной промышленности и на других крупных промышленных объектах в военный период в городах уменьшает число мужчин, подлежащих мобилизации, в то время как на селе мобилизуются почти все мужчины; во-вторых, могла сказаться «мужская» миграция из села в город, наблюдавшаяся в послевоенные годы.

Для всех последующих поколений повозрастные вероятности вступления в брак в сельской местности выше, чем в городах. Это подтверждает наличие тенденции к более ранней брачности у сельских женщин.

В качестве обобщающей характеристики динамики брачности приведем медианные возраста вступления в брак по поколениям.

Таблица 4

Медианный возраст женщин разных поколений при вступлении в первый брак

Тип поселения	Поколения женщин, родившихся					
	в 1913— 1917 гг.	в 1918— 1922 гг.	в 1923— 1927 гг.	в 1928— 1932 гг.	в 1933— 1937 гг.	в 1938— 1942 гг.
Всего	22,0	23,0	23,1	22,7	22,2	21,8
Большие города	22,2	23,2	23,3	23,0	22,7	22,4
Прочие города	21,8	23,1	23,1	22,8	22,0	21,6
Село	21,8	23,2	22,8	22,2	21,5	20,7

Влияние войны, обусловившей откладывание браков у женщин поколений 1918—1922 гг. и 1923—1927 гг. рождения, выразилось в самых высоких значениях этого показателя. Снижение медианного возраста вступления в брак у следующих поколений отразило постепенную нормализацию брачности, омоложение браков.

В заключение анализа характера брачности всех поколений отметим, что в самом старшем поколении, в значительной мере пострадавшем от войны, доля женщин, не вступивших в брак к 50 годам (показатель интенсивности брачности), не превысила 6%, что весьма близко к доли женщин, не вступивших в брак по таким странам, как Чехословакия, Венгрия, ГДР, и гораздо ниже величины этого показателя по некоторым странам Западной Европы: Франции, ФРГ, Нидерландам, Швеции.

Доля женщин, не вступивших в брак к возрасту 50—54 года

Страна	Годы рождения	Проценты	
СССР (наше обследование) — Всего	1913—1917	6,2	
	Большие города	1913—1917	6,4
		Прочие города	1913—1917
	Село		1913—1917
Чехословакия	1912—1916	5,8	
Венгрия	1913—1917	6,5	
ГДР	1912—1916	6,5	
Франция	1913—1917	8,2	
ФРГ	1912—1916	8,4	
Нидерланды	1913—1917	9,5	
Швеция	1911—1915	10,4	

Источник. Народнонаселение стран мира. М., 1974, с. 114.

Анализ брачности рассматриваемых поколений показывает, что война оказала существенное влияние на брачность старших поколений женщин. Возникает вопрос, как протекал бы этот процесс, если бы не война, и можно ли дать ему количественную оценку. В демографической литературе существует немало работ, посвященных анализу влияния войн на демографические процессы. Среди работ, посвященных брачности, выделяется статья французского демографа Л. Анри «Нарушения соотношения в брачности под влиянием войны 1914—1918 гг.»⁷, где автор, используя различные математические методы, дает оценку теоретическому уровню брачности женщин при условии отсутствия войны.

Однако применение метода анализа Л. Анри требует столь обширных статистических данных, которыми мы не располагаем и получить которые для нашей страны нет возможности. Не претендуя на широкий и полный анализ влияния войны на брачность женщин всех поколений, попытаемся оценить уровень брачности для мирных условий женщин поколения 1913—1917 гг. на примере РСФСР, используя для этой цели метод, предложен-

⁷ Henry L. Perturbations de la nuptialite resultant de la guerre 1914—1918. — «Population», 1966, № 2, p. 273—315.

ный А. Коулум⁸. Автор вводит показатель — стандартизованная вероятность вступить в первый брак в каждом возрасте, рассчитываемый по формуле

$$r_x = \frac{0,174}{k} e^{-4,411e^{-\frac{0,309(x-x_0)}{k}}}$$

где x_0 — начальный возраст таблицы брачности;
 k — параметр, связанный с интенсивностью процесса брачности.

Применение показателя r_x к брачности женщин разных стран, в том числе к брачности шведских женщин 1900—1910 гг. рождения как модели поздней брачности и к брачности жительниц Тайваня 1915—1940 гг. рождения как модели ранней брачности, оказалось весьма успешным.

Для получения исходного ряда r_x для условной теоретической таблицы брачности женщин поколения 1913—1917 гг. рождения были получены по 2 оценки величин x_0 и k : первая из данных для возрастов 19, 21 и 23 лет (решалась система трех уравнений с двумя неизвестными) составила $x_0 = 15,46$ и $k = 0,5658$ и вторая для возрастов 18, 20 и 22 лет — $x_0 = 14,58$ и $k = 0,73791$.

Выбор этих возрастов как опорных точек для получения условной кривой определяется тем, что поколение 1913—1917 гг. рождения проходило эти возрасты до войны, и брачность этих возрастов может быть принята как характерная для поколения в мирных условиях.

Разница между этими оценками обусловила выбор средних величин $x_0 = 15$ лет и $k = 0,6519$. По формуле ряд r_x получен для возрастов от 15 до 30 лет. Начиная с 30 лет до возраста 49 лет значения рассчитаны по экспоненте $r_{x+1} = r_x e^k$. Через формулу

$$r_x = \frac{S_x - S_{x+1}}{S_x - S_{50}}$$

где S_{50} — число незамужних к возрасту 50 лет, равное в РСФСР для поколения 1913—1917 гг. рождения 621

⁸ Coale A. Age Patterns of marriage. — «Population Studies», 1971, N 2, p. 193—214.

на 1000, получены показатели условной таблицы брачности S_x' ; $S_{15} = 10\,000$,

$$B_x' = S_x' - S'_{x+1}, \quad b_x' = \frac{B_x'}{S_x'}$$

Рассмотрим график кривых фактической и теоретической повозрастных вероятностей вступления в брак (рис. 2). График показывает, что в нормальных условиях брачность у поколения женщин РСФСР 1913—1917 гг. рождения сложилась бы качественно иным образом. Отсутствовал бы существенный провал вероятностей вступления в брак в возрастах 25—29 лет, вызванный войной, и имеющийся подъем вероятностей в возрастах 29—31 год. Вероятности вступления в брак в возрасте 30 лет и старше оказались бы существенно ниже, чем фактические, а в возрастах старше 40 лет приближались бы к ну-

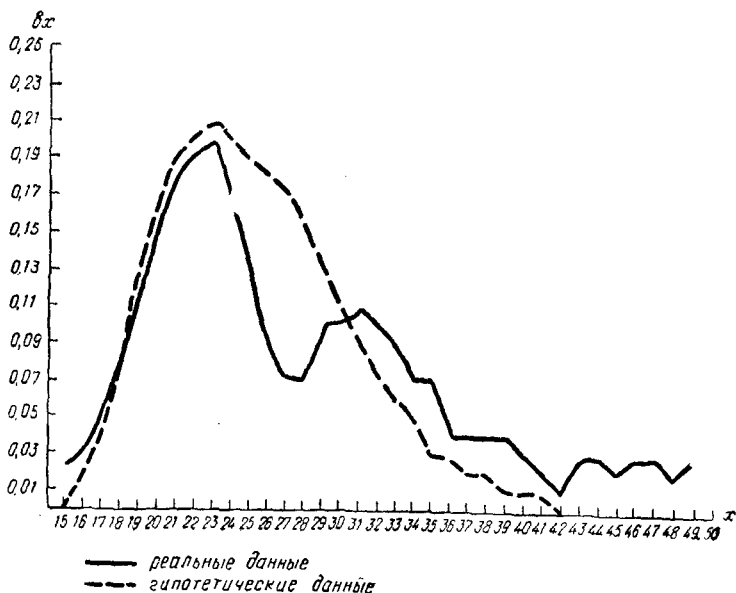

Рис. 2. Повозрастные вероятности вступления в первый брак для женщин РСФСР 1913—1917 гг. рождения

лю. Доля женщин, вступивших в брак к 30 годам, составила бы 90% вместо 83%, медианный возраст почти не изменился бы (22,01 года по исходной таблице и 22,08

года по условной), так как война оказала свое влияние в возрастах старше 22 лет.

Средний возраст вступления в брак по условной таблице оказался одинаковым со средним возрастом вступления в брак по исходной таблице (соответственно 22,08 и 22,02), однако величины этого показателя, рассчитанного для возрастов старше 21 года, существенно различаются: по условной таблице — 25,5 года, по исходной значительно выше — 27,14 года, что свидетельствует об откладывании браков женщинами, не успевшими выйти замуж до войны.

Для поколений более молодых, чья брачность была нарушена войной в более раннем возрасте, подобный метод гипотетического расчета непригоден, так как период спокойного развития брачности в этих поколениях не достаточен для того, чтобы даже с помощью модели Л. Коула установить основные параметры, которые были бы характерны для брачности этих поколений в условиях мирного развития. Нарушение брачности в каждом поколении в результате войны необратимо, и приведенный расчет показывает лишь возмущения, внесенные войной, в распределение первых браков у женщин. Искажения брачности, вызванные войной, очень затрудняют изучение основных тенденций изменения брачности, и сейчас мы не имеем для сравнения старших поколений, чья брачность была бы не затронута войной.

ПОВОЗРАСТНЫЕ ВЕРОЯТНОСТИ ВСТУПЛЕНИЯ
В ПЕРВЫЙ БРАК ЖЕНЩИН СССР

Таблица 1

Весь массив

Воз- раст	Поколения, родившиеся в						
	1913— 1917 гг.	1918— 1922 гг.	1923— 1927 гг.	1928— 1932 гг.	1933— 1937 гг.	1938— 1942 гг.	1943— 1947 гг.
15	0,0249	0,0205	0,0143	0,0091	0,0148	0,0157	0,0155
16	0,0323	0,0289	0,0147	0,0141	0,0158	0,0180	0,0225
17	0,0547	0,0579	0,0224	0,0340	0,0351	0,0432	0,0499
18	0,0857	0,0966	0,0420	0,0699	0,0698	0,0890	0,0967
19	0,1220	0,1168	0,0692	0,1043	0,1138	0,1400	0,1370
20	0,1558	0,1187	0,1159	0,1348	0,1584	0,1808	
21	0,1804	0,1069	0,1559	0,1589	0,1956	0,2112	
22	0,1908	0,0954	0,1944	0,1897	0,2314	0,2323	
23	0,1898	0,1185	0,2092	0,2178	0,2470	0,2386	
24	0,1659	0,1547	0,2084	0,2266	0,2421	0,2407	
25	0,1373	0,1741	0,1987	0,2301	0,2341		
26	0,0994	0,1926	0,1974	0,2071	0,2092		
27	0,0713	0,1857	0,1705	0,2011	0,1993		
28	0,0770	0,1838	0,1519	0,1738	0,1787		
29	0,0977	0,1542	0,1453	0,1624	0,1427		
30	0,1038	0,1233	0,1325	0,1457			
31	0,1099	0,1167	0,1148	0,1222			
32	0,0973	0,0881	0,1042	0,1150			
33	0,0927	0,0777	0,0970	0,0848			
34	0,0653	0,0786	0,0820	0,0809			
35	0,0598	0,0586	0,0745				
36	0,0471	0,0525	0,0678				
37	0,0436	0,0534	0,0500				
38	0,0369	0,0559	0,0502				
39	0,0342	0,0357	0,0511				
40	0,0326	0,0336					
41	0,0259	0,0336					
42	0,0219	0,0384					
43	0,0325	0,0329					
44	0,0281	0,0282					
45	0,0276						
46	0,0362						
47	0,0308						
48	0,0249						
49	0,0340						

Таблица 2

Жительницы больших городов СССР

Воз- раст	Поколения, родившиеся в						
	1913— 1917 гг.	1918— 1922 гг.	1923— 1927 гг.	1928— 1932 гг.	1933— 1937 гг.	1938— 1942 гг.	1943— 1947 гг.
15	0,0217	0,0188	0,0123	0,0074	0,0099	0,0098	0,0103
16	0,0309	0,0242	0,0137	0,0125	0,0119	0,0102	0,0138
17	0,0515	0,0537	0,0213	0,0276	0,0245	0,0293	0,0353
18	0,0830	0,0930	0,0404	0,0559	0,0558	0,0634	0,0768
19	0,1136	0,1190	0,0640	0,0929	0,0985	0,1115	0,1150
20	0,1486	0,1160	0,1147	0,1189	0,1366	0,1533	
21	0,1710	0,1093	0,1446	0,1490	0,1676	0,1873	
22	0,1947	0,1011	0,1867	0,1775	0,2098	0,2158	
23	0,1974	0,1275	0,1975	0,2026	0,2283	0,2081	
24	0,1849	0,1581	0,2031	0,2137	0,2248	0,2163	
25	0,1438	0,1758	0,1892	0,2148	0,2228		
26	0,1051	0,1962	0,1903	0,1987	0,2017		
27	0,0745	0,1807	0,1680	0,1815	0,1905		
28	0,0810	0,1871	0,1453	0,1608	0,1825		
29	0,0987	0,1538	0,1395	0,1617	0,1420		
30	0,1070	0,1218	0,1329	0,1378			
31	0,1150	0,1132	0,1032	0,1196			
32	0,0942	0,0921	0,0957	0,1112			
33	0,0971	0,0745	0,0982	0,0760			
34	0,0676	0,0624	0,0796	0,0754			
35	0,0582	0,0494	0,0736				
36	0,0412	0,0497	0,0721				
37	0,0373	0,0523	0,0583				
38	0,0293	0,0489	0,0497				
39	0,0302	0,0303	0,0513				
40	0,0399	0,0326					
41	0,0273	0,0379					
42	0,0200	0,0409					
43	0,0204	0,0381					
44	0,0334	0,0348					
45	0,0302						
46	0,0341						
47	0,0307						
48	0,0222						
49	0,0308						

Жительницы прочих городов СССР

Воз- раст	Поколения, родившиеся в						
	1913— 1917 гг.	1918— 1922 гг.	1923— 1927 гг.	1928— 1932 гг.	1933— 1937 гг.	1938— 1942 гг.	1943— 1947 гг.
15	0,0271	0,0207	0,0142	0,0091	0,0146	0,0149	0,0157
16	0,0332	0,0313	0,0142	0,0135	0,0151	0,0167	0,0219
17	0,0547	0,0601	0,0215	0,0331	0,0366	0,0436	0,0502
18	0,0869	0,0981	0,0401	0,0725	0,0712	0,0946	0,1028
19	0,1287	0,1136	0,0688	0,0992	0,1185	0,1476	0,1478
20	0,1626	0,1254	0,1151	0,1312	0,1661	0,1930	
21	0,1837	0,1084	0,1628	0,1517	0,2084	0,2264	
22	0,1946	0,0938	0,1958	0,1775	0,2424	0,2469	
23	0,1972	0,1099	0,2130	0,2033	0,2602	0,2670	
24	0,1587	0,1560	0,2112	0,1990	0,2558	0,2640	
25	0,1365	0,1770	0,2095	0,1997	0,2412		
26	0,1008	0,1883	0,2107	0,1579	0,2154		
27	0,0707	0,1929	0,1748	0,1519	0,1986		
28	0,0723	0,1849	0,1579	0,1220	0,1799		
29	0,1037	0,1512	0,1473	0,0982	0,1435		
30	0,1066	0,1271	0,1360	0,0943			
31	0,1066	0,1270	0,1231	0,0669			
32	0,1061	0,0874	0,1215	0,0631			
33	0,0869	0,0841	0,1037	0,0412			
34	0,0603	0,0865	0,0866	0,0419			
35	0,0580	0,0701	0,0732				
36	0,0537	0,0578	0,0698				
37	0,0443	0,0547	0,0446				
38	0,0478	0,0705	0,0456				
39	0,0350	0,0425	0,0525				
40	0,0363	0,0412					
41	0,0295	0,0298					
42	0,0253	0,0426					
43	0,0381	0,0249					
44	0,0252	0,0274					
45	0,0258						
46	0,0360						
47	0,0373						
48	0,0286						
49	0,0378						

Таблица 4

Жительницы сельской местности СССР

Воз- раст	Поколения, родившиеся в						
	1913— 1917 гг.	1918— 1922 гг.	1923— 1927 гг.	1928— 1932 гг.	1933— 1937 гг.	1938— 1942 гг.	1943— 1947 гг.
15	0,0279	0,0235	0,0185	0,0122	0,0249	0,0300	0,0289
16	0,0336	0,0336	0,0175	0,0183	0,0252	0,0374	0,0476
17	0,0619	0,0620	0,0263	0,0471	0,0530	0,0734	0,0902
18	0,0893	0,1009	0,0487	0,0907	0,0956	0,1361	0,1418
19	0,1287	0,1186	0,0799	0,1242	0,1365	0,1949	0,1808
20	0,1601	0,1115	0,1196	0,1527	0,1903	0,2278	
21	0,1965	0,0996	0,1648	0,1653	0,2336	0,2458	
22	0,1741	0,0869	0,2076	0,2004	0,2620	0,2487	
23	0,1586	0,1169	0,2261	0,2230	0,2676	0,2698	
24	0,1358	0,1455	0,2141	0,2389	0,2593	0,2708	
25	0,1251	0,1656	0,1972	0,2320	0,2516		
26	0,0854	0,1934	0,1864	0,2282	0,2181		
27	0,0658	0,1819	0,1676	0,2287	0,2297		
28	0,0765	0,1761	0,1550	0,1892	0,1627		
29	0,0862	0,1605	0,1542	0,1750	0,1429		
30	0,0931	0,1194	0,1246	0,1311			
31	0,1053	0,1051	0,1250	0,1254			
32	0,0894	0,0819	0,0899	0,1047			
33	0,0933	0,0724	0,0814	0,1039			
34	0,0686	0,0944	0,0791	0,0701			
35	0,0659	0,0561	0,0790				
36	0,0477	0,0488	0,0541				
37	0,0548	0,0536	0,0414				
38	0,0346	0,0448	0,0597				
39	0,0406	0,0346	0,0481				
40	0,0124	0,0230					
41	0,0176	0,0314					
42	0,0205	0,0270					
43	0,0471	0,0361					
44	0,0220	0,0173					
45	0,0253						
46	0,0404						
47	0,0210						
48	0,0245						
49	0,0346						

ДОЛЯ ЖЕНЩИН, НИКОГДА НЕ СОСТОЯВШИХ В БРАКЕ
(на 1000 женщин), СССР

Таблица I

Весь массив

Возраст	Поколения, родившиеся в						
	1913— 1917 гг.	1918— 1922 гг.	1923— 1927 гг.	1928— 1932 гг.	1933— 1937 гг.	1938— 1942 гг.	1943— 1947 гг.
15	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
16	975	980	986	991	985	984	985
17	944	951	971	977	970	967	962
18	892	896	950	944	936	925	914
19	816	810	910	878	870	843	826
20	716	715	847	786	771	725	713
21	604	630	749	680	649	594	
22	495	563	632	572	522	468	
23	401	509	509	464	401	359	
24	325	449	403	363	302	274	
25	271	379	319	281	229	208	
26	234	313	255	216	176		
27	211	253	205	171	139		
28	196	206	170	137	111		
29	181	168	144	113	91		
30	163	142	123	95	78		
31	146	125	107	81			
32	130	110	95	71			
33	117	100	85	63			
34	107	93	77	58			
35	100	85	70	53			
36	94	80	65				
37	89	76	61				
38	85	72	58				
39	82	68	55				
40	79	66	52				
41	77	63					
42	75	61					
43	73	59					
44	71	57					
45	69	55					
46	67						
47	64						
48	62						
49	61						
50	59						

Таблица 2

Жительницы больших городов СССР

Воз- раст	Поколения, родившиеся в						
	1913— 1917 гг.	1918— 1922 гг.	1923— 1927 гг.	1928— 1932 гг.	1933— 1937 гг.	1938— 1942 гг.	1943— 1947 гг.
15	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
16	978	981	988	993	990	990	990
17	948	957	974	980	978	980	976
18	899	906	953	953	954	952	942
19	825	822	915	900	901	891	869
20	731	724	856	817	813	792	769
21	622	640	758	720	702	670	
22	516	570	649	613	584	545	
23	416	512	527	504	461	427	
24	334	447	423	402	356	338	
25	272	376	337	316	276	255	
26	233	310	274	248	215		
27	208	249	222	199	171		
28	193	204	184	163	139		
29	177	166	158	136	113		
30	160	141	136	114	97		
31	143	123	118	99			
32	126	109	105	87			
33	114	99	95	77			
34	103	92	86	71			
35	96	86	79	66			
36	91	82	73				
37	87	78	68				
38	84	74	64				
39	81	70	61				
40	79	68	58				
41	76	66					
42	74	63					
43	72	61					
44	71	58					
45	68	56					
46	66						
47	64						
48	62						
49	60						
50	58						

Жительницы прочих городов СССР

Воз- раст	Поколения, родившиеся в						
	1913— 1917 гг.	1918— 1922 гг.	1923— 1927 гг.	1928— 1932 гг.	1933— 1937 гг.	1938— 1942 гг.	1943— 1947 гг.
15	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
16	973	979	986	991	985	985	984
17	941	949	972	978	971	969	963
18	889	892	951	945	935	927	914
19	812	804	913	877	869	839	820
20	707	713	850	790	766	715	699
21	592	624	752	686	638	577	
22	484	556	630	582	505	446	
23	390	504	506	479	383	336	
24	313	448	398	381	283	246	
25	263	378	314	305	211	181	
26	227	311	249	244	160		
27	204	253	196	206	126		
28	190	204	162	175	101		
29	176	166	136	153	83		
30	158	141	116	138	71		
31	141	123	100	125			
32	126	108	88	117			
33	113	98	77	109			
34	103	90	69	105			
35	97	82	63	101			
36	91	76	59				
37	86	72	55				
38	82	68	52				
39	79	63	50				
40	76	61	47				
41	73	58					
42	71	56					
43	69	54					
44	66	53					
45	65	51					
46	63						
47	61						
48	58						
49	57						
50	55						

Таблица 4

Жительницы сельской местности СССР

Возраст	Поколения, родившиеся в						
	1913— 1917 гг.	1918— 1922 гг.	1923— 1927 гг.	1928— 1932 гг.	1933— 1937 гг.	1938— 1942 гг.	1943— 1947 гг.
15	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
16	972	977	982	988	975	970	971
17	940	944	964	970	951	934	925
18	881	885	939	924	900	865	842
19	803	796	893	840	814	747	722
20	699	702	822	736	703	602	592
21	587	623	724	624	569	465	
22	472	561	604	520	436	350	
23	390	512	479	416	322	263	
24	328	453	371	323	236	192	
25	284	387	291	246	175	140	
26	248	323	234	189	131		
27	227	260	190	146	102		
28	212	213	158	113	79		
29	196	175	134	91	66		
30	179	147	113	75	57		
31	162	130	99	65			
32	145	116	87	57			
33	132	107	79	51			
34	120	99	73	46			
35	112	90	67	43			
36	104	85	62				
37	99	80	58				
38	94	76	56				
39	91	73	53				
40	87	70	50				
41	86	69					
42	84	66					
43	83	65					
44	79	62					
45	77	61					
46	75						
47	72						
48	71						
49	69						
50	67						

СОДЕРЖАНИЕ

	С.
<i>Л. Е. Дарский.</i> Проблемы изучения факторов рождаемости	3
<i>А. Г. Вишневский.</i> Тенденции рождаемости и проблема изучения их последствий	22
Проблема идентификации последствий изменений рождаемости	23
Проблема классификации последствий изменений рождаемости	27
Проблема количественной оценки последствий изменений рождаемости	31
Проблема критериев оценки последствий и их согласования	32
<i>А. Г. Волков.</i> О необходимости воздействия на рождаемость	35
Изучение перспектив изменения рождаемости	36
Об оценке желательного уровня рождаемости	43
Соотношение оптимальных уровней рождаемости для семьи и для общества	51
Воздействие на рождаемость: необходимость и возможность	57
<i>В. А. Болдырев.</i> Экономические аспекты проблемы рождаемости	62
<i>Р. И. Сифман.</i> Рождаемость и материальная обеспеченность	76
Методика построения показателей материальной обеспеченности семьи	77
Некоторые результаты разработки	88
<i>В. А. Белова.</i> Некоторые аспекты изучения репродуктивного поведения	93
<i>Г. А. Бондарская.</i> Этническая дифференциация рождаемости в СССР и ее сущность	106
<i>И. П. Ильина.</i> Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих в СССР	121
<i>Приложение I.</i> Повозрастные вероятности вступления в первый брак женщин СССР	134
<i>Приложение II.</i> Доля женщин, никогда не состоявших в браке (на 1000 женщин), СССР	138

Р62 **Рождаемость (Проблемы изучения).** Под
ред. Л. Е. Дарского. М., «Статистика», 1976.

142 с. с ил. (Науч.-исслед. ин-т ЦСУ СССР. Отдел демографии).

Книга представляет собой сборник статей, в основном подготовленный сотрудниками Отдела демографии НИИ ЦСУ СССР. Это серьезное исследование проблем рождаемости в СССР. Сборник привлекает новизной постановки вопросов, убедительной критикой некоторых устаревших подходов к решению проблем рождаемости, выдвижением новых гипотез, иногда дискуссионных.

Книгу с интересом прочтут демографы, социологи, экономисты. Она будет также полезна студентам экономических вузов и факультетов.

Р $\frac{10805-036}{008(01)-76}$ 37-76

312

Рождаемость

Редактор *Г. И. Чертова*
Младший редактор *И. Ю. Кателевская*
Техн. редактор *Л. Г. Чельшева*
Корректоры *В. М. Кудрина,*
С. С. Писаревская
Худ. редактор *Т. В. Стихно*

Сдано в набор 17/IX 1975 г.
Подписано к печати 10/II 1976 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂ Бумага № 3
Объем 4,5 печ. л. Уч.-изд. л. 7,34
Усл. п. л. 7,56 Тираж 9000 экз. А 09731
(Тематич. план 1976 г. № 37)
Заказ № 2210 Цена 44 коп.

Издательство «Статистика»,
Москва, ул. Кирова, 39.

Великолукская городская типография
управления издательств, полиграфии
и книжной торговли
Псковского облисполкома.
г. Великие Луки, Половская, 13

44 коп.